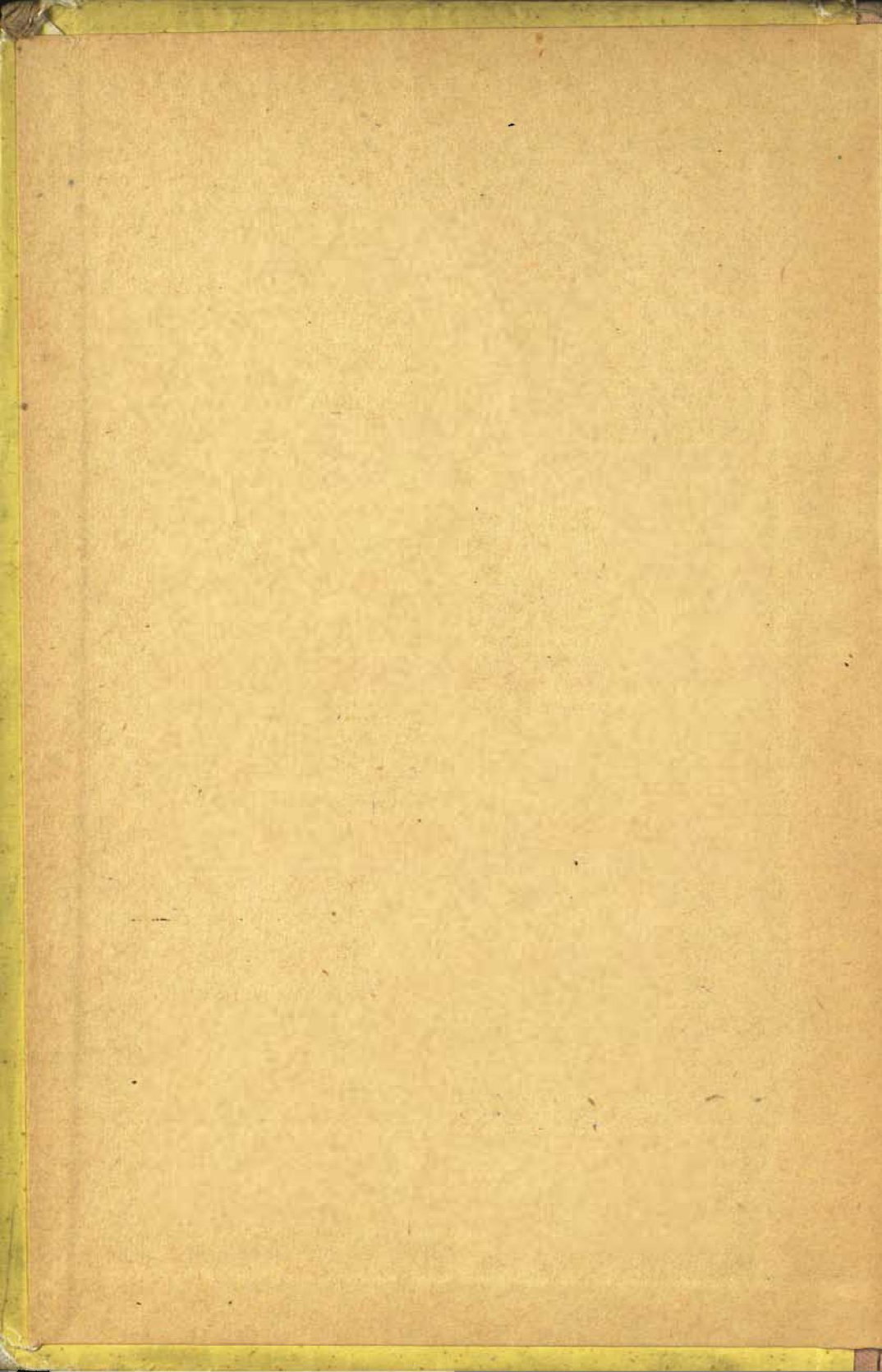

43
PETERA STUCKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITATE
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕТРА-СТУЧКИ

**ZINĀTNISKIE RAKSTI
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

SEJUMS 43 TOM

RIGĀ 1961 РИГА

PĒTERA STUČKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕТРА СТУЧКИ

**ZINĀTNISKIE RAKSTI
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

SĒJUMS 43 TOM

RIGA 1961 РИГА

~~Р-62~~ РТ-78
~~630~~ 43

REDAKCIJAS KOLEĢIJA

Filoloģijas zinātņu kandidāte, docente M. Semjonova
Filoloģijas zinātņu kandidāte L. Taubenberga
Pasniedzējs J. Kušķis

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кандидат филологических наук, доцент М. Ф. Семенова
Кандидат филологических наук Л. И. Таубенберг
Преподаватель Я. Я. Кушкис

268-11-62

FILOLOGIJAS ZINĀTNES
KRIEVU VALODAS KĀTEDRAS RAKSTU KRĀJUMS

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
СБОРНИК КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

LAI DIENS 7 A В Ы П У С К

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Настоящий выпуск Ученых записок Латвийского государственного университета им. П. Стучки является вторым отдельным сборником работ кафедры русского языка историко-филологического факультета.

В сборнике рассматривается ряд вопросов, над которыми работают члены кафедры: по истории русского языка (Н. Д. Боголюбова и Л. И. Таубенберг, а также недавно окончившая университет Е. С. Смирнова; обе статьи разработаны на материале древнерусских документов Рижского городского архива), по современному русскому языку (Н. А. Донец, Е. М. Целма), по языку писателя (Т. И. Пабауская), по сравнительному изучению русского и латышского языков (М. Ф. Семенова, В. А. Юрик).

В сборник включены статьи, связанные с историей русской лексики и подготовленные научными работниками из других городов: А. В. Суперанской (Москва) и М. А. Соколовой (Ленинград).

Все отзывы, замечания и предложения просим направлять в редколлегию по адресу: Рига, ул. Ленина 32.

FROM THE EDITORIAL BOARD

This issue of the Scientific Transactions of Peter Stuchka Latvian State University is the second part of a collection of works by the Russian Language Chair of the Faculty of History and Philology.

This collection includes a number of questions at present under investigation by members of the faculty, as follows: N. D. Bogolyubova and L. I. Taubenberg's «Observations of the Novgorod Papers of the XIII to XIV Centuries», as well as the «Morphological Notes of the Novgorod Papers XIII—XIV Centuries», written by Y. Smirnov, a graduate of the University, both papers to be found in the Riga state Archives. Modern Russian is represented by N. A. Donets' «Phraseological Unities in the Function of the Simple Predicate», and Y. M. Tselma's «On the Problem of the Correlation of Sentences with Participle Constructions and Synonymous Constructions». As regards the language of literature, T. I. Pabauska writes an article on «Foreign Words and Phraseology in A. P. Chekhov» and «The Vocabulary of Popular Speech and its Rôle in Chekhov's Literary Works». A comparative study of the Russian and Latvian languages may be found in M. F. Semenova's «Comparison of the Russian and Latvian Languages (Introduction, Word-Stock, Phonetics)»; and V. A. Yurick writes on «The Category of Number of Nouns in the Russian and Latvian Languages».

The collection also includes articles connected with the history of the Russian word-stock; together with articles written by scientific workers of other cities, as: «Russian Names for Clothes», by A. V. Superanskaya, Moscow; and «Borrowings in Building Construction (coined from the Greek)», by M. A. Sokolova, Leningrad.

Your opinions, remarks or suggestions would be appreciated. Kindly address all correspondence to The Editorial Board, 32 Lenin Street, Riga.

Н. Д. Боголюбова, Л. И. Таубенберг

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЯЗЫКОМ НОВГОРОДСКИХ ГРАМОТ XIII—XIV ВВ. РИЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГОРОДСКОГО АРХИВА

Язык новгородских грамот, хранящихся в Рижском государственном архиве, в совокупности всех его явлений не служил предметом специального исследования. Только В. И. Борковский¹⁾, используя языковой материал древнерусских грамот для описания синтаксических явлений древнерусского языка, в число памятников включает и изданные грамоты рижского архива. П. С. Кузнецов²⁾ изредка использует примеры из данных грамот для морфологической характеристики древнерусского языка в его говорах. Ни А. А. Шахматов³⁾, ни исследователь языка берестяных грамот⁴⁾ по самому принципу отбора памятников не имели дела с новгородскими грамотами рижского архива. И тем не менее их выводы и обобщения приемлемы в основном для всех памятников новгородского диалекта. Языковые факты, приводимые ими, можно лишь дополнить примерами из грамот рижского архива, перечисленных нами в статье «О древнерусских памятниках XIII—XIV вв. Рижского городского архива»⁵⁾.

ИЗ ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ

Употребление редуцированных ъ и ь во всех данных грамотах и XIII и XIV века свидетельствует о полной утрате ими звукового значения. Слабые редуцированные отсутствуют, как

¹⁾ В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот, Львов, 1949 г.

²⁾ П. С. Кузнецов, Очерки исторической морфологии русского языка, Изд. АН СССР, Москва, 1959.

³⁾ А. А. Шахматов, Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. Исследования по русскому языку, ИОРЯС, т. 1, СПб. 1895.

⁴⁾ Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, изд. АН СССР, Москва, 1955; А. В. Арциховский и В. И. Борковский, Новгородские грамоты на бересте, изд. АН СССР, 1958.

⁵⁾ Ученые записки Латвийского государственного университета им. Петра Стучки, том XXXVI, вып. 6а, 1960 г.

правило, в корнях слов, например: князь⁶⁾, послалъ, всякому, всѣми, възмутъ, дчьрь (1189—1199 г.); князь, всѣми, что, кто, посломъ, двѣ (1262—63 г.)⁷⁾; князю, кто, мнѣ (1266—72 г.); князя, всего, но и: вьсего (1300 г.); князя, всего, что, послалъ, но: посъло⁸⁾ (1302 г.); кто, что, всего (1303—1307 г.); всему, кто, что, послу (1392 г.); всимъ (1400 г.); всего, всякохъ, при-слалъ (кон. XIV — нач. XV в.).

Обычно нет слабых редуцированных и в суффиксальных морфемах, хотя в некоторых случаях и наблюдается традиционное написание:

-ьц-: нѣмци, новгородцю (2), новгородца (:новгородьци) (1189—1199 г.); новгородци, нѣмци (1262—63 г.); новгороцьмъ, новгороцю (в последнем случае наверху надписан *д*), купьць (1303—1307 г.). Последовательно пишется -ьц- в формах слова *купьць* в грамоте 1392 г., там же и: *юръевьцьвъъ*, *нѣмьцомъ*, *ругодивьци*, *заморьци*, но: *нѣмъцамъ*, *нѣмчемъ*⁹⁾, *ругодивъци*; *истци*; *заморчи*, *заморци* (кон. XIV — нач. XV в.);

-ьч- (<ьк) (-ин-): *купчину*, *нѣмчину* (1189—1199 г.); *докончхъмъ*, *кончати* (1262—63 г.); *доконьцанию*, *коньцати* (1392 г.); -ьник-: *кѣрмьнику* (1189—1199 г.); *посадника* (1300 г.); *посадника* (1302 г.); *посадника* (1303—1307 г.); *посадника* (1392 г.); *посадникамъ* (≈ 1400 г.); *намѣстниковъ*, *посадника* (кон. XIV — нач. XV в.);

-ьн-: *ривны*, *свободна* (1189—1199 г.); *зимни* (1262—63 г.); *ратни* (1266—1272 г.); *горьни* (1301 г.); *хрьстьному* (1303—1307 г.); *хрьстному*, *владыцнею*, *опришьни*: *опришьни* (1392 г.);

-ьк-: *речкахъ* (1300 г.);

-въш-: *продавшъ*, *купившъ* (1262—63 г.).

В суффиксе -ьск- редуцированный обычно сохраняется в написании, за исключением тех случаев, когда ему предшествуют звуки **т**, **д**, **ч**; группы с этими согласными (**тьс**, **дьс**, **чьс**) рано упрощаются¹⁰⁾: *мѣжьское*, *латиньскимъ*: *рускихъ*, *тысяцкымъ*, *новгороцкое*, *нѣмецкою* (1189—1199 г.); *латиньскимъ*: *гоцкыи*, *нѣмьцкымъ* (1262—63 г.); *латиньского*: *гоцкого*, *тысячкого* (1300 г.); *тысячьского* (1302 г.); *тысячьского*, *рижьскому*

⁶⁾ Другие формы того же корня с таким же написанием не приводятся.

⁷⁾ Датировка грамот 1262—63 г. и 1302 г. приводится по изданию: «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М., 1949 г., поскольку она основана на исторических данных летописи.

⁸⁾ В этом слове не дописан последний слог (посълове), вероятно, потому, что первый слог следующего слова такой же: *что имуть молвити посъло великогъ князя*.

⁹⁾ Подобные написания свидетельствуют об отвердении губных в это время, ср. стр. 10—11.

¹⁰⁾ См. стр. 11.

(1303—1307 г.); *заморьскихъ, юрьевьскому, островьскимъ: рискъмь* (1392 г.); *тысячкого, новгородкѣи* (кон. XIV — нач. XV в.). В некоторых грамотах наблюдаем искусственное написание *ь* в формах с упрощенной группой согласных данного суффикса.

Нет слабых редуцированных и в префиксах: *сгадавъ, свяжють, снидутся, но: съгренеть* (1189—1199 г.), *въпросили* (1262—63 г.).

По традиции слабые редуцированные обычно сохраняются в написании в конце слов, причем *ь*, из звука превратившись в знак, способствует сохранению мягкости предшествующего согласного. Примеры здесь почти не имеют исключения и наглядны из любого издания текста грамот. Случаи пропуска *ѣ* единичны: *никымже, явится, родится* (3 р.), *снидутся* (1189—1199 г.); *увѣдается, завяжется* (1392 г.), и очевидно, не осознаются как конец слова перед *же* и *ся* (ср. *ся заприть*) (1189—1199 г.), *ся родить, ся учинить* (1262—63 г.); ср. еще: *у нас* (1262—1263 г.). Особо, пожалуй, стоит упомянуть написание слова *новгородъ*, где *ѣ* в конце первой части пишется последовательно во всех описываемых грамотах и осознается, несомненно, как конечный. Обе части этого слова имели свое ударение не только в косвенных падежах, но и в именительном. Об этом говорит и раздельное иногда написание его частей. И наоборот, одним ударением были объединены отыменные образования типа: *новгородцю, новгороцкыи*. В отношении их написания существовала, видимо, своеобразная орфографическая норма — в грамоте 1392 г. даже зачеркнут нечаянно вписанный *ѣ*: *нов(ѣ)гороцкихъ*. Что касается предлогов, то они обычно теряют на письме свой редуцированный, если следующее слово начинается одним согласным или сочетанием согласного с плавным, напр.: *с посадникомъ, в миръ* (1189—1199 г.): *въ* своеи (там же); *с посломъ, в новгородъ* (1262—63 г.), но: *въ* становищи, *въ* старьи (там же); *к болшимъ, с тимъ, к молодымъ* (1266—1272 г.); *в рѣчкахъ*, но: *изъ* Любка, *бесъ* пакости (1300 г.); *с любовию, с ласкою, к вамъ* (1302 г.); *к рижьскому, но: къ* пискупу (1303—1307 г.); *к вамъ, к рискимъ, с местеремъ* (~1400 г.)¹²; *с вами, с пискупомъ, в Новгородъ, к намъ, в грамотъ, в хресное* и даже *в старѣи*, но: *съ* Григорьею, *съ* велневицами, *подъ* пискуплимъ¹³) (1392 г.); *к намъ, к ивану, к*

¹¹) Предлоги на *з* имеют, как известно, вторичное *ѣ* поэтому данное написание (особенно предлога *бесъ*) является чисто графической особенностью.

¹²) Эта грамота вообще показательна в отношении слитного написания предлогов с последующими формами, в то время как самостоятельные слова отделяются друг от друга точками.

¹³) Последовательное написание: *изъ любка, изъ юрьева* — возможное свидетельство ассимилятивной мягкости согласного.

заморьскимъ (кон. XIV — нач. XV в.). Последовательно пишется редуцированный в предлоге *въ* перед следующим *в* даже в поздних грамотах: *въ вѣкы* (1392 г.); *въ великы* (кон. XIV — нач. XV в.). Так же последовательно редуцированный сохраняется или переходит в *о* перед *ј* (*у*): *во юрьево* (1392 г.); *въ юрьво*, *съ юрьвчи* (XIV—XV в.).

Написание **сильных редуцированных њ и њ** имеет еще широкое распространение наряду с обильно представленными случаями перехода *ѡ*, *ѡ* в *о* и *е* (*ѡ*): *възмутъ*, *възметъ*, *нѡ*, *кѡрмьнику*: *посадникомъ*¹⁴), *первое*, *потвердитъ*, *немецкыи*, *немецкъму*, *вергутъ*, *повержетъ*, *шедъ* (1189—1199 г.); *съ всѣми*, *немьцкымъ*, *съ всѣмъ*, *языкъмъ*, *крьстъ*: *посадникомъ*¹⁴), *посломъ*¹⁴), *языкомъ*¹⁴), *со всѣмъ*, *купецъ* (1262—63 г.); *ко всѣмъ* (1266—1272 г.); *от купѣчь*, *четвѣртыи* (1300 г.); *ко князю*, *ко всему*, *любовию*, *молвити* (1302 г.); *купѣць*, *къ всѣмъ*, *хрьстному*, *тѣ*: *держите* (1303—1307 г.); *ко всему*, *весь*, *в хрестнѣи*, *держати*, *безо всякои* (1392 г.); *с местеремъ*¹⁴) (~ 1400 г.); *пѣрвѣ* (XIV—XV в.).

Об отсутствии редуцированных гласных говорит и написание *ѡ* и *ѡ* вместо *о*, *е*, *ѡ* и смешение *ѡ* с *ѡ*.

ѡ, *ѡ* на месте *о*, *е*, *ѡ*: *гѡцкъ*, *новгороцкъму*, *нѣмецкъму*, *нѣмчѡхъ*, *дѡчьрь*, *упьхнѣтъ*, *роздрѣтъ*, *выимѣтъ*, *пойдѣтъ* (1189—1199 г.); *гѡцкымъ*, *нѣмцѡмъ*, *гѡмъ*, *новгородцѡмъ*, *немецкъму*, *докончѡхъмъ* (1262—63 г.); *великогъ*, *новугорѡду*, *новгорѡдеской*: *кѡрѡльвымо*, *мужьмо*, *к вамо* (1302 г.). В последних трех примерах видим написание *о* вм. *ѡ* на конце слова после согласного *м*¹⁵). Букву *о* на месте *ѡ* находим и в грамоте 1392 г.: *во юрьево*. Последовательно пишется *о* вм. *ѡ* на конце этого слова и в грамоте XIV—XV вв.: *въ юрьво*, *во юрво* (2 р.), причем так же последовательно здесь перед *в* опускается буква *е*. Такой последовательный пропуск, вероятно, не может быть случайной ошибкой писца, а поэтому конечное *о* нельзя считать лишненным звукового значения, которое, возможно, возникает как результат ассимиляции слога слова с предшествующим предлогом. О звучании этого слова (юрьво — без *е* после *ѡ*) свидетельствует и производное от него в этой грамоте существительное с суффиксом *-ич-* юрьвчи, (здесь по невнимательности пропущено *и* перед *ч*¹⁶), рядом с *юрьевѡць* в других грамотах.

В описываемых грамотах наблюдается и смешение на письме *ѡ* с *ѡ*. Написание *ѡ* вместо *ѡ* после *м* можно отнести и за счет отвердения конечных губных согласных, поскольку это касается

¹⁴) Считаю, что в формах творительного падежа со II пол. XIII в. *о* и *е* фонетического происхождения.

¹⁵) Ср. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, стр. 85.

¹⁶) См. здесь же «гамота» вместо «грамота».

обычно конца слова. Имеются, правда, отдельные случаи написания *ь* вм. *ъ* на конце слова в морфологических категориях, например, в грамоте 1189—1199 г.: *нѣмьчьмь* (дат. п. мн. ч.), но это скорее всего описка. Сравнивая же употребительность написаний *ь* вм. *ь* в первых двух грамотах 1189—1199 г. и 1262—63 г., мы наблюдаем неожиданные результаты: если в грамоте 1189—1199 г. в равной мере имеются написания и с *ъ* вместо *ь* и традиционные (*тысяцкымъ, с тѣмъ, за моремъ, коломъ: посадникомъ, яковомъ, посломъ, съ всемъ, в томъ*), то в грамоте 1262—63 г. последние преобладают: ср. *посадникомъ, мишаилъмь, тысяцкымъ жирославомъ, посломъ* (3 р.), *шиводомъ, тидрикомъ, латиньскымъ, языкомъ, гъцкымъ, на томъ, любьцкымъ, чемъ и Олѣстенъмъ, съ всѣмъ, гоцкомъ*. Здесь следует учесть, что обе грамоты писались одной рукой и список грамоты 1189—1199 г. гораздо лучше отражает черты языка XIII века, чем оригинал XIII века, который значительно точнее следует условным традициям орфографии. Таким образом, для второй половины XIII в. твердость *м* на конце слова не подлежит сомнению. Ср. также: *с тимъ* (1266—1272 г.). Сравнительно много случаев написания *ъ* вм. *ь* и наоборот представлено в грамоте 1392 г. На конце падежных форм здесь последовательно имеем *ъ*: *посольствомъ, по томъ, на сомъ, с купцомъ, с пискупомъ, риськимъ, юрьевьскимъ, островьскимъ, о всякомъ*; сохраняет *ь* лишь форма *по семь*, в форме же *дѣтемъ* (дат. пад. мн. ч.) *ь* — описка.¹⁷⁾

Из фонетических явлений, связанных с падением редуцированных, в грамотах представлено, кроме упомянутого выше отвердения конечного губного *м* в морфологических категориях, у п р о щ е н и е групп согласных: *нѣмецкый, гъцкъ, тысяцкым, новгороцкое, новгороци, новгороцю* (при обычном: *новгородъци, новгородцю, новгородца*), *в рускыхъ* (1189—1199 г.); *нѣмьцкымъ, гоцкый, гъцкымъ, новгороци, новгородимъ, новгороцьмъ*¹⁸⁾, *новгородци* (1262—63 г.); *гоцкого, тысяцкого* (1300 г.); *нѣмѣцькими, гоцького, и заморья, новгороцькую, риськымъ* (1392 г.) (в этой же грамоте единственный случай выпадения согласного: *исцю, исца (истцѣ)*; *тысяцкого, новгороцкого* (1400 г.); *тысяцкого, новгорочкѣи* (XIV—XV вв.).

Ассимилятивное оглушение и озвончение согласных имеем в следующих случаях: *бес пакости* (но: *с головы*), *бес крови* (1189—1199 г.); *бес пакости, без посла, ис котлингъ, гдѣ* (1262—63 г.); *бес пакости, бес пенѣ, ис колываня, цересъ, где* (1392 г.).

¹⁷⁾ По списку В: *по семь, дѣтемъ*. О написании предлога изъ см. сноску 13 на стр. 9.

¹⁸⁾ В этом слове над строчкой надписано фонетически пропущенное д.

Из следствий падения редуцированных изредка встречаются и некоторые другие явления, например: и > ы в начале слова после предлогов-префиксов: *в ыное* (1189—1199 г.); *изыскали* (1303—1307 г.).

В грамотах наблюдаем также случаи с искусственной вставкой редуцированного, главным образом, в фонетически переразложившихся или неверно восстанавливаемых суффиксальных морфемах, типа: *тысяцькымь* (1189—1199 г.); *тысяцькымь, гъцького, новгородцьскихъ*, ср. рядом: *любыцькыш, гъцькыш, немецкъму* (1262—1263 г.); *тысяцьского* (1303—1307 г.); *тысяцькому, тысяцькыш, нѣмѣцькымъ* (1392 г.)¹⁹. Вставку ѣ имеем и в именах: *анѣдрѣя* (1301 г.), *богѣдана* (1392 г.)²⁰.

Из явлений графического порядка, связанных с падением редуцированных, отметим явления конца строки. Особенно наглядно оно выступает из сравнения двух грамот конца XIV и нач. XV в. с грамотами XIII и начала XIV века: если в последних еще по традиции в конце строки при переносе должен быть гласный (в том числе и редуцированный), то в грамотах XIV—XV в. это правило совершенно не соблюдается: *олександр-ра, посад-никамъ, къ-амъ* (1400 г.); *прав-ду, гр-амоту* (XIV—XV вв.)²¹.

Этимологическое (ѣ) в корнях слов (главным образом под ударением) и в суффиксальных морфемах обычно сохраняется и обозначается буквой ѣ; лишь изредка на его месте находим букву е (ср. *лѣто, с тѣмь, у тѣхъ*, но: *с всемь* (1189—1199 г.); *нѣтуть, вѣдаемъ, цѣлуемъ* (1262—1263 г.). Писец этих грамот последовательно употребляет ѣ в корне нѣм-: *нѣмьцькыми, нѣмѣхъ, нѣмчина, нѣмци* и др. (и только один раз в грамоте 1262—63 г. встречаем: немецкъму); в других грамотах: *вѣдаю, ко всемъ*, но: *немецкому* (1266—1272 г.); *вѣсть, бѣлыш, рѣчкахъ, анѣдрѣя* (1300 г.), и здесь же находим йотированное е вместо ѣ после j под ударением: *приеха ехати; андрѣя*, но: *веру* (1302 г.); *всѣхъ, всѣмъ, вѣры* (1303—1307 г.), но: челованию.

В окончаниях же эти грамоты имеют случаи замены ѣ через е, но закономерностей этой замены, исходя из имеющихся примеров, определить невозможно; ср. *новѣгородѣ* (в этой форме ѣ пишется исключительно последовательно во всех грамотах), *на правдѣ, женѣ* (дат. п. ед. ч.), (*идеть*) *ротѣ, городѣхъ, на русинѣ, (на) варязѣ, собѣ: в нѣмцехъ. свое тяже (прашати)* (1189—1199 г.); *правдѣ, две кунѣ, березѣ: тяже, двѣ голове* (1262—1263 г.). Что касается более поздних грамот (конца XIV и нач. XV века), то даже такой памятник конца XIV в.,

¹⁹) См. стр. 16—17.

²⁰) Ср. у А. А. Шахматова: *Александр, § 11.*

²¹) См. фотокопии этих грамот в Ученых зап. Латв. госуниверситета им. П. Стучки. Т. XXXVI, вып. 6а, 1960 г., стр. 16—17.

как Нибуров мир (1392 г.), в котором наблюдается большая неустойчивость в орфографии, сохраняет (за исключением единичных случаев), в основном, этимологически правильное написание **ѣ** и **е**; *приѣха, приѣхати, отѣхати, еремѣи, тимофѣи, повелѣша, вѣдатися, увѣдается, олексѣевои, дѣтемъ, въ вѣкъ, повѣстовалѣ, погорѣле, гдѣ, нѣмьцомъ, матьфѣева, измѣнѣ, нѣтуть, не надобѣ, сквозѣ рѣку, на томъ дѣлѣ, к Микитѣ, в Новѣгородѣ, грамотѣ (дати), Михаилѣ, на томъ товарѣ, на морѣ, по старынѣ, обѣ половинѣ, на Невѣ, въ обидѣ*. Исключения представляют лишь написания аористной формы: *полѣле* (см. *повѣлѣ*), в суффиксе *згыбелѣ* и последовательное написание **е**, **о** после **ц**: *целованию, целовали, целовалѣ, цолование*: **ѣ** же пишется, в основном, и на месте **е** (<ь) под ударением: *нѣмѣцькими, нѣмѣцькимъ* (2 р). В остальных двух грамотах конца XIV — нач. XV в. мы наблюдаем ту же картину: (**ѣ**) в корнях слов не смешивается с **е**: *намѣстниковѣ, повѣстуете, дѣлехѣ*; в суффиксальной морфеме: *нѣрвѣе*. В этом же примере видим **ѣ** на месте **ь** перед плавным: ср. *чѣтвѣртыи* (1300 г.). Единственным случаем замены **ѣ** через **ѣ** во флексии является форма *дѣлехѣ*.

Итак, все грамоты (и оригиналы и списки) в основном сохраняют различие на письме звуков **ѣ** и **е**, и, очевидно, это не дань традиции, а отражение действительного произношения того времени.

С другой стороны, грамоты хронологически резко различаются в отношении проявления в них типичной новгородской черты вокализма — сближения в произношении (**ѣ**) и **и**. Если в наших грамотах XIII и начала XIV в. мы совершенно не находим показаний о наличии данного процесса, то в конце XIV в. — нач. XV в. такие доказательства уже несомненны; при этом в одних памятниках преобладает написание **ѣ** на месте **и**, в других же наоборот; так, последовательно пишется **ѣ** в окончании причастной формы: *взялѣ, прислалѣ, порубилѣ, отдалѣ, побилѣ, отѣмалѣ, целовалѣ* (1392 г.), лишь изредка заменяясь **е**: *погорѣле, поимале*. А. А. Шахматов усматривает связь между появлением **ѣ** в этих формах и наличием **ѣ** вместо **и** в им. пад. множ. ч. существительных типа: *городѣ, дѣтѣ*, возникших по аналогии с формами *кони: конѣ*.²³⁾ В грамоте 1392 г. тоже встретилась форма *разбоиникѣ* (им. п. множ. ч.), но, кроме нее, встречаются и другие формы с **ѣ** вместо **и** и после заднеязычного: *великѣи (новгородѣ), с вѣскѣмъ*²⁴⁾ (*короломъ*), (*послы заморскѣ*)²⁵⁾, *на гоцькѣи (берегѣ)*; Ср. тут же: *велики (Новѣ-*

²³⁾ А. А. Шахматов, там же § 31.

²⁴⁾ По списку В — свѣскимъ.

²⁵⁾ По списку В — заморскыи.

городѣ), островскимѣ, риськимѣ, юрьевскимѣ. В этих случаях вероятнее всего предполагать действие фонетических факторов. Количество случаев написания ѣ в этой грамоте увеличивается за счет взаимовлияния мягкой и твердой разновидности основ на -а- в сторону форм с ѣ в род. п. ед. ч.: *от всихъ купцовъ заморьскихъ и се сторонѣ поморья, измѣнѣ (нѣтуть), не поминати то грамотѣ опасной, до Михаилѣ*; в дат. п. ед. ч.: *по землѣ*²⁶⁾; в местн. п. ед. ч.: *о своей бжѣницѣ, у ихъ бжѣницѣ (у=въ)*²⁷⁾. Грамота 1400 г. не дает материала относительно рефлексов древнего (ê), за исключением формы: *олисия*²⁸⁾.

Кроме того, близость ѣ и и может поддерживать и морфологическую аналогию в форме: *всимѣ* (то же и в единственном случае из грамоты 1392 г.: *от всихъ*).

В грамоте конца XIV — начала XV в. чередование ѣ с и наблюдается после j под ударением: *ѣздити: отиздити, не идите* (про то на васъ велми дивимъ, цто вы к намъ не идите по опасу...), *прихати, отихати*, и в этой же грамоте последовательно пишется ѣ в окончаниях причастных форм: *прислалѣ, слышилѣ, послалѣ, взялѣ*.

Грамоты конца XIV — начала XV вв. (особенно последняя) содержат еще одну фонетическую черту, отсутствующую в более ранних грамотах — спорадический пропуск неслогового и в основном в формах им. п. ед. ч.: *велики Новгородѣ, ины мирѣ, сво мирѣ, велики Новгородѣ*; ср. также и в грамоте 1392 г. род. п. ед. ч.: *то грамотѣ, се сторонѣ*. Такой пропуск и имеет, возможно, чисто графическое основание: желание отразить на письме краткий неслоговой характер и и неуменье это сделать, что и приводит к двойким написаниям (ср. в грам. XIV—XV вв.: *любьцькьи, заморьскьи*); отсюда и вообще ошибочные написания, вроде: *честны добрыи люди*.

*

Грамота 1392 г. дает примеры на переход е в о: на *сомѣ поморьи* (3 р.), *с короломѣ, по сому доконьцанию*²⁹⁾ (ср. *по семь* — сочетание наречного типа). Сюда же можно отнести переход е в о после ц: *купцовѣ, купчовѣ, юрьевьцѣвъ* (ср. сп. В — *юръевьцѣвъ*), *немьцомѣ (нѣмчемѣ)*.

В этой же грамоте находим единственный случай утраты а на конце слова в частице **-ся**: *уцинилась*.

²⁶⁾ По списку В — земли.

²⁷⁾ См. стр. 18.

²⁸⁾ Ср. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, стр. 90.

²⁹⁾ См. А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка. изд. 4-ое, Москва, 1907, стр. 62.

В отношении сочетаний заднеязычных согласных с **ы** (кы, гы, хы) грамоты резко распадаются на 2 группы: грамоты XIII и начала XIV в. и грамоты конца XIV — начала XV века: в первых зафиксированы только старые сочетания: *тысяцкымъ, нѣмъцкыми, латиньскымъ, никымъже, нѣмецкыи, ветхыми, послухы, паки* (1189—1199 г.); *тысяцкымъ, нѣмъцкымъ, гоцкыи, новгородцьскыхъ* (1262—1263 г.); *из Ригы* (1300 г.), *от владыкы, новгорѣдскыи, великыи* (1302 г.); *от владыкы, розбоиникы* (1303—1307 г.). Сохранение подобных сочетаний связано, несомненно, и с сохранением результатов второй палатализации: *послуси, (на) варязѣ* (1189—1199 г.); *(на) гоцкомѣ) березѣ* (1262—1263 г.); *ручѣ (=руцѣ)* (1300 г.); *помози* (1303—1307 г.).

В грамотах конца XIV в. — начала XV в. имеется уже преимущественно написание **ки, ги, хи**, а также и написания **к** перед другими гласными переднего ряда, свидетельствующие об артикуляционном изменении заднеязычных. Примеры из грамоты 1392 г.: *из Риги, заморьскихъ**, *великѣи**, *нѣмѣцькыми**, *тысяцкыи**, *велики**, *новгороцкыхъ**, *нѣмѣцкимъ**, *заморьскимъ**, *заморьскыи**, *згибелѣ**, *хитрости, нѣмѣцькимъ**, *вѣскѣмъ**, *риськимъ*³⁰⁾, *юрьевскимъ, островьскимъ**, *розбоинкѣ**, *гоцкѣи**, *заморьскѣ**, *Тилькѣ, Винькѣ* (дат. п. ед. ч.): *любьцькыи, нѣмѣцькымъ, тысяцкыи, Ригы*³¹⁾. В грамоте 1400 г. представлено только новое написание и всего в двух случаях: *рискимъ, кижанинова*; в грамоте XIV — начале XV в. *заморьскимъ, великыи руки, новгорочкѣи*.

Примеры еще раз подтверждают мнение А. А. Шахматова о появлении **ги, ки** в северных говорах с конца XIV века.

Описываемые нами грамоты дают совершенно точное представление о характере произношения заднеязычного **г**; речь идет о звуковой передаче иноязычных собственных имен на русском языке: звук **h** в германских именах опускается в русском языке, не находя себе эквивалента: *Hinze Holtzatus — иньча олчять* (1300 г.), *иньца, иньча вланьдерь* (1392 г.), *Holstein — Олъстенъмъ* (1262—1263 г.), с другой стороны,

* В списке **В** все слова под звездочкой имеют сочетания заднеязычных с **ы**.

³⁰⁾ В списке **В** — *риськъмъ*.

³¹⁾ Как видим, список **В** дает главным образом традиционные написания: **кы, ты, хы**, но **к** перед **ѣ**.

имя рижского ратмана *Gerlacus* имеет в языке грамоты огласовку *гьрлаку* (дат. п. ед. ч.) (1303—1307 г.), т. е. взрывное *g* находит соответствующий звук в новгородском говоре³²). Эти факты говорят о наличии взрывного *g* в новгородском говоре.

*

Что касается качества шипящих и *ц*, то написание *ю* после них обычно и в XIII и в XIV веке: *новгородцю, свяжють, чюжее* (1189—1199 г.); *межю, тяжю*, (1262—1263 г.); *купцю, исцю* (1392 г.)³³); *вашю* (XIV—XV в.); так же обычно и написание *ь* на конце слов: *мужь* (1189—1199 г.); *дворць, купець* (1262—1263 г.); *вашь* (1266 г.), *купѣць* (1300 г.), *купьць* (1303—1307 г.), но *опришьнии: опришьнии, божьница*. Что же касается написания *а* и *я*, то в грамотах XIII — нач. XIV в.в. они чередуются: *тяжа, рубежа, сажати, жаловати, новгородца, мужа* (1189—1199 г.); *тяжя* (1262 г.) *рижаномъ* (1266—1272 г.), *инья олчать* (1300 г.). В грамотах же конца XIV — нач. XV в. пишется только *а*; напр.: *обакуновица, иньца, купьцамъ, немьцамъ* (1392 г.), *фоминица, костянтиновица, кижанинова* (1400 г.); *ивановица* (XIV — нач. XV в.). Написание *и* после этих звуков не знает исключений. Даже в грамотах конца XIV века на основании некоторых показаний языка можно говорить еще если и не о мягкости шипящих, то свистящей аффрикаты обязательно.

Так, в грамоте 1392 г. наблюдаем удивительное для писца этого памятника старание ввести *ь* после *ц* в формах прилагательных с бывшим суффиксом *-ьск-*: *гоцького, новгороцькому, тысяцькыш, нѣмѣцькымъ*. Существенным доказательством мягкости *ц* можно считать появление *о* < *е* после *ц* перед твердым согласным: *купьцовъ, купцовъ, купьцомъ, нѣмьцомъ, юрьевьцьвъ*, принимая во внимание другие примеры из этой грамоты, свидетельствующие о переходе *е* в *о* после мягкого согласного³⁴). Мягкость *ц*, очевидно, способствует сохранению традиционного написания *ь* за предшествующим согласным: *нѣмьцомъ* (дат. п. множ. ч.), *купьцамъ, купцю, купьцомъ, купьцовъ, купьчовъ, юрьевьцьвъ, заморьци, иньца, ругодивьци*.

³²) В «Грамотах Великого Новгорода и Пскова» дана неправильная огласовка имени «Игьрлаку», причем это не опечатка, т. к. такое имя дается в указателе имен: здесь слит союз с именем. Предложение следует читать так: Благословение от владыкы Феклиста... к пискупу к рижскому и Гьрлаку и к Ламбрату и къ семь ратманомъ и къ всемъ рижаномъ. Отсутствие предлога *къ* перед *Гьрлаку* объяснимо стремлением избежать сочетания двух заднеязычных согласных или их ассимиляцией.

³³) В списке В Юрьевию, Федоровию.

³⁴) См. стр. 14.

На основании всего имеющегося материала о шипящих и **ц** последовательность отвердения шипящих можно представить себе следующим образом: отвердение шипящих и **ц** прежде всего происходит в сочетаниях с гласным среднего ряда **а** (взаимовлияние звуков здесь исключать нельзя) и лишь затем в сочетаниях с гласными заднего ряда; отвердев перед всеми этими гласными, шипящие стали произноситься твердо и перед гласными переднего ряда.

*

В новгородских грамотах рижского архива, относящихся к XIII в., не находим мены **ц** и **ч**, за исключением двух случаев в употреблении одного и того же слова в грамоте 1189—1199 г. (по списку XIII в.): *нѣмъчьмъ*, *нѣмчьхъ*. Во всех же остальных случаях (**а** их много) правильно употребляется и этимологическое **ц**, **ч** и **ц**, возникшее в результате упрощения групп согласных после падения редуцированных. Что касается грамот XIV века и начала XV в., то в некоторых из них (начала XIV в.) встречается только написание **ч** вместо **ц**: *тысячкого*, *гочкого*, *инья олчять*, *купѣчь*, (на) *ручѣ* (1300 г.); в этой грамоте вообще нет случаев с **ц**, этимологическое же **ч** в ней представлено примерами: *чѣтвѣртыш*, *рѣчкахъ* (2), *чистъ*. В грамоте 1303—1307 г. встречаемся с нарушением правильной передачи этимологических **ц** и **ч**: *челованишо*, *рѣци*, *тысяцьского*, при одном случае правильного **ц**: *купьць*.

Неразличение аффикат **ц** и **ч** ярко отражает грамота 1392 г.

В ней наряду с обильно представленными этимологическими и фонетически правильными написаниями (в отношении этих звуков) имеются и написания с **ц** вместо **ч** и **ч** на месте **ц**. **ц** вм. **ч**: *посадницею* (притяж. прилагательное), *печатью* (но и *печтью*), *цто* (*что* = 1 : 3), *владыцнею*, *Обакуновица*, *Ивановица* (при обычно правильно содержащих **ч** — под титлом — написаниях: *Юрьевич*, *Федорович*, *Иванович*), *зацьньтсья*, *коньцати*, *с велневицами*, *цистъ* (*чистъ* = 1 : 3), *церець*, *доконьцанию*, *уцинилась*;

ч вместо **ц**: *купьчовъ* (при неоднократно правильном написании форм этого слова), *нѣмѣчькими*, *нѣмчемъ*, *тысячкми* (при обычном написании этих слов с **ц**), *человалъ* (*целованию*, *целовалѣ*), *иньча* (*иньца*, *иньцѣ*). Итак, случаи цоканья в этой грамоте более обычны, чем примеры с чоканьем, которые здесь всегда имеют параллели с этимологическим **ц**; особенно же ярко цоканье выступает в ревельском списке этой грамоты (списке В), в нем нет случаев чоканья, и этимологическое **ч** почти всегда заменено в написании **ц**, за исключением слов: *цто* (*цто*), *уцинилась*. Писец этого списка ярко выявлял на письме фонетиче-

ские особенности языка и своего времени и своей местности (ср. также написания: *люпка* вм. *любка* — рижский список, последовательное графическое изображение о вм. *ω* — рижского списка, разное написание е).

В небольшой грамоте ~ 1400 г. везде последовательно пишется *ц*: *новгороцкого, тысяцкого, целованию и фоминица, константиновица*. На печати же надпись с явно выраженным чоканьем: *тысяцкого, новгорочького: печать, фомича*. В грамоте конца XIV — нач. XV века имеются примеры с неправильной передачей этимологических *ч* и *ц* (при этом случаи с *ч* преобладают) наряду с этимологически верным написанием *ц* и *ч*, ср. *захарьинича, чистъ, что, честны, с велневичи*³⁵): *тысяцкого, новгорочкѣи, заморчи; заморци: цто, ивановица*. Итак, данные наших грамот не дают возможности отрицать существование чоканья в древненовгородском диалекте. То, что грамоты XIII в. (1262—1263 г. и 1189—1199 г.) не дают примеров этой диалектной черты, объясняется скорее всего близким знакомством с книжной традицией письма (тем более, что писал эти грамоты один человек), черты которого наблюдаются в грамоте 1262—63 г.: *вѣснаго* (род. п. ед. ч.), довольно частое употребление аориста наряду с формами перфекта, местоимение *азъ* в сравнении с *язъ* в списке этого же времени грамоты 1189—1199 г., наличие случаев твердой разновидности в окончаниях 3 л. ед. ч. глагола³⁶).

Особо следует сказать еще о некоторых специфических фонетических чертах рижского списка новгородской грамоты 1392 г. (Нибуров мир). Это: 1) последовательное употребление предлога *из* вместо *с* в сочетании: *из гоцького берега* (3 р.). Ср. в грам. 1262—63 г.: *с гоцького берега*; 2) отпадение начального *и* в префиксе *из* (тот же, что и в первом случае, результат смещения *из* с *с*): не *знайдуть* (здесь же и *изнайдуть*), *згибелѣ* (= *изгибелѣ*), *справа* (здесь же: *исправа*), даже редукция начального *и* в *скати* (искати); 3) твердость *р*: *по старынѣ* (2 р.); 4) sporadическое употребление *ы* вм. *и* в окончании твор. падежа множ. ч. местоимений: *с тымы истцѣ, своимы купьцы*; 5) единственный, но тем не менее показательный случай употребления предлога *у* вместо *въ*: *у ихъ божьницѣ* (что у ихъ божьницѣ пакость уцинилась); 6) употребление предлога *до* в следующем контексте: . . . ничто не надобѣ ни поминати *до* новгороцкихъ купьцовъ *до* Федора и *до* Михаилѣ и *до* Василья и *до* Терентѣя и *до* Смена и *до* Сидора и *до* Ильиныхъ дѣтей и *до* ихъ друговъ и племени в томъ товарѣ ни вкѣ.

Все эти черты свидетельствуют о том, что писец, несомненно.

³⁵) О форме Юрьвчи см. стр. 10.

³⁶) См. соответствующие примеры на стр. 19.

был знаком с западными говорами древнерусского языка. Другие черты фонетического порядка, как например, цоканье, форма *есме*, не опровергают подобного предположения, тем более если грамота писалась в рижской канцелярии, которая одновременно вела переписку и с полоцкими землями.

ИЗ ОБЛАСТИ МОРФОЛОГИИ

В этом разделе рассматриваются личные глагольные формы грамот. Именные глагольные формы представлены в грамотах единичными примерами и не представляют особенного интереса.

При анализе глагольных образований нами учитываются количественные показатели старых и новых форм, их морфологическое оформление и распределение в грамотах.

ФОРМЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Из форм настоящего времени в грамотах особенно широко представлены глаголы в форме III л. ед. и мн. ч. (36). Из других форм настоящего времени отмечены: I л. мн. ч. (3) и II л. мн. ч. (3). В количественном отношении формы III л. ед. и мн. ч. настоящего-будущего времени преобладают в грамоте 1189 г. (23 из всего количества отмеченных форм), что объясняется содержанием грамоты. Грамота 1189 г. представляет собою договор, обязательный для представителей обеих договаривающихся сторон.

Обратимся к примерам: *будеть, поставить, убьеть, роздрьть, придетъ, дать, повержеть, соромить, свяжутъ, ударять, вергутъ, възмутъ, правять* (1189 г.); *поиметь, кладуть, поидуть* (1262—1263 г.); *говорить, изнаидуть, наидуть* (1392 г.).

Часть глаголов в форме III л. ед. ч. (10) и в форме III л. мн. ч. (16) выступает в качестве главного члена неопределенно-личных предложений, другая часть — в функции сказуемого полных двусоставных предложений.

Что касается морфологического оформления глаголов в III лице, то представлена мягкая разновидность во всех грамотах XIII и XIV вв., за исключением трех форм твердой разновидности, отмеченных в грамотах 1189 г. (*придетъ*) и 1262—63 г. г. (*гоститъ, ся учинитъ*³⁷). Глаголы в форме настоящего-будущего времени, осложненные возвратным местоимением, представляют в тексте грамот, с одной стороны, целостные образо-

³⁷) Наблюдения над формами указанной грамоты см. в настоящей статье, стр. 18.

вания, в которых местоимение слилось с глаголом, а с другой — еще отдельные образования с препозитивным употреблением местоимения *ся*.

По грамотам эти формы распределяются следующим образом:

В грамоте 1189 г. отмечено четыре случая слитного употребления *-ся* (*явится, родится* (2 раза), *сидутся*) и 2 случая препозитивного употребления: *кому ся вышмьть; ... а ся его заприть*.

В грамотах 1262—63 гг. и 1266—72 гг. слитные образования отсутствуют при четырех случаях препозитивного употребления местоимения *ся*:

... что *ся учинить* ... где *ся* тяжа *родить*,

... что *ся учинить* (1262—63 гг.),

... с тимъ *ся* самъ *ведаю* (1266—72 гг.).

В грамоте 1392 г. отмечены четыре слитных образования: *уведается, соннется, зацънется, завяжется*.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие мягкости глаголов в III л., где возвратное местоимение слилось с глаголом (7): *явится, родится, сидутся, уведается, соннется, завяжется*. И только в одном случае в слитном образовании наблюдается мягкость: *зацънется* (1392 г.).

Что касается форм, в которых местоимение занимает еще препозицию, то они представлены в большинстве случаев мягкой разновидностью: *ся вышмьть, ся его заприть* (1189 г.); *ся учинить, ся родить* (1262 г.).

В грамотах отмечены глаголы, по своей форме не соответствующие литературным нормам языка наших дней.

Следует отметить глаголы *ведаться* и *уведаваться*, которые в современном литературном языке уже не употребляются в возвратной форме:

... с тимъ *ся* самъ *ведаю* ... (1262),

... *Новгородъ уведается с ругодивци*, кто у ихъ товаръ поимале (1392).

Словарь И. И. Срезневского отмечает глагол *ведатися* в значении «решать дела», «судиться»³⁹), словарь В. Даля указывает на значение, близкое к глаголам «разобраться», «справиться»⁴⁰). Глагол «уведаваться» отмечен в словарях И. И. Срезневского и В. Даля в значении «сговориться»⁴¹), «дознаться»⁴²).

Лексическое значение глаголов обуславливает их употребление в возвратной форме.

³⁹) И. Срезневский, I, 479.

⁴⁰) В. Даль, I, 329.

⁴¹) И. Срезневский, III, 1126.

⁴²) В. Даль, IV, 463.

Современные словари возвратных форм у этих глаголов не отмечают.

Глагол «дивить» в грамоте кон. XIV — нач. XV в. употребляется в значении «смотреть с удивлением»⁴³), чем и объясняется отсутствие частицы — *ся*: ... *на васъ велми дивимъ* ...

Невозвратную форму этого глагола отмечает В. Даль⁴⁴); в словарях С. И. Ожегова и АН СССР она дана с пометкой: «разг»⁴⁵).

Глагол «родиться» в грамоте 1189 г. в одном случае употреблен без *-ся*: оже тяжа *родить* в ыное земли.

В данном случае глагол «родить» употребляется в значении «возникнуть», «произойти». На возможность такого значения у глагола «родить» указывает И. Срезневский в «Материалах»⁴⁶), значение глагола обуславливает и его употребление без частицы *-ся*.

ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Из форм прошедшего времени в грамотах представлены аорист и перфект.

Формы аориста довольно часты в грамоте 1262—63 г.; это исключительно формы 1 л. мн. ч., например:

... се азъ Олександръ и сынъ мои Дмитрии, с посадникомъ Михайльмъ и с тысяцькимъ Жирославомъ и съ всеми новгородци *докончахомъ* миръ с посломъ нѣмьцкимъ Шивордомъ ...;

... то все *отложихомъ*, а миръ *докончахъмъ*; ... пудъ *отложихомъ* а скалви *поставихомъ* по своей воли и по любви;

... а в ратшину тяжю платили есмы 20 гривнъ серебра за двѣ голове а третью *выдахомъ*.

В грамоте 1189—1199 г., написанной тем же писцом, что и предыдущая, отмечены только две формы прошедшего времени, из которых одна — аорист (се язъ князь Ярославъ ВолодимERICъ ... и с тысяцькимъ Яковомъ ... *потвердихомъ* мира старого с посломъ Арбудомъ). В небольшой грамоте 1300 г. из прошедших времен представлены только две аористных формы: ... се *приеха* Иван Белый из Любка, Адамъ съ гочкого берега...; и *дахомъ* имъ 3 пути горьнии ... В рассмотренных текстах аорист образован от узкого круга приставочных глаголов и бес-

⁴³) И. Срезневский I, 662.

⁴⁴) В. Даль, I, 435.

⁴⁵) С. И. Ожегов, 159. Словарь АН СССР, т. I, 536.

⁴⁶) И. Срезневский, III, 134.

приставочного «дати», которые очень часто употребляются в договорных грамотах; все они обозначают законченное действие⁴⁷⁾).

В грамотах конца XIV — начала XV в. единичные формы аориста отмечены только в грамоте 1392 года на фоне большого количества форм перфекта. Это форма «*приеха*» в традиционном зачине: се *приеха* Иванъ Нибуръ . . . , и две аористных формы от глагола «повѣлети»: . . . и противъ того товара *полѣле* (= повелѣ) Новѣгородъ взяти товаръ . . . , и посаднике и тысяцькии и весь гднѣ великы Новѣгородъ повелѣша товаръ дати.

Незначительное количество форм аориста в рассматриваемых грамотах на фоне большого количества форм перфекта еще раз подтверждает мнение о том, что в это время аорист не был элементом живого разговорного языка.

Формы перфекта обычны во всех грамотах. Что касается употребления в этих формах связки, то эти грамоты не представляют исключения из общего правила.

Вспомогательный глагол-связка последовательно отсутствует в 3 л. ед. и множ. ч. В предложениях с этими формами везде налицо подлежащее, за исключением трех случаев (в неопределенно-личном и безличном предложениях):

. . . что *избили* братию нашу у васъ и товаръ *поимали*, за то вамъ богъ помози аже есте разбоиниковъ изыскали по хрьстному челованию (1303—1307 г.)⁴⁸⁾; . . . что ся *учинило* тяже (1262—63 г.); ино того у насъ пѣрвѣе сего *не было*, что нам слать во юрво (XIV—XV в.).

В формах первого и второго лица единственного и множественного числа обычно налицо связка при отсутствующем подлежащем:

1 лицо ед. ч.: *послалъ есмь* посла своего Григу на сеи правдѣ (1189—1199 г.).

1 лицо множ. ч.: . . . А в Ратшину тяжю *платили есмы* 20 гривнѣ серебра за двѣ голове . . . ; . . . а тѣхъ ся *есмы отступили* по своей воли . . . ;

. . . а иное грамоты у насъ нѣтуть *ни потаили есмы, ни вѣда-*

⁴⁷⁾ О значениях временных глагольных форм в древнерусских грамотах см. О. Т. Бархатова, Система спряжения глагола в деловой письменности северо-западной Руси XII—XV вв. Автореферат, Ленинград, 1955 г.; С. Д. Никифоров, Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в., изд. АН СССР, М., 1952 г.

⁴⁸⁾ Странная разбивка этого предложения дана в автореферате диссертации О. Т. Бархатовой: Что *избили* братию нашу у васъ и товаръ *поимали* за то вамъ богъ помози . . . (стр. 16).

емъ (1262—1263 г.); а то *есме отдалъ* новугороду... (1392 г.); *послали есмя* к вамъ бориса кижанинова... (1400 г.).

Только в одном случае нет вспомогательного глагола-связки при наличии местоимения-подлежащего (с логическим ударением на нем):

... что есте к намъ прислалъ и *мы* вашу грамоту *слышилъ* (XIV—XV в.).

Примеров на употребление глагола во 2 лице единственного числа в данных грамотах нет. Во 2 лице множественного числа перфект всегда содержит вспомогательный глагол-связку при отсутствующем подлежащем:

... за то вамъ богъ помози аже *есте* разбоиниковъ *изыскали* по хръстному целованю (1303—1307 г.); что *есте* присылали послы ко князю... (1302);

... а постуете тако намъ с вами опришьнии миръ *взялъ есте* у нашихъ купчовъ товаръ в новѣгородѣ у юрьевъцьвъ и у ныхъ городовъ и на сомъ поморьи и на опасной грамотѣ что *есте* к намъ *прислалъ* за посадницею печтью василья иванович и тысяцького григорьи иванович.

В грамоте ~ 1400 г. наряду со вспомогательным глаголом-связкой употребляется и местоимение при противопоставлении субъектов действия:

(*послали есмя* к вамъ бориса кижанинова про его обиду) и *вы есте обыскали* с местеремъ по крсному целованю.

В грамоте конца XIV — начала XV века имеется следующее предложение:

... а повѣстуете так чтобы есте послалъ к намъ во юрво свои пословѣ.

В «Хрестоматии по истории русского языка» С. Обнорского и С. Бархударова (стр. 145) частица **бы** заменена местоимением **вы**. Такая замена возможна только в том случае, если предположить здесь ошибку, но в данном случае это мало вероятно, хотя вообще в грамоте много ошибок на пропуск букв⁴⁹⁾.

*

Из форм будущего сложного представлена только одна со вспомогательным глаголом **иму**:

Что *имуть молвити* посъло великогъ князя и новгоръдескый тому веру имить... (1300 г.).

В грамоте 1392 года имеется конструкция, восходящая к форме будущего сложного предварительного:

⁴⁹⁾ См. фотокопию № 5 грамоты в Ученых записках Латв. госуд. университета, т. XXXVI, стр. 17.

а что *буде сонналося* купцо с купцомъ с обѣ половинѣ или по семь сопенется . . .

О том, что здесь форма будущего предварительного уже изменила свои функции, говорит прежде всего противопоставление двух одинаковых действий во времени (уже и потом). Кроме того, форма *буде* без окончания на фоне остальных форм с окончанием, несомненно, тоже, в свою очередь, является показателем функциональных изменений временной формы.

В описываемых грамотах имеется всего четыре формы повелительного наклонения: 1) форма 3 лица ед. ч. от глагола «помочи»:

за то вам богъ *помози* аже есте разбоиниковъ изыскали по хрьстному челованию (1303—1307 г.);

2) форма 2 лица множ. ч. от глагола «яти»:

. . . что имуть молвити посылю великогъ князя и новгорѣдскыи тому веру *имить*⁵⁰) . . . (1300 г.);

а кто привезлъ грамоту сию тому вѣры *имите* (1303—1307).

В этом глаголе I класса суффикс *и*, очевидно, результат морфологического смешения суффиксов *ѣ* и *и*. Фонетическая замена *ѣ* звуком *и* здесь исключается: форма эта встречается в совершенно разных грамотах, в которых нет других свидетельств в пользу сближения произношения *ѣ* и *и*;

3) форма 2 лица ед. ч. от нетематического глагола «дати» образована по аналогии с тематическими формами:

. . . *даи* путь немецкому гости на свою волость (1266—1272 г.).

ИЗ ОБЛАСТИ СИНТАКСИСА

Синтаксические особенности новгородских грамот детально исследованы В. И. Борковским в работе «Синтаксис древнерусских грамот». В качестве материала для исследования им были взяты и изданные новгородские грамоты Рижского городского архива, поэтому в настоящей статье мы остановимся на некоторых синтаксических особенностях (управлении) только двух новгородских грамот Рижского архива, которые не использованы В. И. Борковским. Фотокопии этих грамот приводятся в нашей статье «О древнерусских памятниках XIII—XIV в.в., хранящихся в Рижском городском архиве».⁵¹) Это грамоты: «Новгородского посадника Александра Фоминича», ~ 1400 г. и «Новгородских наместников Ивана и Василия в Юрьев», XIV—XV вв.

⁵⁰) Ъ на конце — результат ошибочного написания вместо е. Грамота эта вообще изобилует такими ошибками.

⁵¹) Ученые записки Латвийского госуниверситета им. П. Стучки. т. XXXVI, 1960 г. фотокопии №№ 4, 5.

По значению предложно-падежных конструкций анализируемые грамоты близки к другим деловым памятникам этого периода.

Наибольший интерес представляют приглагольные предложные конструкции, выражающие цель действия. Целевые отношения в грамотах выражаются посредством конструкций винительного падежа с предлогами «*про*» и «*на*», а также местного падежа с предлогом «*о*». На возможность целевого значения у отмеченных конструкций указывает Т. П. Ломтев в «Очерках по историческому синтаксису русского языка»⁵²).

Примеры из грамот:

... *послали есмь* к вамъ бориса кижанинова *про* его *обиду*... (1400 г.);

... *послали* добрыи люди *о* всякохъ *делехъ* ... (XIV—XV в.);

... *послале* чстны добрыи люди ... *на* всю *правду* ... (XIV—XV в.).

(В современном языке конструкции: с целью + родит. п., в целях + родит. п.).

Глагольные конструкции с винительным падежом и предлогом «*про*» используются для выражения причинных отношений: ... *про* *то* *на* *васъ* *велми дивимъ* ... (XIV—XV в.).

(В современном языке конструкции: из-за + род. п., по этой причине).

В грамотах имеют место предложные конструкции со значением основания действия, соответствия с законом, которые очень часто употребляются в языке деловой письменности, и по частоте употребления могут быть причислены к традиционным формулам делового языка, например, в анализируемых грамотах: *по кресному целованию*, *по опасу*. В других деловых памятниках: *по указу* Великого государя, *по грамотам* Великого Государя, *по русскому закону*, *по обету* и некоторые другие. Большое количество таких выражений отмечено исследователями в «Письмах и бумагах Петра Великого», в «Записках русских людей» и др. деловых памятниках.

Интерес представляет конструкция с глаголом «*дивить*» ...: *про* *то* *на* *васъ* *велми дивимъ* ... (XIV—XV вв.). В данном случае глагол «*дивить*» употребляется в значении «смотреть с удивлением, внимательно» (см. выше), лексическим значением глагола объясняется и форма его управления (*дивимъ* *на* *васъ*).

В словаре русского языка АН СССР (1, 537) указано на возможность такого управления у возвратного глагола: *ди-*

⁵² Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка, М. 1956, стр. 394, 395, 400.

виться на кого, но оно приводится с пометкой «разг.»; такая форма управления является литературной формой современного украинского языка (дивуватися на кого, на що)⁵³, но указаний на подобную форму управления у глагола «дивить» в современных русских и украинских словарях нет.

⁵³) Русско-украинский словарь. М. 1948 г., стр. 98.

Е. С. Смирнова

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О НОВГОРОДСКИХ ГРАМОТАХ XIII—XIV ВВ., ХРАНЯЩИХСЯ В РИЖСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ГОРОДСКОМ АРХИВЕ

В Рижском Государственном городском архиве хранится 9 новгородских грамот XIII—XIV вв. Одна из них относится к XII в. (но в списке XIII в.), две — к XIII в. и шесть — к XIV в.

Все они весьма мало изучены. В редких случаях отдельные морфологические данные были использованы в различных пособиях и А. А. Шахматовым, и Л. П. Якубинским, и П. С. Кузнецовым, но далеко не исчерпывают всех особенностей. Материал же грамот представляет несомненный интерес в области морфологии, в вопросах развития морфологического строя русского языка на протяжении XIII—XIV вв., т. е. периода интенсивной перестройки его морфологической системы. Анализ новгородских памятников позволил выявить целый ряд интересных особенностей и явлений в системе склонения имен существительных, прилагательных, местоимений, числительных.

Настоящие морфологические заметки основаны на результатах анализа имеющихся морфологических форм в указанных девяти грамотах. Естественно, что в пределах одной статьи невозможно охватить все падежные формы (только в именах существительных их оказывается около 470, не считая имен собственных и фамилий). Поэтому приходится ограничиться лишь наиболее интересными явлениями и особенностями в области морфологии, освещая их при этом главным образом с точки зрения процессов, протекавших в языке в период XIII—XIV вв.

Имена существительные являются той частью речи, в которой нашли наиболее яркое отражение процессы объединения, унификации.

Взаимодействие склонений с основами на -о и на -й подтверждается формами вин. п. ед. ч. существительного *сынъ* в грамоте Новгорода в Ревель и в Нибуровом мире: *что побилъ розбоиникъ на невѣ матьфѣева сна* (Грам. Новг. в Ревель, ок.

1302 г.) и *кнзь великши послалъ к вамо своего сна* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.). Обе формы — родительный-винительный, образованный по типу основ на -о.

Формы на -у отмечены в род. п. у существительного *новъгородъ* и в род. и местн. падежах у существительного *миръ*. Форма род. п. ед. ч. на -у *до новугороду* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.) явилась в результате влияния склонения с основой на -й. Форма эта отмечается и в современных говорах. Обе формы существительного *миръ* отмечены в договорной грамоте князя Ярослава Владимировича 1189—1199 гг. (в списке): *мироу (без мироу)* род. п. ед. ч. и *мироу (в томъ мироу)* — местн. п. ед. ч. Существительное *миръ* в древности предположительно входило в склонение с основой на -й. В период же написания указанных грамот оно уже входило в склонение с основой на -о, а окончание -у в род. и местн. падежах ед. ч. можно рассматривать таким образом не как результат влияния й-основ на о-основы, а как сохранение старого окончания, унаследованного от того времени, когда существительное *миръ* входило в склонение с основой на -й.

Широкому воздействию со стороны основ на -й подвергся творительный падеж ед. ч. основ на -о, т. е. в тв. п. вместо -омъ появляется -ѣмъ, восходящее к склонению с основой на -й. В исследованных грамотах соотношение между написаниями -омъ и -ѣмъ резко склоняется в пользу первого. Из 16 зарегистрированных форм тв. п. ед. ч. твердой разновидности 8 имеют написание -омъ (при 7 на -омъ) и только одна форма — с -ѣмъ: *с посадникомъ* (Дог. грам. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 гг., в сп.), *с посломъ* (там же), *сѣ . . . языкомъ* (там же), *коломъ* (там же), *с посадникомъ* (Дог. грам. в. кн. Алекс. Н., 1262—1263 гг.), *с посломъ* (там же) — 3 р., *сѣ . . . языкомъ* (там же), *со всѣмъ . . . языкъмъ* (там же), *посольствомъ* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.), *с пискупомъ* (там же) — 3 р., *городомъ* (там же), *за замкомъ* (там же).

Форм творительного падежа мягкой разновидности, оканчивающихся на -ьмъ, не отмечено вовсе.

Необходимо, однако, заметить, что поскольку грамоты относятся к XIII—XIV вв., подобные окончания — явление вторичное и относится к ряду фонетических особенностей, связанных с прояснением редуцированных в гласные полного образования.

Формы дательного падежа ед. ч. имен существительных мужского рода с основой на -й имеют двоякие окончания: -и и -ю (второе появляется под влиянием основ на -о). Так, в одной и той же грамоте князя Ярослава Ярославича отъ XIII в. (1266—1272 гг.) встречаются 2 формы одного и того же слова в дат. п. ед. ч.: *гости* и *гостю* (*даи путь немецкому гости; гостю чистъ*

луть). В другой, более ранней грамоте князя Ярослава Владимировича 1189—1199 гг. (но в списке XIII в.) в дат. п. ед. ч. также отмечена форма *гостю* (*ити гостю домовь*). Приведенные примеры говорят, что в памятниках XIII в. обе формы (*гости* и *гостю*) в дат. п. были еще одинаково употребительны в живой народной речи. Старые формы дат. п. на *-и* отмечаются еще в начале XIV в.: *гости* (Дог. грам. Новг. с Любеком, под 1301 г.).

Одна из ранних новгородских грамот дает одну форму род. п. ед. ч. *бес крови* (Дог. грам. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 гг., в сп.), форму, идущую по склонению с основой на *-ї* (вместо старых *крѣве* или *крове*). По свидетельству Ю. П. Ульянова, переход существительных женского рода с основой на согласный в склонение с основой на *-ї* наметился к XVI в.¹⁾ Немногочисленность примеров в исследованных грамотах не может служить достаточным подтверждением, но бесспорно, что изменение отдельных форм по типу основ на *-ї* началось значительно раньше.

В Нибуровом мире (1392 г.) в родительном падеже отмечено существительное ср. р. в форме *племени*, также вместо ожидаемой старой формы *племене*. По-видимому, по аналогии с именами существительными ж. рода, влиянию основ на *-ї* подвергались и существительные среднего рода.

Со 2-ой половины XIV в. (по материалам указанных грамот) интенсивно проявляется взаимодействие твердой и мягкой разновидностей склонений с основой на *-а* и с основой на *-о*, причем наибольшие колебания испытывает склонение основ на *-ӑ* как со стороны влияния мягких основ на твердые, так и со стороны влияния твердых основ на мягкие. В склонении основ на *-о* отмечен лишь один пример влияния твердой разновидности на мягкую в местном падеже: на морѣ (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.). Все остальные примеры падают исключительно на склонение с основами на *-а*. В основах на *-а* возникают формы типа *землѣ — по . . . землѣ* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.) в дат. п., *бжьницѣ — о своєї бжьницѣ* (там же) в местн. п. по образцу твердой разновидности. О незавершенности этого процесса в указанный период говорят колебания в употреблении форм: *землѣ с -ѣ* вм. *-и*, но *братѣ* (*товарѣ дати своєї братѣ*) в дат. п. в одной и той же грамоте (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.). В ранних грамотах (XIII в.) примеры на подобное взаимодействие не отмечаются. Лишь в одной из грамот самого начала XIV в. отмечен пример воздействия твердой разновидности на мягкую в склонении с основой на *-а* в род. п. ед. ч.:

¹⁾ Ю. П. Ульянов, История склонения имен существительных с основой на *-ї* в памятниках русской письменности XI—XVII в., Чарджоу, 1959 г., стр. 37.

братии (Дог. грам. Новг. с Любеком, под 1301 г.). Форма эта по существу параллельна формам твердой разновидности и отличается лишь тем, что оканчивается гласным И, а не ЪІ, вследствие того, что после согласного *ј* невозможно *ы*. В поздних грамотах, относящихся к концу XIV в., подобные примеры встречаются чаще. Например:

а) твердая разновидность:

род. п. — *сторонѣ* — *се сторонѣ поморья* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.),

измѣнѣ — *в томѣ новугороду нѣтъ измѣнѣ*; *в томѣ нѣмѣ-цамѣ измѣнѣ нѣтуть* (там же) — 2 р.;

мест. п. — *руки* — *на бжи руки* (Грамм. Новг. в Юрьев. XIV в.);

б) мягкая разновидность:

дат. п. — *землѣ* — *по... землѣ* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.),

местн. п. — *бжьницѣ* — *о своей бжьницѣ* (там же).

Сопоставление форм род. п. ед. ч. твердой разновидности памятников XIII и XIV вв. позволяет отметить, что для грамот XIII и начала XIV вв. характерны старые окончания основ на -а; грамоты же второй половины XIV в. имеют новые формы, т. е. формы, подвергшиеся воздействию мягкой разновидности: *сторонѣ*, *измѣнѣ*. Формы *землѣ*, *бжьницѣ* (дат. и местн. падежи) — результат влияния твердой разновидности. Таким образом, в XIV в. (в противоположность XIII и началу XIV в.) весьма заметна тенденция к объединению род., дат. и местн. падежей в одной форме как для твердой, так и для мягкой разновидностей, т. е. встречаются формы род. п. ед. ч. с окончаниями -ѣ у основ на -а твердой разновидности (*сторонѣ*, *измѣнѣ*) и формы дат. п. (*землѣ*) и местн. п. (*бжьницѣ*) ед. ч. с тем же окончанием у основ мягкой разновидности. Происходит постепенное стирание грани между мягкой и твердой разновидностями в склонении основ на -а, приведшее в конце концов к современному состоянию склонения имен существительных женского рода, оканчивающихся на -а, -я.

В ед. ч. отмечен еще целый ряд особенностей, на которых следует остановиться в каждом конкретном случае особо.

Так, интересно сопоставить употребление предлога *в* в местном падеже ед. ч. В одной и той же грамоте Ярослава Владимировича (1189—1199 гг.) из 7 форм местного падежа 6 представлены без предлога и только одна с предлогом: *аче боудеть соудѣ князю новгородѣмоу новѣгородѣ...*; *а оже оубьють... нѣмецкыи посолѣ новѣгородѣ...*, *а оже оубьють... нѣмчина*

коупчиною новѣгородѣ . . . ; оже родится тяжа в нѣмцехъ новгородцю любо нѣмчину новѣгородѣ . . . ; нѣмчина не сажати в погребѣ новѣгородѣ . . . ; оже оубьють . . . попѣ новгороцкое . . . новѣгородѣ . . . ; оже тяжа родится в новѣгородѣ.

В позднейшем памятнике (в Нибуровом мире 1392 г., рижск. сп.), напротив, формы местного падежа отмечены только с предлогом: *в новѣгородѣ, в ругодивѣ* (2 р.). Судя по новгородским грамотам XIII—XIV вв., местный беспредложный от имен городов мужского рода был еще широко распространен в XII—XIII вв.; случаи же употребления с предлогами отмечаются весьма редко.

Формы тв. п. ед. ч. *горою* и *водою* (*а новгороцькимъ . . . горою и водою путь цтѣ*) в Нибуровом мире 1392 г. представляют собой формы так называемого творительного обстоятельственного, стоящего на грани с наречиями. По наблюдениям Л. П. Якубинского, формы творительного обстоятельственного «либо заменялись предложными оборотами, либо переходили в категорию наречий».²⁾ Формы *горою* (т. е. сухопутным путем) и *водою* (т. е. водным путем) не развились в наречия, о чем свидетельствует современный русский язык, в котором подобных наречий в указанном значении нет.

В тв. п. ед. ч. склонения с основой на -і́ отмечены только формы на -ью: *печтью* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.), *печатью* (там же) — 2 р. Две формы на -ию основ на согласный (ѣ) отмечены в грамоте Новгорода в Ревель, ок. 1302 г.: *любовию*. Недостаток примеров не позволяет судить о степени распространенности тех и других форм. Однако можно утверждать, что в памятниках делового характера, которые наиболее ярко отражали живую русскую народную речь, в повседневных, обычных словах употреблялись формы на -ью и только в особых случаях появлялось -ию, вносящее оттенок торжественности, значительности.

Форма вин. п. ед. ч. *князя* входит в оборот, называемый вторым винительным: *а кого бгѣ поставити князя* (Дог. грам. кн. Ярослав. Вл., 1189—1199 гг., в сп.). В современном русском языке второму винительному соответствует словосочетание с творительным падежом. В древнерусском языке встречается редко.

Форма им. п. ед. ч. ж. р. *грамота* (*та грамота ивану и его другамъ выдати*) из Нибурова мира 1392 г. в роли прямого дополнения отмечена в сочетании с инфинитивом переходного глагола. Такой оборот являлся особенностью древненовгородского говора.

Во множественном числе (как и в единственном) взаимное

²⁾ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953 г., стр. 180.

влияние испытывают основы на -о и на -й. Наряду со старой формой основ на -о *посли* (Дог. грам. в. кн. Алекс. Н., 1262—1263 гг., в сп.) в грамоте Новгорода в Ревель (1302 г.) отмечены формы им. п. мн. ч. *посъло** и *пословѣ* (последняя образована по типу основ на -й, с ѣ вместо е). В грамоте Новгорода в Юрьев (XIV в.) имеем винительный в форме им. мн. *пословѣ*, образованный по типу основ на -й, наряду с *послы* в грамоте Новгорода в Ревель (ок. 1302 г.).

Грамоты XIII в. и начала XIV в. не дают примеров род. п. твердой разновидности. В грамотах же XIV в. (именно 2-ой половины) все формы род. п. у существительных, исконно принадлежавших к склонению с основой на -о, представлены новыми формами по типу основ на -й: *городовѣ* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.), *друзовѣ* (там же) — 3 р., *намѣстниковѣ* (там же).

Интересно сопоставить формы род. п. мн. ч. мягкой разновидности грамот XIII и XIV вв. Грамоты XIII и начала XIV вв. дают имена мягкой разновидности, идущие по старому склонению основ на -о: *оже не поиметь нашего посла ни новгородьскихъ коупецъ* (Дог. грам. в. кн. Алекс. Н., 1262—1263 гг.) *а которыхъ трее дворцъ въпросили* (там же), *от всѣхъ коупѣчь* (Дог. грам. Новг. с Любеком, под 1301 г.), *от всѣхъ купѣчь* (Грамм. Новг. в Ригу, 1303—1307 гг.). В Нибуровом мире 1392 г., напротив, все встречающиеся примеры (частью тех же самых слов) даны в новых формах, т. е. формах, испытавших влияние основ на -й: *купѣцовѣ* — 3 р., *купѣчовѣ*, *юръевѣцѣвѣ*.

В вин. п. мн. ч. отмечена новая форма для лиц (т. е. родительный-винительный), образованная по типу основ на -й: *розбоиниковѣ* — *розбоиниковѣ изыскали* (Грамм. Новг. в Ригу, 1303—1307 гг.), при одной старой форме в той же грамоте — *розбоиники* (*братей нашей товарѣ дайте и розбоиники*).

В тв. п. мн. ч. имеем единственную форму *сны* (Дог. грам. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 гг., в сп.) по образцу основ на -о (подкрепленную, возможно, следующей формой основ на -о: *съ всѣми нѣмьцькими сны и с гты*), хотя в древнерусских памятниках форма *сны* в тв. п. не является редкостью.

Форма *послы* (*послы заморьскѣ . . . кртѣ целовалѣ*) в Нибуровом мире 1392 г. является формой старого винительного падежа в значении именительного. В ранних грамотах форм старого винительного в значении именительного не встречается. Так, в грамоте Александра Невского (1262—1263 гг.) отмечена форма *посли* (им. п. ед. ч. — *посолѣ***), а в еще более ранней

*) Предполагается *посълове*. В подлиннике текст представлен следующим образом: *посъло великогъ князя*.

**) См. формы (с О вместо Ъ перед Л): им. п. ед. ч. — *посолѣ* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.); вин. п. ед. ч. — *посолѣ* (Дог. грам. кн. Яросл. Вл. 1189—1199 гг., в сп.).

(Дог. грам. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 гг.), но в списке XIII в., — *послуси* (им. п. ед. ч. — *послухъ*). В грамоте 2-ой половины XIV в. (Нибуров мир, 1392 г.) в им. п. мн. ч. твердой разновидности о-основ обращает на себя внимание форма *розбоиникъ*. Известно, что с XIII в. довольно часто встречаются в памятниках случаи употребления в им. п. форм вин. п. с окончаниями *-е*, *-ѣ* в склонении имен существительных м. р. мягкой разновидности. В рассматриваемых грамотах в им. п. мн. ч. мягкой разновидности о-основ отмечены только окончания — *и* (вин. п. примеров не дает): *нѣмци* (Дог. грам. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 гг., в сп.), *нѣмци* (Дог. грам. в. кн. Алекс. Н., 1262—1263 гг.), *оци* (там же), *заморьци* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.), *заморчи* (Грамм. Новг. в Юрьев, XIV г.), *заморци* (там же). В грамотах XIII в. и начала XIV в. им. и вин. падежи твердых основ на -о м. р. оканчиваются на *-ы* или *-и* (традиционно). В более поздних же грамотах в им. п. являются *-е* и *-ѣ*, вместо ожидаемых *-ы* или *-и*, как например, упомянутая выше форма *розбоиникъ* в Нибуровом мире 1392 г.

По мнению А. А. Шахматова, *-ѣ* является под влиянием форм мягкой разновидности: *конѣ* и *кони*. Последние же А. А. Шахматов объясняет воздействием формы *гоны*, под влиянием которой им. вин. мн. *конѣ* переходило в *кони*³). Вопрос этот остается спорным, т. к. *-ѣ* вм. *-ы* или *-и* можно объяснить и смешением *ѣ* и *и*, что в новгородских памятниках вполне возможно.

В именах женского рода в им. п. мн. ч. отмечена форма *грамотѣ*, а в вин. п. мн. ч. *скалви* и *вѣры*. В форме *грамотѣ* — влияние мягкой разновидности на твердую (подобно им. п. мн. ч. *землѣ*); *скалви* вм. предполагаемого *скалвы* является в результате влияния основ на -о в им. п. мн. ч.

В большой мере взаимодействие склонений осуществилось в формах дательного, творительного и местного падежей основ на -о, где имена существительные принимают формы, ранее характерные лишь для склонения основ на -а, т. е. формы на *-амѣ*, *-ами*, *-ахѣ*. В ранних грамотах это взаимодействие не нашло отражения. Примеры взаимодействия отмечены только в грамотах 2-ой половины XIV в. Наибольшее число примеров на новые формы дает дательный падеж обеих разновидностей. Так, в дат. п. мн. ч. твердой разновидности из 6 представленных форм (имеется в виду только 2-я половина XIV в.) 4 имеют новые окончания: *другамъ* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.), *городамъ* (там же), *посламъ* (Грамм. Новг. в Юрьев, XIV в.),

³) А. А. Шахматов, Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века, СПб., 1895 г., стр. 193.

посадникамъ (Грамм. от посадн. новг., под 1400 г.) при двух формах со старыми окончаниями: *посломъ* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.), *ратманомъ* (Грамм. от посадн. новг., под 1400 г.). В Нибуровом мире из 7 форм мягкой разновидности 5 имеют новые окончания: *купьцамъ* — 4 р., *нѣмъцамъ* (там же) при двух формах *нѣмъцомъ* и *нѣмъчемъ*. В том же Нибуровом мире зарегистрирована одна новая форма в тв. п.: *велневицами*. В местном падеже (и твердой и мягкой разновидности) во всех грамотах отмечены только старые формы множественного числа: *в нѣмцехъ* (Дог. грамм. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 гг., в сп.) с *е* вм. ѣ фонетически, *в нѣмцѣхъ* (там же), *в нѣмчѣхъ* (там же), *в... городѣхъ* (там же), *о... дѣлехъ* (Грамм. Новг. в Юрьев, XIV в.).

Следует остановиться на употреблении родительного-винительного в ед. и мн. ч. для выражения одушевленности. Родительный-винительный употребляется неравномерно, постоянно наблюдаются колебания между употреблением родительного-винительного и старого винительного. Колебания эти наблюдаются на протяжении XIII—XIV вв., т. е. периода написания рассматриваемых грамот. Так, в грамоте князя Ярослава Владимировича (1198—1199 гг.) в вин. п. ед. ч. отмечены следующие формы родительного-винительного для выражения одушевленности: *посла, князя, новгородца, мужа (послалъ есмь посла; оже оубьють, новгородца посла; кого бгъ поставить князя; оже оубьють новгородца; оже оубьють купчину новгородца; оже мужа свяжутъ; оже оударятъ мужа)* при формах *посолъ, попъ, таль (оже оубьють... нѣмецкьи посолъ; оже оубьють таль или попъ)*, в которых одушевленность не нашла особой формы выражения и выступает в старой форме винительного падежа, тождественной именительному.

Существительное *сынъ* в грамоте Новгорода в Ревель (ок. 1302 г.) и в Нибуровом мире 1392 г. выступает в форме родительного-винительного *сна*, образованной по типу основ на -о. В договорной грамоте Новгорода с Любеком 1301 г. и в Нибуровом мире 1392 г. представлены старые формы вин. п.: *гость, тать*.

Во множественном числе наблюдаются как формы старого винительного для обозначения лиц, так и новые формы родительного-винительного: *есте присылали послы ко князю* (Грамм. Новг. в Ревель, ок. 1302 г.), *братей нашеи товаръ дайте и розбоиникы* (Грамм. Новг. в Ригу, 1303—1307 гг.), *свои пословѣ послалѣ чстыи добрыи люди* (Грамм. Новг. в Юрьев, XIV в.), *аже есте изыскали розбоиниковъ* (Грамм. Новг. в Ригу, 1303—1307 гг.), *побилѣ розбоиникѣ на невѣ матьфѣева сна и его друговъ* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.).

Как следует из приведенных примеров, многие из существительных, обозначающих лиц, употребляются часто в форме старого винительного падежа. С другой стороны, форма родительного-винительного охватывает большую часть существительных мужского рода основ на -о (твердой и мягкой разновидностей), выражающих категорию лица во мн. ч. Такими являются: *посоль, попъ, таль, гость, тать* (в ед. ч.) и *послы, розбоиньки, люди* (во мн. ч.), которые выступают в старой форме винительного падежа, тождественной именительному.

Таким образом, формы родительного-винительного падежа перестают быть редкостью в грамотах XIII—XIV вв.

Значительное место в новгородских грамотах занимают имена, отчества и фамилии (древнерусские и иноязычные), представляющие интерес как с точки зрения ономастики, так и морфологии. Название «древнерусские» употреблено условно, т. к. вместе с принятием христианства на Руси получили распространение церковные имена древнееврейского, греческого и латинского происхождения, с одной стороны, и в то же время существовали имена мирские, бытовые, существовавшие на Руси еще до принятия христианства (*ярославъ, жирославъ, володимиръ, мирошка*), с другой стороны. Единственное женское имя из всех имен — *софья* в род. п.: *софыи* (Грам. Новг. в Юрьев, XIV в.). Все остальные имена — мужские, что вполне естественно, если исходить из характера анализируемых памятников. Все личные имена представлены полными, за исключением трех следующих: в род. п. — *машка* (Дог. грам. Новг. с Любеком, под 1301 г.) — имя посадника новгородского в грамоте Ярослава Владимировича, 1189—1199 г. и предполагаемое уменьшительное от полного имени *григорья* — в вин. п.: *послалъ есмь посла своего григу* (Дог. грам. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 г., в сп.). Все они — уменьшительные имена собственные. Форма род. п. *машка* предполагает форму им. п. среднего рода *машко*. Большинство имен собственных не дает отклонений в изменении по падежам. Наибольший интерес представляют лишь 2 имени: *григорий* и *михаил*. Первое встречается 7 раз (1 раз в грамоте Новгорода в Юрьев и 6 раз в Нибуровом мире). Причем в Нибуровом мире одна из зарегистрированных форм в дат. п. идет по типу склонения основ на -о (мягкая разновидность). Во всех остальных случаях это имя собственное идет по типу склонения основ на -а (мягкая разновидность): форма именительного падежа *григорья* засвидетельствована 3 раза (*се приѣха... григорья вить; повѣствовалъ... винька изъ юрьева, ис колываня григорья; из юрьева... винька клинъкродъ, ис колываня григорья вить* — Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.), в родительном падеже имеем формы *григорьи*, (за... печтью... тысяцького *григорьи* — Ниб.

мир, 1392 г., рижск. сп.; *от тысячького григорьи* — Грам. Новг. в Юрьев, XIV в.) и *григории* (за ... *пецатью* ... *тысячького григории* — Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.), т. е. формы, испытавшие влияние твердой разновидности (*ы*, и после мягких согласных).

Особых замечаний требуют и формы род. п. *михаилѣ* (2 р.), дат. п. *михаилѣ* и тв. п. *михаилѣмь*. Так, формы род. и дат. падежей *михаилѣ* предполагают в им. п. форму *михайла*, идущую по склонению с основами на *-ā* (твердой разновидности); форма же тв. п. *михаилѣмь* предполагает в им. п. форму *михаило* (михаиль), идущую по склонению с основами на *-о*. Такие колебания свидетельствуют о незавершенности перехода в другой тип склонения, в данном случае из склонения с основой на *-о* в склонение с основой на *-а*. Следствием этого перехода являются формы род. п. *у михаилѣ* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.) и *до михаилѣ*, с *-ѣ* вместо ожидаемого *-ы* под влиянием мягкой разновидности склонения.

О влиянии твердой разновидности на мягкую говорят формы род. п. имен мягкой разновидности основ на *-ā*, в которых отмечаются формы исключительно с *-и* вместо *-ѣ*: *григорьи* (Ниб. мир, 1392 г., рижский сп.), *григории* (там же), *григорьи* (Грам. Новг. в Юрьев, XIV в.), *софьи* (там же).

Как и другие существительные, имена собственные (русские и иноязычные) в тв. п. ед. ч. в большей своей части отмечены с окончанием *-омь*: с ... *арбоудомь* (Дог. грам. кн. Яросл. Вл., 1189—1199., в сп.), с ... *шивордомь* (Дог. грам. в. кн. Алекс. Н., 1262—1263 гг.), с ... *тидрикомь* (там же), *яковомь* (Дог. грам. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 гг., в сп.), *жирославомь* (Дог. грам. в. кн. Алекс. Н., 1262—1263 гг.) и только 2 раза с окончанием *-ѣмь*: с ... *олѣстенѣмь* (Дог. грам. в. кн. Алекс. Н., 1262—1263 гг.), *михаилѣмь* (там же).

Нет необходимости останавливаться на формах кратких прилагательных, которые не дают никаких отклонений в морфологическом отношении от норм древнерусского языка.

Значительную группу в пределах именного склонения прилагательных составляют притяжательные прилагательные. Притяжательные прилагательные образуются при помощи разнообразных суффиксов: *-инѣ*, *-евѣ*, *-инѣ*, *-овѣ*. Например, в *ратшиноу тяжю* (Дог. грам. в. кн. Алекс. Н., 1262—1263 гг.); *до ильиныхъ дѣтеи* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.); *ильинымѣ дѣтемѣ* (там же); *матѣфѣева сна* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.); *за олекѣвовой... пецатью* (там же); *ко кѣрольвымо моужьмо* (Грам. Новг. в Ревель, ок. 1302 г.); *бориса кижанинова* (Грам. от посадн. новг., под 1400 г.). Исчезнувшую в со-

временном русском языке категорию прилагательных на -*ѣ*, -*ѣА*, -*ѣЕ* представляют следующие прилагательные: *по пискуплѣ землѣ* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.), *под пискуплимъ городомъ* (там же), *за посадницею печатью* (там же) 2 р., *за влдцею . . . печатью* (там же), *на . . . роучѣ . . . княжи* (Дог. грам. Новг. с Любеком, под 1301 г.).

К редко встречающимся в древнерусских памятниках относится суффикс -*Бѣ*: *на божши роучѣ* (Дог. грам. Новг. с Любеком, под 1301 г.).

Приведенные примеры говорят, что к началу XV в. краткие формы притяжательных прилагательных (особенно на -*ѣА*, -*ѣБ*, -*ѣЕ*, -*ѣЖ*) были еще достаточно широко распространены.

Русские отчества, являясь по происхождению притяжательными прилагательными, образуются от имени отца при помощи суффиксов: -*ѣБ*, -*ИН*, -*ОВ/ЕВ*, -*ОВИЧ/ЕВИЧ*, -*ИЧ*. Первый суффикс, а также -*ОВ/ЕВ*, в грамотах совсем не употребляются. Наиболее употребительными и продуктивными суффиксами являются: -*ОВИЧ*, -*ЕВИЧ*, -*ИН-ИЧ*. Сочетаний слова *сын* с прилагательным от имени или прозвища отца в грамотах нет.

Поскольку посадники и тысяцкие именуется по именам и отчествам (но в том же Нибуровом мире купцы из новгородцев называются только по именам: *у новгороцкихъ купцовъ*, *у федора*, *и у михаилѣ*, *и василья*, *и у теньтѣя*), можно предположить, что они обязаны этим своему происхождению, или же важность самого документа, его официальность, обязывали к большей почтительности. Часто посадник и тысяцкий являлись официальными представителями вольного города, отсюда и почтительное именование, как, например, в грамоте Великого Новгорода в Ригу (1303—1307 гг.): *от посадника новгороцкого олександра фоминица и от тысяцкого олисия костянтиновица*.

Напротив, в грамотах, писанных от имени князя (следует его имя, отчество), отчества тысяцких и посадников опускаются, а имена их даются уменьшительными, что вносит оттенок пренебрежения, второстепенности этих лиц. Так, например, в грамоте 1189—1199 гг.: *се язѣ князь ярославъ володимѣричь сгадавъ с посадникомъ с мирошкою и с тысяцкымъ яковомъ*; в договорной грамоте Новгорода с Любеком (под 1301 г.): *от тысяцкого машка*.

Весьма часто встречаются формы краткого именного прилагательного в сочетании *новгородъ*. Имя собственное *новгородъ* долго сохраняло склонение обеих своих частей. В грамотах нет ни одного примера, в котором бы краткое прилагательное *новъ* не изменялось по падежам.

О том, что первая часть сочетания типа *новгородъ* сохра-

няет свое значение кратко прилагательного, еще не окончательно слившегося в единое и неразрывное целое с *городъ*, говорит сохранение *-ѣ* в *новѣ*, в то время как в полных прилагательных и в именах существительных, обозначающих жителей Новгорода, этот *ѣ* отмечен лишь один раз (из 21). Об устойчивости и постоянстве этих форм говорит и правильное употребление их по падежам, особенно в местном падеже, где мы не встречаем ни одного примера, где бы *ѣ* заменялось *е* (а подобное явление в грамотах описываемого периода встречается весьма часто): *новѣгородѣ* (Дог. грам. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 гг., в сп.) — 7 р.; *новѣгородѣ* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.).

В дательном падеже из 21 зарегистрированной формы мужского и среднего рода 16 оканчиваются на *-ому*, 3 — на *-ѣму* (последние отмечены в ранних памятниках: две в грамоте Ярослава Владимировича, одна — в списке грамоты Александра Невского) и только две формы среднего рода не дают возможности определить их окончания: по *хрестѣму*, *крѣму*. См. формы с *-ому*: *взликѣму новугороду* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.) — 2 р., *латиньскому языкоу* (Дог. грам. в. кн. Алекс. Н., 1262—1263 гг.) — 2 р., *немецкому гости* (Грамм. кн. Яросл. Яросл., 1266—1272 гг.), *к пслоу к рижьскому* (Грамм. Новг. в Ригу, 1303—1307 гг.), *заморьскому послу* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.), *юрьевьскомѣ еремѣю* (там же), *новгороцкъому купцѣю* (там же), *другому ивѣнѣю* (Грамм. Новг. в Юрьев, XIV в.), *по старому... целованию* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.), *по старому доконьцанию* (там же), *по хрьсному целованию* (Грамм. Новг. в Ригу, 1303—1307 гг.), *хрестному целованию* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.), *по хрестному целованию* (там же), *по крсному целованию* (Грамм. от посадн. новг., под 1400 г.); формы с *-ѣму*: *князю... нѣмецкъому* (Дог. грам. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 гг., в сп.), *князю новгороцкъому* (там же), *немецкъому гости* (там же). Окончания *-ому* (для прилагательных мужского и среднего рода) — новые окончания, полученные в результате того, что полные прилагательные в косвенных падежах ед. ч. стали склоняться по образцу местоимений типа *Тѣ*, *ТА*, *ТО* (твердой разновидности) и *И*, *Я*, *Е* (мягкой разновидности).

Единственный случай старославянского — *аго* в прилагательном *аѣснаго* отмечен в грамоте Александра Невского (1262—1263 гг.), что говорит о ничтожном влиянии старославянской традиции и о преобладании живых элементов разговорного языка.

В местном падеже ед. ч. отмечена одна форма *в старѣи* (в грамотѣ в старѣи — Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.) со старым окончанием *-ѣи* вместо новой формы *в старои*.

В дат. п. мн. ч. качественные прилагательные *болишимъ* и *молодымъ* (Грамм. кн. Яросл. Яросл., 1266—1272 гг.) выступают в качестве субстантивированных прилагательных с новыми окончаниями, вм. *-ыимъ*, *-имъ*.

Два примера в тв. п. мн. ч. даны с новыми окончаниями на *-ыми*, вм. старых на *-ыими*: *ветхъми**) *кунами* (Дог. грамм. кн. Яросл. Вл., 1198—1199 гг., в сп.), *ветхыми коунами* (там же).

Один раз отмечена сравнительная степень: *ино того у нас нѣрвѣ сего не было* (Грамм. Новг. в Юрьев, XIV в.).

Из зарегистрированных в русском языке трех форм личных местоимений 1-го лица (*азъ*, *язъ*, *я*) в грамотах отмечены 2 формы: *азъ* и *язъ*. *Азъ* — в грамоте Александра Невского (1262—1263 гг.); *язъ* — на том же листе пергамента в тексте договора Ярослава Владимировича 1189—1199 гг., но в списке XIII в.

Из других форм 1-го лица ед. ч. представлена форма *мнѣ* в дат. п. (Грамм. кн. Яросл. Яросл., 1266—1272 гг.).

Возвратное местоимение представлено в формах вин. и дат. падежей; вин. п.: *ся* (Дог. грамм. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 гг., в сп.) — 2 р., *ся* (Дог. грамм. в кн. Алекс. Н., 1262—1263 гг.) — 5 р., *ся* (Грамм. кн. Яросл. Яросл., 1266—1272 гг.); дат. п.: *собѣ* (Дог. грамм. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 гг., в сп.) — форма, восходящая к общеславянскому.

Интересно сопоставить употребление энклитической формы местоимения *ся* в двух грамотах. В договоре Александра Невского 1262—1263 гг. местоимение *ся* встречается 5 раз, причем только препозитивно (*ся оучинило*, *ся оучинить*, *ся оучинитъ*, *ся тяжя родить*, *ся есмь отстоупили*). В договоре Ярослава Владимировича (по списку XIII в.) — 2 раза препозитивно (*ся выиметь*, *ся его заприть*) при 5 случаях постпозитивного употребления (*явится*, *сидутся*, *родится* — 3 р.). В грамоте 1266—1272 гг. *ся* употреблено препозитивно: *с тимъ ся самъ вѣдаю*. В Нибуровом мире, позднейшем памятнике среди всех описываемых здесь, уже не встречается ни одного примера препозитивного энклитического местоимения. В нем представлены следующие формы: *вѣдаться*, *увѣдается*, *сонналося*, *соненется*, *зацьнѣться*, *завяжется*, *уцинилась*. Все это говорит о начавшемся процессе утраты значения возвратности, превращения возвратного *ся* в залоговую частицу и закреплении ее в положении за глаголом. К началу XV в., по-видимому, начинает устанавливаться постпозитивное употребление энклитической формы возвратного местоимения *ся*. Во множественном числе отмечены 2 формы определительного местоимения твердой разновидности

*) В форме *ветхъми* — описка, вм. *ветхыми*.

с такими окончаниями, которые были свойственны в древности местоимениям мягкой разновидности, т. е. формы *всихъ* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.) род. п. и *всимъ* (Грамм. от посадн. новг. под 1400 г.).

В форме творит. п. ед. ч. с *тимь* (Грамм. кн. Яросл. Вл., 1266—1272 гг.) — результат воздействия мягкой разновидности на твердую.

В форме род. п. ед. ч. притяжательного местоимения *своеи—от своеи братии* (Дог. грамм. Новг. с Любеком, под 1301 г.) — и вм. ѣ появляется под влиянием следующей формы *братии*, где и вм. ѣ, в свою очередь, результат влияния твердой разновидности основ на -ā.

Самую незначительную группу составляют имена числительные. Во всех 9 грамотах отмечено всего лишь девять форм (из них 6 — количественные). В тех случаях, когда речь идет о двух предметах, отмечается двойственное число: *по двѣ коунѣ* (Дог. грамм. в. кн. Алекс. Н., 1262—1263 гг.), *за двѣ головѣ* (там же), *на обѣ половинѣ* (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.). Все отмеченные формы числительных — женского рода в винительном падеже.

Порядковые числительные представлены тремя формами: *первое* (Дог. грамм. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 гг., в сп.) — им. п. ед. ч. ср. р.; *третьюю* (Дог. грамм. в. кн. Алекс. Н., 1262—1263 гг. — вин. п. ед. ч. ж. р.; *четвертыи* (Дог. грамм. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 гг., в сп.) — вин. п. ед. ч. м. р.

Таковы краткие морфологические заметки о новгородских грамотах XIII—XIV вв.

В заключение приводим перечень использованных в заметках грамот с принятыми сокращениями:

1. Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о посольских и торговых отношениях и о суде, 1189—1199 гг.

Современный список при грамоте 1262—1263 гг. (Дог. грамм. кн. Яросл. Вл., 1189—1199 гг., в сп.)

2. Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле, 1262—1263 гг.

Подлинник на пергамене. (Дог. грамм. в. кн. Алекс. Н., 1262—1263 гг.)

3. Грамота князя Ярослава Ярославича рижанам о свободном пути для гостей по Менгу-Темирову слову, 1266—1272 гг.

Подлинник на пергамене. (Грамм. кн. Яросл. Яросл., 1266—1272 гг.).

4. Договорная грамота Новгорода с Любеком, Готским берегом и Ригой о предоставлении немецким купцам сухопутных и водных путей, 1301 г.

Рижский экземпляр подлинника на пергамене. (Дог. грам. Новг. с Любеком, под 1301 г.).

5. Грамота Новгорода советникам датского короля в Кольвань о полномочиях новгородских послов, 1302 г.

Подлинник на пергамене. (Грамм. Новг. в Ревель, ок. 1302 г.)

6. Грамота Новгорода в Ригу с требованием возврата награбленного товара и выдачи разбойников, 1303—1307 гг.

Подлинник на пергамене. (Грамм. Новг. в Ригу, 1303—1307 гг.)

7. Договор Великого Новгорода с ганзейскими городами (Нибуров мир), 1392 г.

Современный список на пергамене. (Ниб. мир, 1392 г., рижск. сп.)

8. Грамота новгородских наместников Ивана и Василия в Юрьев, XIV—XV вв.

Подлинник на пергамене. (Грамм. Новг. в Юрьев, XIV в.).

9. Грамота новгородского посадника Александра Фоминича в Ригу, около 1400 г.

Подлинник на пергамене. (Грамм. от посадн. новг., под 1400 г.).

1870-1871
1872-1873
1874-1875
1876-1877
1878-1879
1880-1881
1882-1883
1884-1885
1886-1887
1888-1889
1890-1891
1892-1893
1894-1895
1896-1897
1898-1899
1900-1901
1902-1903
1904-1905
1906-1907
1908-1909
1910-1911
1912-1913
1914-1915
1916-1917
1918-1919
1920-1921
1922-1923
1924-1925
1926-1927
1928-1929
1930-1931
1932-1933
1934-1935
1936-1937
1938-1939
1940-1941
1942-1943
1944-1945
1946-1947
1948-1949
1950-1951
1952-1953
1954-1955
1956-1957
1958-1959
1960-1961
1962-1963
1964-1965
1966-1967
1968-1969
1970-1971
1972-1973
1974-1975
1976-1977
1978-1979
1980-1981
1982-1983
1984-1985
1986-1987
1988-1989
1990-1991
1992-1993
1994-1995
1996-1997
1998-1999
2000-2001
2002-2003
2004-2005
2006-2007
2008-2009
2010-2011
2012-2013
2014-2015
2016-2017
2018-2019
2020-2021
2022-2023
2024-2025

М. А. Соколова

ЧУЖАЯ ЛЕКСИКА В «ДОМОСТРОЕ» (Займствования из греческого языка)

При изучении лексики письменных памятников прошлого внимание исследователей задерживается на словах чужих, попавших в наш язык как из языков индоевропейских, так и из других языковых групп и семейств.

Следует заметить, что вопрос о том, какие слова мы должны или можем считать заимствованными, является достаточно сложным, и каждый специалист, который в силу тех или иных причин ставит перед собою задачу исследовать наличие чужой лексики в каком-либо памятнике или даже в современном языке, сталкивается со значительными затруднениями.

Трудности эти обусловлены рядом причин. Значительный круг лексики, представляющей заимствования, уходящие в далекое прошлое, проникнув в язык на основе непосредственного общения или торговых связей, становится прочным достоянием нашего языка, входит во всеобщее употребление. Отдельные слова обрастают значительным количеством производных, подчиняются законам нашего языка, т. е. получают те изменения, которые свойственны своей, исконной лексике, и тем самым получают права гражданства. Ряд наиболее древних заимствований оказывается усвоенным не только нашим языком, но и рядом других славянских языков. При таком положении затруднения неизбежны. В качестве иллюстрации приведем хотя бы такие слова как **сапог**, **котел**. Количество подобной лексики могло бы быть значительно увеличено, но ограничимся этим.

Первое встречается уже в памятниках старославянского языка и самых ранних текстах русского языка, например, в Мариинском евангелии: ему же нѣсъмъ достоинъ **сапога** понести 7₈; не сътежите* злата, ни сѣребра, . . . ни **сапогъ**, ни жъзла 30₉, тоже листы 204₁₋₂, 240₂₂, 299₁₅, 316₂₀; в Синайской псалтыри: простъръ **ја сапогъ** мой 74₁₋₂, 144₁₀; в Остромировом евангелии: нѣсмъ достоинъ отрѣштити ремене **сапогъ** его, Лука III — 16; . . . и дадите пръстень на рѣкъ его и **сапогы** на нозѣ. Лука XV—22

* Юс малый обозначается ѣ, юс большой ѓ.

и др. То же в Хронике Георгия Амартола¹⁾ и во всех последующих памятниках²⁾, где имеются и производные от этого слова.

Существительное **котль** имеется в Мариинском четвероевангелии: и ина мънога сотъ ѿже пријесе дрѣжати крышениѣ стьклъницамъ и чваномъ и **котълемъ** и одромъ, 140²³⁾; в Пандектах Антиоха XI в.; еще не бесѣдоуеть даѣ, еще не вълъх-воуеть **котль**³⁾; то же у Григория Амартола.

Не меньшие трудности такого же порядка представляют и такие имена как **телега, собака, лошадь, хомут, алтын** и др. Но о них я предполагаю говорить не в этой статье.

При существующей тенденции считать заимственной, чужой лексикой слишком большое количество слов возрастают еще большие трудности, и желание внимательней и глубже разобраться в этих вопросах возрастает.

Об этой тенденции, имеющей место в прошлом, убедительно свидетельствует и высказывание А. С. Будиловича, сделанное им в отношении работ Миклошича. Признавая и высоко оценивая значение словаря Миклошича, Будилович пишет, что словарь сделан «не без натяжек в пользу заимствований в славянский из древнегерманского»⁴⁾. Работа же А. С. Будиловича, написанная как раз в противоположном направлении, не утратила своего значения и в наши дни.

Позднее эту же тенденцию видеть заимствования там, где оно не имело места, подверг справедливой и жестокой критике болгарский лингвист Младенов.⁵⁾

До последнего времени слово **блюдо**, не взирая на статью акад. С. П. Обнорского, убедительно доказавшего исконность слова⁶⁾, вслед за этимологическими словарями Н. В. Горяева, А. Преображенского продолжают считать германским заимст-

¹⁾ «Мариинское четвероевангелие», изд. И. В. Ягич, СПб. 1883 г.; «Синайская псалтырь», изд. С. Северьянова, Петроград, 1922 г.; «Книги временныя и образныя Георгия Мниха», изд. В. М. Истрина, Ленинград. 1930 г. стр. 315.

См. также книгу И. С. Вахроса «Наименования обуви в русском языке, I. Древнейшие наименования до петровской эпохи». Хельсинки 1959 г.

²⁾ И. И. Срезневский «Материалы для словаря древнерусского языка», СПб. т. I—III 1893, 1895 и 1903 г. стр. 261—262. В дальнейшем в ссылках лишь «материалы».

³⁾ И. И. Срезневский «Материалы», стр. 261.

⁴⁾ А. С. Будилович. «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным». Известия Историко-филологического И-та Безбородко в Нежине. 1878 г. Введение.

⁵⁾ Младенов, «Старите германски елементи в славянските езыци». София. 1910 г.

⁶⁾ С. П. Обнорский. «Готское ли заимствование слово **блюдо**?» Русский филологический вестник, 1915 г. № 1, т. 73, вып. 1, стр. 82—85.

вованием. В этом убеждает нас книга Е. М. Галкиной-Федорук.⁷⁾

Вот почему при обзоре лексики в «Домострое» я не решилась бы относить к чужой лексике такие слова как **лава** — **лавка**, **кадь** — **кадка**, **мечь**, **сабля** и др. только на том основании, что в латинском языке имеется слово *cadus*, в греческом *καδῖν*, *καδίου*, *καδός* и т. д. Обилие и большое разнообразие образований в русском языке (кадь, кадка, кадочка, кадушка, кадушечка, кадуля, кадулька, кадца), а также наличие слова во всех славянских языках (в др. р. кадь, кадька, в ст.-сл. кадь; укр. кадь, кадка; белор. кадка, серб. када (=ванна), чешск. *kad'*, *kadě* (=кадка), польск. *kadź*) дают достаточные основания полагать слово исконным, с корнем, свойственным ряду индоевропейских языков.

В вышеназванной книге Е. М. Галкиной-Федорук наряду с бесспорными славянизмами отмечаются без всякого основания такие слова, как **очи**, **чело**, **уста**, **одр** и другие. Таким образом даже для той лексики, которая входила в основной словарный запас языка и до периода XVI—XVII веков была единственным средством выражения соответствующих представлений, оказывается возможным отнесение ее к заимствованиям из старославянского языка.

Между тем перечисленные слова, получив соответствующие замены, перешли из основного состава в общий словарный фонд и, став принадлежностью поэтического языка, обогащали в течение ряда веков наш язык, выступая уже как стилистические синонимы: глаза — очи, лоб — чело, губы — уста и т. д.

Вот почему особо приходится приветствовать статьи проф. Н. П. Гринковой, в которых на значительном материале убедительно показано, что такая лексика как **чело**, **уста**, **одр** и другие представляет «устарелые слова русского языка».⁸ В этом же плане назову одну свою статью, в которой сделана попытка доказать, что слова **око** и **перст** были основными и единственными обозначениями соответствующих органов до периода XVI—XVII вв.⁹⁾

При обращении к чужой, проникнувшей в наш язык лексике, встают вопросы еще и такого порядка: из какого языка пришло то или иное пополнение наших собственных словарных бо-

⁷⁾ Е. М. Галкина-Федорук. «Современный русский язык. Лексика». Изд. МГУ, 1954 г. стр. 99.

⁸⁾ Н. П. Гринкова. «Из наблюдений над некоторыми устарелыми словами русского языка» Ученые записки Лен. Гос. Пед. И-та им. А. И. Герцена, т. 104, 1955, стр. 173—227.

⁹⁾ М. А. Соколова. «Из истории слов основного словарного фонда русского языка», Институт языкознания. Доклады и сообщения. II изд. АН СССР, Москва 1952 г., стр. 8—20.

гательств, к какому хронологическому периоду относится данное заимствование, каковы причины и пути его проникновения и, наконец, интересует дальнейшая судьба заимствованного слова в нашем языке.

Решающая роль при заимствовании слова путем непосредственного общения или торговли принадлежит его лексическому значению. По преимуществу эта лексика представляет или конкретные названия насущно необходимых предметов (утвари, животных, растений и т. д.), или другие столь же нужные понятия.

При таком положении единое понимание слова (особенно, если это конкретный предмет), его распространенность среди самых различных слоев населения и вытекающая отсюда общепотребительность, возможность использовать слово в различных стилях речи и вводят его в состав родного языка, делают его своим. При изучении заимствованной лексики очень важен учет хронологии проникновения того или иного слова в наш язык.

В нашей социалистической стране достижения науки и техники меняют жизнь не только городов, но и нашей социалистической деревни (совхозов и колхозов). Эти достижения становятся достоянием всего народа, проникают в самые отдаленные уголки Союза и несут вместе с собою и лексику, которая их называет. Основой этой лексики подчас являются латинские или какие-либо иные образования, например: радио — латинское *radio* — излучаю и т. д.

Обогащение общего словарного состава, особенно интенсивное в последние десятилетия жизни нашей страны, идет необычайно бурным темпом, и эти новые термины-названия становятся общенародными.

Пополняют эти богатства языка в наше время не только достижения культуры и техники, которые входят в нашу жизнь в виде конкретных вещей и предметов (трактор, комбайн, аэроплан, аэродром, кино, кооперация и т. д.), но и отвлеченные понятия, термины политики, науки, получающие широчайшее распространение и признание через школу, книги, газеты, радио и т. д.

Однако такое положение не имело места в прошлом.

Одна часть заимствований прошлого также относительно быстро становилась общим достоянием языка, а следовательно, и народа. Обычно это сугубо бытовая лексика, вхождение которой в наш язык осуществлялось путем непосредственного общения (сапоги, собака, лошадь, войлок, лапша и т. д.) или торговли. При торговле общие понятия усваивались довольно быстро (деньги, алтын, казна, рынок и т. д.), что же касается

предметов торговли, то значительная часть их, особенно если иметь в виду интересующий нас период XVI века, осваивалась и была достоянием лишь феодальной верхушки. Это прежде всего названия дорогих тканей, которые привозились из Ирана в связи с интенсивной торговлей того периода, напр.: тафта, изуфрь, просто зуфь, зендень, камка, обьяр и др.

Занимаясь последнее время памятниками XVI в., при наблюдениях за чужой заимствованной лексикой в основу я положила данные «Домостроя», учитывая показания и других памятников, «Материалов» И. И. Срезневского и, наконец, картотеки древнерусского словаря АН СССР (ДРС). Иллюстративный материал из «Домостроя» приводится по изд. акад. А. С. Орлова «Домострой по Коншинскому списку» и подобным (изд. Императорского об-ва истории и древностей российских при Московском Университете, 1908 г.) с указанием соответствующих страниц издания.

Что касается заимствованной лексики, отмеченной в «Домострое», то общее положение о ней можно сформулировать довольно четко и кратко.

Прежде всего можно отметить одно, совершенно очевидное для периода XVI века положение, которое могло быть высказано и априори и которое полностью подтверждается материалами памятника: все заимствования в основном восходят к заимствованиям из греческого, реже латинского языков, затем из восточных (иранских и тюркских) и, наконец, в меньшей степени из таких, первоначальный источник которых остается не выясненным и до настоящего времени.

Таким образом, для этого периода почти исключены заимствования из языков Западной Европы.

В «Домострое» безоговорочно можно говорить об одном слове, восходящем к западным языкам, а именно о существительном **лимон**: «и огурцы и **лимоны** и сливы также бы очищено и перебрано», 48.

В «Материалах» Срезневского это существительное отсутствует, но имеется образованное от него прилагательное: «черень (у ножа — М. С.) **лимонной** черень» (Опись имущества царя Ивана Вас. 1582—84 г.г.).

Единственный пример у Срезневского, хронологически одновременный нашему тексту, служит подтверждением нераспространенности слова и бытования его лишь в определенной среде крупных феодалов.

Большие трудности вызывает существительное **мастер**, имевшее бытование у нас в ранних памятниках письменности (что отмечается всеми словарями) и получившее значительное количество производных. В «Домострое» это существительное имеет

широкое употребление и вытесняет сосуществующие с ним и синонимичные ему существительные **руководѣльникъ** и **руководѣи**. Слову свойственно обобщенное значение специалиста в той или иной области, о чем достаточно убедительно свидетельствует хотя бы следующий текст: **мастеровъ** всяких было много: иконники, книжные писцы . . . кузнецы и плотники, и каменщики . . . 68.

Для уточнения специалистов существительное **мастеръ** осложнялось соответствующими определениями, напр.: **портного мастера** 30, **серебряные мастера** 40. Оно имело и производные образования, напр.: **мастерокъ** свои портной и сапожной 30; **оу мастеровъ** и **оу мастерицъ** . . . всегда всего пересматривати 56. Кроме образования **мастерица**, имеется еще и другое, а именно **мастеръ**: и всякой **мастери** самой прыдено 28. Наконец, должно быть отмечено образование **мастерство**: . . . вскормихъ и вспоихъ . . . изучихъ хто чево достоинъ: многих грамотъ и писати и пѣти . . . овѣхъ серебрянова **мастерства** и иныхъ многихъ **руководѣлей** 66, то же 16, 17 (дважды).

Обращение к различным словарям свидетельствует еще о значительном ряде образований, бытующих в нашем языке. Все это не дает, мне кажется, оснований для того, чтобы считать данное слово заимствованием, пришедшим с Запада. Более приемлемым является мнение М. Р. Фасмера, который полагает проникновение этого слова из греческого языка (<μαίιστωρ).

Остается пока невыясненным происхождение слова **морс**. Признание его заимствованием, восходящим к нем. Moosbeere (=клюква) нельзя считать удачным¹⁰).

О заимствовании здесь не может быть речи. Слово исконно славянское, а, может быть, даже оно восходит и к индоевропейскому корню, если учесть наличие в литовском языке слова *toogas*, в ирландском и кимрском *tegepp-tegwydden* со значением тутового дерева, ягоды. На этой основе могли развиться значения сок, приправа, а затем и жир, скромная пища.

Во всяком случае продолжает смущать сохранность слова только в сербском языке в форме **мрс** со значением скромная пища, вообще скромное, а отсюда и мясоед, а также на основании показаний картотеки ДРС наличие слова в памятниках русского языка лишь с XVI века.

Основное и единственное значение слова **морс** в памятниках русского языка — это ягодный напиток, сок, который не только приготавливали, но обычно и выдерживали, что, видимо, способствовало его крепости и приближало вкусовые его данные к вину.

¹⁰ См. «Словарь Современного русского литературного языка». АН СССР, т. 6, М-Л, 1957. В нем эта возможность допускается и приводится ссылка на словарь Нордстена 1780 года.

Уверенно можно только сказать, что до периода XVI века слово не имело широкого употребления. Его не отмечают «Материалы» ни И. И. Срезневского, ни Г. Е. Кочина, ни «Парижский словарь московитов» 1586 года и др. Но в «Домострое» оно встречается несколько раз, напр.: и вишни в патоке и малиновыи **морсь** и ягодной и вишневои **морсь** 15, и меда и пива и **морсы** и вишни въ патокѣ 43, то же 46, 52 и 61 и др.

Безусловно заимствованием из средневековой латыни является слово **комната** (ср. лат. *caminata*) со значением комнаты с отоплением (лат. *caminus* = печь).

Слово это отмечается нашими памятниками с XV в.: а Докладу быти во владычнѣ **комнатѣ** (Новг. суд 1471 г.); того же лѣта постави владыка **комнату** камену меншую (Новг. л-сь по арх. сп. 6948); горница съ двѣма **комнаты** на подклѣтѣхъ (Купч. Кирилл. монастыря 1568 г.)¹¹⁾.

В тексте «Домостроя» имеем: а въ горницѣ и въ **комнатѣ** и в сѣняхъ . . . всегда бы чисто было 31.

Единственный случай употребления слова **комната** в объединении со словом горница лишает возможности уточнить значение этого слова.

Без сомнѣния, это — название жилого помещения, но в «Домострое» количество лексики для названий жилых помещений довольно значительно и пестро: — это и **горница**, **комната**, **полаты**, **хоромы**, **хоромина**, **храмина**, **храм** и, наконец, **келья**.

Это богатство свидетельствует в какой-то степени о том, что такого рода терминология еще не установилась, не стала единственной. Бóльшим распространением и бóльшей употребительностью пользовались образования **хоромы**, **хоромина**. Существительное же **комната** лишь в последующий период стало единым названием отдельного помещения в квартире.

В данной статье мы ограничимся заимствованиями из греческого языка, так как они богаче всего представлены в нашем памятнике. Кроме того, в отношении их дальнейшей жизни в языке материал памятника дает возможность сделать некоторые наблюдения, свидетельствующие о том, как расширялся круг их значений в этот очень важный период жизни нашего языка, то есть период конца XVI века.

Греческие заимствования в «Домострое» четко распадаются в зависимости от путей и причин проникновения их в наш язык на две группы.

Одна из них проникла путем культурных и торговых связей, а другая через такой специфический канал как религия, т. е. через посредство старославянского языка.

Первая группа малочисленна. В ней мы отмечаем такие

¹¹⁾ «Материалы» И. И. Срезневского.

слова как **грамота**, греч. γραμματικῆ: Кто умѣеть **грамотѣ** 11; изучихъ хто чево достоинъ: многихъ **грамотѣ** и писати и пѣти 68. **Корабль** греч. καράβιον: яко **корабль** куплю деючи 17. Существительное **корабль** проникло в наш язык, вероятно, не книжным путем, о чем свидетельствует передача β через б, а не в.

Литра греч. (λίτρα), засвидетельствованное ранними памятниками письменности в 2-х значениях — единица веса и затем денежная единица.

В «Домострое» слово отмечено лишь в первом значении: шелку цвѣтного **литра** или болше, а тафты косякъ или сукна постав. 39. На основе показаний словарей слово в этой форме держалось долго. Его отмечают и «Лексикон Поликарпова» (1704 г.) и др. Позднее, вероятно, под влиянием уже европейских языков на фонетической основе оно закрепило за собой образование мужского рода — **литр**, став достоянием и нашего времени.

Слово имеет много производных: литровый, литровочный, литровка, литровать и т. д.

Палата греч. παλάτα, παλάτιον = комната, помещение: а во своемъ во всякомъ обиходѣ и в лавочномъ и во всякомъ товарѣ и въ казнѣ и въ **полатах** . . . 25; а платьѣ всяко и товаръ которое в **полатахъ** и въ клѣтхъ и въ онбаряхъ (= онбарахъ— М. С.) 61).

Фонарь — греч. φανάριον: в **фонарь** была бы свѣча съ огнемъ 54, . . . и у соломы . . . из **фонаря** огня не вымати 55; наконец, **уксус** — греч. ὄξος: а **уксусъ** ставити из доброго сусла 47, то же 48 и 52.

Существительные **грамота**, **корабль**, **литра**, **полата** представляют самые ранние заимствования: они отмечаются уже в памятниках XI в.; **уксус** с XII века, а **фонарь** с XIV века. Все они сохранены языком, получили значительное число производных, прочно вошли в язык и, можно сказать, не осознаются чужими. Слово **палата**, которое в «Домострое» употребляется в значении комнаты, жилого помещения, очень расширило свои значения. В современном языке это не только большая и богато отделанная комната, роскошный дом или дворец (оба значения в Словаре АН СССР имеют помету «устар.»), но слово получило и ряд других значений, напр.: палата — это комната в больнице («Палата № 6»); это высший орган государственной власти или часть его («Верховный Совет СССР состоит из двух палат: Совета Союза и Совета национальностей». Народная палата Германской демократической республики), наконец, это названия государственных или правительственных учреж-

дений, напр.: судебная палата, книжная палата, палата мер и весов и т. д.

Следует в число этой лексики включить представленное как «Домостроем», так и рядом других памятников и предшествующего, и последующего периода слово **келья**. Оно представляет древнейшее заимствование из греческого (*κέλλα, κελλίον, κελλέιον*), встречается уже в памятниках ст.-слав. языка, а также и в русских, напр.: съдита въ **келии** (Пат. син. XI в. 137); затворися въ единой **келии** пещеры (Нест. жит. Феод. 9); постави келиѣ многы (там же, 10). Слово имеет ряд производных: а что была пошлина **келарю** да **подкеларнику**, и ты тое пошлины имать не вели. (Грамм. Звениг. кн. Андр. Вас. 1490) и др.¹⁴⁾

Даже приведенные тексты свидетельствуют о двух значениях слова **келья**: это и комната, отдельное помещение и самостоятельное строение.

Два раза встретилось это существительное в «Домострое»: а у сѣней или у избы или у **кельи** и ноги грязные отерти носъ вымарькати и да выкашлятсѣ 33; А где лучитсѣ быти у кого в подворье или в **кельи** при государе... 34.

Значение слова не вполне четко: это или самостоятельное строение или только отдельное помещение в нем. Материалы картотеки ДРС, значительные по размерам, свидетельствуют об этих двух значениях, т. е. и строения, и отдельного помещения, но шире всего это слово употребляется со значением монастырского помещения, напр.: и всего в Троицкомъ монастырѣ десять **келей** да **келья** больнишная (А. И. 1 60) и за стѣною... церкви придѣлена... **кѣлья** и в той **келье** пребываютъ тѣ люди нѣ исходимо (Хождение купца Тр. Кор. 23/24); Монастырь былъ велми красенъ и **кельи** мурованы добре и высоки и ныне пустьъ стоитъ от араповъ (Хожд. Вас. Поздн. Правосл. Палест. сб. VI. 3) - Да с окончинъ стекочлатыхъ куплено в столову **келью**... (Прих. расх. кн. Волок. М. № 1028, л. 89—90, 1575—76 г.).

Рядом имеются тексты, четко свидетельствующие о значении отдельного строения, напр.: Дано... 20 алтынъ от **кельи**, что малую **келью** дѣлали у водяныхъ ворот (Прих. расх. кн. Волок. мон. № 2, л. 153, 1573—74 годов).

На основе широкого употребления кельи как монастырского помещения, предназначенного для жизни одного монаха, возникли и такие образования, как **келейный** и **келейно** со значением тайный — тайно, скрытый — скрытно, секретный — секретно. Существительное же **келья** сохраняет значение тесной, темной, невзрачной комнаты или жилища одинокого человека, а также и вообще маленького помещения для живого существа:

¹⁴⁾ «Материалы» И. И. Срезневского.

Пчела за данью полевой летит из **кельи** восковой (Пушкин Е. О.).

В обзор мы не включали ту лексику, этимология которой до настоящего времени не может считаться бесспорной. По этой причине и не рассматриваются такие слова, как вишня, свекла, огурец и другие.

Переходим к обзору той греческой лексики, которая проникла к нам через религию. Всего здесь 24 слова.

Вот их перечень с контекстами из «Домостроя»:

1. **адъ** (ἀδης): **Всѣ** вкупѣ будутъ во адѣ, а зде прокляти 24; нисходятъ во адъ живы душа ихъ 24; вся злая сходятся до ада преисподняго 67.

2. **аминь** — слово это древнееврейского языка, но к нам оно попало через посредство греческого языка (ἀμην): Слава свершителю богу ныне и въ-вѣкъ вѣка. Аминь 70.

3. **ангель**, (ἄγγελος): аггли предстоять 10; отъидуть ангели божия отъ тоя трапезы 17.

4. **апостоль** (ἀπόστολος): яко **апостоль** Павелъ рече 12; Глаголетъ бо **апостоль** Павелъ 7, писано бо есть во святом **апостоле** 23. Слово употребляется: 1) в значении лица — это посланник, ученик Христа, распространяющий его учение и 2) это книга, рассказывающая о деяниях апостолов и содержащая их послания.

5. **демонъ** (δαίμων): Возрадуются нечестивие **демони** видя волю свою содѣвающе, 17.

6. **дияволь** (διάβολος): а диаволи записують дѣла ихъ, 10; и уготоваемъ себя **дияволу**, 23.

7. **Дора** (δώρα, мн. δώρα): а **дора** и просфира и всякая святая вкушати бережно с вѣрою и со страхомъ 5.

8. **дьякъ** (διάκονος, среднегреч. διάκονος). От него имеем такие образования: многи во священническомъ и **дьяконскомъ** чину и въ **дьяцѣхъ** и въ **подьячихъ** 66.

9. **евангелие** (εὐαγγέλιον): Во святом **евангелии** речено 23; ... по **евангелию**: 34. **евальское слово** 9, 65.

10. **епитимья** (ἐπιτίμιον): Заповѣди хранить и **епитимьи** исправляти 21; Заповѣдь храни ... и **епитемью** держи 63.

11. **игумень** (ἡγούμενος): ... или лучится гость ... или **игумень** честной 46.

12. **иереи** (ἱερεὺς): ино лжицею от **иерея** приимати, 5.

13. **икона** (εἰκόνα): Честные образы написаны на **иконахъ** 8.

Таким образом, существительное **икона** для периода XVI века не всегда являлось синонимом слова **образ**, не совпадало с ним в том же значении полностью, о чем и свидетельствует

приведенный контекст, в котором **образ** равен словам **лик, изображение**.

14. **канонъ** (κανών). Слово это в греческом языке имело ряд значений, из которых в «Домострое» оно используется в значении **не** церковного правила или песнопения, а уже приготовленного для той или иной церковной даты кушанья, еды, напитка: а къ церквамъ Божиимъ всегда с вѣрою приходити, съ приношением со свечью и с просфирою и с ладаномъ и с **канонемъ** и съ кутьею и с милостиною и за здравие и за упокой 8.

Рядом с ним в очень близком контексте имеем слово **канун** (греч. κανὸν = корзина): и съ кутьею никакo же просфиры не ести ни с **кануном** 6.

Ценные замечания П. В. Киреевского¹⁵⁾ и М. Р. Фасмера¹⁶⁾ дают возможность понимать значение этих слов как тех кушаний и напитков, которые готовятся в канун, т. е. накануне какой-либо церковной даты, когда исполнялись те или иные связанные с нею каноны — песнопения. Контаминация слов *κανών* и *κανὸν*, по мнению Фасмера, осуществилась еще на греческой почве.

Слово *κανὸν* со значением корзины получало и значение платы, а так как оплата духовенству состояла большею частью из съестных припасов, приносимых в корзину, то от содержащего название распространилось и на содержащееся в корзине.

Тексты «Домостроя» не дают возможности уточнить значение слов. Очевидно только то, что слово не равнозначно кутье. Быть может, это напиток (мед, пиво), который тоже приносился одновременно с дарами при молениях о здравии, а особенно за упокоение (за упокой). «Материалы» Срезневского (1.1190) для слова **канонъ** отмечают ряд значений: это и церковное правило, и церковная песнь, и канун в нашем значении, и под вопросом «особая поминальная свеча». При слове же **канунъ** повторяются все те же значения, что указаны для слова **канонъ** и добавлено еще одно: кушанье, приготовляемое для поминовения умерших.

15. **олтарь** (ἄλταριον, лат. altar): и егда принесеши даръ твой **олтарю** вспомяни евангельское слово . . . 9; остави ту даръ твой предъ **олтаремъ** и шедъ . . . 9 (дважды).

16. **попъ** (παπᾶς): от благовѣщенского **попа** Сильвестра . . . 61.

17. **просфира** (προσφορά): и съ кутьею никакo же **просфиры** не ести 6; а прежде всякия ѣствы вкушается **просфира** въ церкви или въ дому 8.

18. **трапеза** (τραπέζα): и по ошествии трапезы пречистыи хлѣбъ въздвизаютъ 10 (дважды).

¹⁵⁾ П. В. Киреевский. «Песни», т. V, стр. 17.

¹⁶⁾ М. Г. Фасмер. «Греко-славянские этюды». СПб, 1909 г. стр. 77.

19. **Фимиянь** (φωμιάριον), φωμιάριον): а къ церквамъ... приходити... и с ладаномъ... и с **фимияномъ** 8; свѣщи вжигати и кадити, благовоннымъ ладаномъ и **фимияномъ** 8.

20. Существительное **идоль** (ἰδωλον) в «Домострое» встречается лишь в сложных образованиях: ни **идолослужители** ни **лихоимцы** 28.

Все перечисленные выше слова датируются памятниками с XI века.

К XII веку восходят следующие слова: **анафема** (ἀνάθεμα): аще кто не радить о сем и не болѣзнуеть о сихъ да будетъ анафема 51; **кутья** (κουκιά, pl. κουκκιά): а съ **кутиєю** никакo же просфиры не ѣсти... 7, 8; **Ладонь** (λάδανον): къ церквамъ божимъ всегда съ вѣрою приходити... и съ просфирою съ **фимиямомъ** и съ **ладономъ** 9, 21; **монастырь** (μοναστήριον): въ монастыри и въ болницы заключенныхъ поѣщаи 21. 64.

В подтверждение того, как долго живут слова в языке, следует заметить, что все эти слова, кроме одного (**дора**), числятся в Толковом словаре под редакцией Д. И. Ушакова, а также и в вышедших томах «Словаря современного русского литературного языка» Академии наук СССР.

Ограничиться только этим замечанием нельзя.

Следует подчеркнуть, что из названной выше группы лишь такие слова, как **дора**, **епитимия**, **игумен**, **иереи** и **просфора** так и не выходили за пределы употребления их в церковном обиходе. В наших словарях они и сохранились как исторические реликты из этой области, что и послужило поводом для включения всех их даже в словари современного языка. Но ведь эти пять слов составляют лишь 20% всех перечисленных выше слов, нашедших себе место в «Домострое». Какова же судьба остальных?

Эта лексика, получив переносные значения и большое количество производных, осталась принадлежностью и нашего времени. Часть ее сохраняется в таких высказываниях, на которых лежит оттенок торжественности. Приведем примеры такого использования этой лексики.

В эту группу следует включить такие слова, как **алтарь**, **апостол**, **демон**, **евангелие** и **фимиам**.

Кратко иллюстрируем это положение.

Существительное **алтарь** (олтарь) имеем в таких выражениях, как приносить жертву на алтарь отечества, на алтарь науки, искусства и т. д. «Пока есть силы я сам решаюсь на все, чтобы принести на алтарь общественного блага и свою

¹⁷⁾ «Толковый словарь русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, Москва I т. — 1934 г.; II — 1938 г.; III — 1939 г.; IV — 1940 г.

лепту», — пишет В. Г. Белинский в одном из своих писем.¹⁸⁾ Сохраняются и такие сочетания, как апостол мира, апостол правды; демон зла, раздора. В поэзии М. Ю. Лермонтова находим: «Прекрасна как ангел небесный, как демон коварна и зла» и т. д.

Та же судьба постигла и такие существительные, как **евангелие** и **фимиам**.

«Его (мещанства — М. С.) **евангелие** коротко: наживайся, умножай свой доход . . .» — находим у А. И. Герцена (*Былое и думы*, ч. V гл. 38).

Устойчивое сочетание «курить фимиам», т. е. кого-то чрезмерно и льстиво восхвалять, также живет в языке.

Но еще чаще мы можем наблюдать не только проникновение, но и значительную распространенность этой заимствованной лексики в обычной разговорной речи, напр.: «В минуту псарня стала **адам**». (И. А. Крылов). «В миг **аминь** лихой забаве» (Пушкин. «Делибаш»). То же наблюдаем в пословицах: «**аминем** квашни не замесишь», «от **аминя** не прибудешь», «**аминем** дела не отбудешь» и т. д. Слово это широко употребляется для выражения подчеркнутого утверждения: «Разговор кончен. **Аминь**».

Существительное **анафема** встречается как в поэтической речи («Зачем анафемой грозите вы России?» — Пушкин), так и в прозе («Ты держи его (налима — М. С.), держи, а то уйдет, анафема! — Чехов. «Налим»). Оно же употребляется не только как бранное слово, но и в функции междометия, выражающего различные переживания, напр.: вот анафема! Ну и анафема! и т. д.

О широкой употребительности слова **ангел** и его производных можно было бы и не говорить: «Прощайте, ангел души моей, Марья Антоновна!» (Н. В. Гоголь. «Ревизор»).

Особо задержимся на словах **канон** и **канун**. Словарь АН СССР отмечает оба слова. **Канон** — это не только церковное правило, но и совокупность правил какого-либо иного порядка, напр., «эстетические каноны классицизма», «коны светской жизни» и т. д.¹⁹⁾

Существительное **канун** — закрепило за собой значение времени или дня, предшествующего какому-либо знаменательному событию, напр.: канун революции, канун войны, канун Нового года и т. д.

Слово **канун** с его производными широко бытовало и еще бытует в наших говорах с различными значениями: это и ка-

¹⁸⁾ Словарь АН СССР, т. I.

¹⁹⁾ Словарь АН СССР.

нуец — брага, пиво (твер.);²⁰⁾ канун — это мед, который ставится во время панихиды по умершим (курск.), и бурак с пивом, приносимый в церковь (костр.)²¹⁾ и т. д.

Даже существительное **икона**, несмотря на всю специфичность его значения, оказалось использованным в языке. Оно выступает в сложных образованиях **иконография** и **иконоскоп**. Первое со значением совокупности чьих-либо изображений, а второе — специальный термин — это электроннолучевая трубка в телевизоре.²²⁾

Выделяем еще значения двух существительных: **ладан** и **поп**, которые сохранив в сфере церковного употребления свои былые значения, получили и другие, которые и перевели их из этой сферы употребления в другую, уже разговорную: дышит на ладан, бежит как черт от ладана и т. д. Это существительное проникло и в сферу специальной (медицинской) лексики: ладан росный.²³⁾

Существительное **поп** употребляется для названия стоячего деревянного обрубка при игре в рюхи или городки.

Что же представляла данная лексика в период XVI в. по материалам «Домостроя»? Конечно, большая основная часть ее не выходила за пределы церковного употребления, сохраняя значения, которые не требуют каких-либо замечаний. Только в отношении трех слов: **аминь**, **анафема** и **рай** (этимология которого точно не установлена²⁴⁾) можно говорить о том, что они уже в XVI в. получили более широкое значение, о чем свидетельствует употребление их в таких контекстах: ... у порядливой жены всегда домъ чистъ и устроенъ, все по чину и упрятано, где что пригоже и причищено и приметено, всегда в устрою, как в **раи** воити» 37.

О выходе за пределы узко церковного употребления слова **анафема** свидетельствует употребление его в 51 главе («наказъ от государя ключнику как ества постная и мясная варити и кормити семья в мясоедъ и в постъ»): аще кто не радить о

²⁰⁾ «Опыт областного великорусского словаря», изд. II. Отд. Ак. Наук. СПб. 1852 г.

²¹⁾ Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. Изд. II. Отд. Ак. Наук. СПб, 1858 г.

²²⁾ Словарь АН СССР.

²³⁾ Словарь под ред. Д. И. Ушакова, II т., стр. 17.

²⁴⁾ **Раи** — слово известно всем славянским языкам. Его имеем и в памятниках старославянского языка (В Мар. ев.: дньсь стъ мьнојо бодеши въ раи. Лука, 306_{2n}) и во всех русских, начиная с Остромирова евангелия. В греческом ему соответствует *παράδεισος*. Предполагают, что слово **рай** восходит к европейскому корню, именуемому место в санскрите: *gās*-добро, *gāyis* — дар, владение, сокровище.

Следовательно, оно проникло к нам из старославянского, но не через греческое посредство.

семь и не болѣзнуеть о сихъ да будетъ **анафема**... Надо думать, что здесь уже не имеется в виду церковное проклятие.

То же положение и со словом **аминь**: а у сеней или у избы или у кельи и ноги грязные отерти, носъ высмаркати и да выкашлятися да искусно молитва сотворити, а толко **аминя** не отдадут... ино легонко потолкаться 33.

Уже в «Материалах» Срезневского (1₂₁) это греческое слово в отдельных случаях, сохраняя свое основное значение, уподобляясь исконному слову по своим изменениям (склонению), получает значение, близкое к значению конец: «оче нашъ иже еси... прочее до аминя» или «того аминя не может изглаголати».

Заслуживают некоторого внимания существительные **иерей** и **поп**: а благоволить богъ кому причаститися божественныхъ христовыхъ тайнъ, ино лжицею от **иерея** приимати во уста 5; благословение от благовещенского **попа** Сильвестра 61.

При учете контекста и общей характеристики особенностей языка первых 25 глав «Домостроя», можно думать, что существительное **иерей** даже в сфере церковной лексики того времени несло на себе отпечаток значительной книжности, было до некоторой степени словом официальным, заменяясь вне этих отношений существительными **священник** и **поп**.

Нейтральным и широко употребительным было свое, исконное слово — **священник**; в церковном обиходе — **иерей** и, вероятно, в быту, а отсюда и в разговоре — **поп**. Последнее в дальнейшем на основе разговорного языка получало порою пренебрежительный оттенок, что и способствовало закреплению за ним нового значения — стоящего «городка», рюхи.

А. В. Суперанская

РУССКИЕ НАЗВАНИЯ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ

«Можно ли суконное зимнее пальто называть шубой, или шуба должна быть обязательно меховой?» — этот случайно возникший вопрос заставил нас обратиться к истории русских названий верхней одежды и позволил сделать ряд интересных наблюдений.

1. Одежда каждого народа, особенно верхняя, первоначально определялась природными условиями страны, ее климатом, флорой и фауной. Однако в процессе развития взаимоотношений между народами разных стран нередко заимствовался и покрой одежды, и ее название. Национальные черты в одежде народов запада и востока начинают сглаживаться со времен крестовых походов, а с XI века, как это отмечает, напр., «Энциклопедический словарь» Граната, основной руководительницей в выборе одежды, особенно на западе, становится мода, при этом главенствуют моды Франции, где они сменялись очень быстро и где для новых фасонов придумывались все новые названия.

2. Россия позже многих европейских стран подверглась влиянию западной моды, в то же время влияние востока на русский костюм было значительно сильнее, чем на костюмы западноевропейских стран. Об этом свидетельствует в частности то, что названия большинства старинных русских одежд — слова тюркские, арабские, персидские: армяк, бурнус, епанча, зипун, кафтан, сарафан, тулуп, ферязь, чекмень.

Несмотря на видимое разнообразие старинных русских костюмов, порожденное их различным происхождением, все они обладали общими, национально русскими чертами, в равной мере свойственными одежде мужчин и женщин, богатых и бедных. Суровая русская зима и теплое лето определяли собой две основные разновидности одежды, зимнюю и летнюю. Последнюю носили и зимой, в доме. В связи с этим и одежда, заимствованная у других народов, могла получать в России два варианта, зимний и летний, при этом менялся материал, из которого она была изготовлена, а вслед за тем и покрой ее.

Наиболее общим словом для обозначения мужской верхней одежды в России было **кафтан**. Кафтаны были верхние и нижние, домашние и выходные, летние и зимние, более короткие и более длинные. Дальнейшие модификации кафтана дали современные пиджак и пальто и предшествующие им сюртук, фрак, визитку.

Под кафтан надевался другой более узкий кафтан — **зипун**. Зипуном, однако, называлась до недавнего времени и верхняя одежда крестьян.

Сверху кафтанов некоторые в старину носили **ферязь** длинной до икр, подбитую ватой, а поверх ферязи в торжественных случаях надевали нарядный выходной кафтан до пят. Кстати, ферязи были мужские и женские.

Женская верхняя одежда во многом повторяла особенности мужской одежды: зипунам соответствовали летники, кафтанам — опашни, телогреи, бурнусы. Женские и мужские шубы мало чем отличались друг от друга. Интересно, однако, что в названиях мужской одежды преобладали слова заимствованные, а женской — свои, русские. Очевидно, это объясняется тем, что в старину путешествовали преимущественно мужчины, они же и перенимали предметы одежды у других народов, женщины же были ограничены тесным домашним кругом и, хотя и одевались очень нарядно, в течение долгого времени придерживались однотипного покроя платья, для обозначения которого не требовалось новых слов.

3. Что же первоначально обозначало слово **шуба** и каково его происхождение? А. Преображенский пишет об этом следующее: «**шуба** теплая меховая верхняя одежда мужская и женская из араб. *džubba* суконная туника, безрукавка. Непосредственный источник для славян, по Карловичу, по-видимому ср. в. нем. *schübe*, *schaube*. У нас, вероятно, через польское». Я. К. Грот (Материалы для русского словаря, II, 454) продолжает эту же этимологическую линию: «польск. *szuba*, серб. *шуба* — род женского широкого платья. Слово это взято с нем. *schaube*, что в Верхней Германии обозначает длинное верхнее платье, покрывающее все тело и употребляемое лицами обоего пола: *Nachtschaube* — «халат», *Regenschaube* — «дождевой плащ». Того же корня франц. *jupe* — «юбка», ит. *giubba* — «юбка» и особое мужское платье, исп. *chora*, ср. араб. *дзубба*. Из русск. *шуба* немцы, забыв происхождение этого слова, составили свое *Schuppenpelz* — «енотовая шуба».

Таким образом, сохранив основное значение «широкое платье, закрывающее все тело», слово «шуба» стало обозначать в русском языке меховую одежду, что было продиктовано русским климатом, с одной стороны, и наличием соответствующего

материала, с другой. И в этом своем воплощении шуба стала национальной русской одеждой. Однако шуба не была единственной меховой одеждой у русских. Меховыми были и **тулупы**, служившие также в качестве зимней одежды. Д. Н. Ушаков определяет тулуп так: «долгополая меховая шуба». Следовательно разница между шубой и тулупом сводилась лишь к некоторым особенностям покроя. Отличались они и по меху. Тулупы были чаще всего овчинные и заячьи, а шубы — волчьей, лисьей, куньей, медвежьей, енотовые, собольи. Значит здесь материал определяет покррой, и то и другое определяет назначение: тулуп — одежда расхожая, шуба — выходная, ср. шуба с царского плеча.

4. В Петровскую эпоху происходит коренное изменение в манере одеваться. Костюм делается более удобным, не стесняющим движений. Петербургское дворянство, а вслед за ним и московское, быстро перенимает европейские моды. На смену зипуну приходит **камзол**, превратившийся затем в жилет. Прежний кафтан уступает место новому, более короткому и изящному, отдельные фасоны которого известны под названием французский кафтан, немецкий кафтан и т. д. Кроме того, кафтан дает ряд модификаций, в частности, фрак, носившийся в торжественных случаях, и сюртук, употребляемый ежедневно. Такое разграничение в употреблении фрака и сюртука привело к тому, что фрак сохранился, почти не изменившись, до наших дней, а сюртук, сделавшись платьем обиходным, получил массу различных вариантов, утратив основные черты первоначального фасона, в результате чего слово сюртук стало обозначать просто «верхнее платье». Так, Словарь Академии Наук 1794 г. определяет это слово как «мужское и женское одеяние из сукна или другого какого истканья делаемое, бывающее разного покроя и сверх прочего платья надеваемое». В литературе XVIII—XIX в.в. встречаются упоминания о сюртуках китайчатом, демикотовом, фризовом, суконном, байковом, меховом, а также о долгополом и кургузом, штатском и мундирном, партикулярном и студенческом, офицерском и генеральском и даже о сюртуке, похожем на подрясник, о сюртуке затрапезном и халатном. Последние определения позволяют понять, почему постепенно в употреблении отдельных лиц слово сюртук стало обозначать разновидность домашнего халата.

Утрата сюртуком четкости первоначальных линий приводит к появлению нового модного верхнего платья, выполняющего, если можно так выразиться, ту же функцию, — **пальто**. Слово это впервые засвидетельствовано Словарем Академии Наук 1848 г., который определяет его как «род плаща или сертука (тогдашнее написание слова), носимого мужчинами и женщинами». Сходство функций пальто и сюртука и, видимо, отсут-

ствии четкого представления о разнице между ними (вспомним обилие фасонов сюртука) приводит к тому, что в XIX в. нередко одно слово употребляется вместо другого.

Показательны в этом отношении следующие примеры:

— Пстойте, я примерю ваш **сюртук**. Ба! Как раз в пору!— сказал он, надевши легкое **пальто** Райского.

Гончаров, Обрыв, ч. 2, гл. 20.

Сюртук, в роде **пальто**, заменил фрак, который Гоголь надевал только в совершенной крайности.

С. Аксаков, Знакомство с Гоголем,
III, 333.

Сегодня вечером принесут мне . . . триковый **сюртук-пальто**.

Белинский, Письма, III, 135.

Егорушка оглядел свое пальто. А **пальто** у него было серенькое, с большими костяными пуговицами, **сшитое на манер сюртука**.

Чехов, Степь, VII, 98 (изд. 1947 г.).

Пальто, подобно сюртуку, получило в России множество вариантов. Мы встречаем в литературе пальто байковые, парусиновые, суконные, пальто, соответствующие как нашим теперешним пальто, так и нашим пиджакам. Такой широкий круг значений этого слова требовал добавочных пояснений при слове пальто:

В синей **пальто-куртке**, которую носят моряки.

Герцен, Былое и думы, LIX, II, 466.

Скидывая свою венгерку, под которой оказалось нечто в роде поддевки или **пальто-сака**.

Тургенев, Отцы и дети, VI (XII, 243).

Подобно слову **сюртук**, **пальто** могло обозначать и домашнюю одежду:

И вместо фрака, пригревая
Уже дряхлеющую кровь,
Надел пальто да потеплее.

Н. П. Огарев, Матвей Радаев, I, I
(Избр., II, 225), изд. 1956.

Твиновое пальто составлявшее . . . единственный домашний гардероб первого любовника.

Григорович, Капельмейстер Сусликов,
II, избр., 189, изд. 1954.

Райский одет был в домашнее серенькое пальто, сидел с ногами на диване.

Гончаров, Обрыв, ч. I, гл. 1 (VIII, 6).

Функциональное сходство пальто и халата как одежды, надеваемой поверх прочих вещей, переносится и на такое специфическое употребление слова пальто, как обозначение тюремной одежды:

В тюрьме сидел . . . в сером пальто ходил.

И. О. Горбунов, Спрятался месяц за тучи, т. 1, 430.

Ср. современное арестантский халат.

Интересно, что употребление слова пальто в значении, соответствующем нашим современным «пиджак» и «пальто», складывается уже с самого начала появления этой одежды в России. Выше приводились примеры, в которых «пальто» употребляется в значении, эквивалентном современному «пиджак». Вот примеры, в которых «пальто» употребляется в нашем современном смысле:

Капитан ходит в одном сюртуке . . .

— Зачем, мол, Вы не наденете пальто?

— Для примера команде.

Гончаров, Фрегат «Паллада», т. 2, гл. 2 (III, 89), изд. 1953.

Гость . . . сбросит с себя шинель или шубу (пальто тогда не было известно) и идет в залу. (30-е гг. XIX в.).

Гончаров, Воспоминания, II, 3 (IX, 67)

На нем (Теркине) поверх летней светлой пары накинуто было светлое же пальто на шелковой подкладке.

П. Д. Боборыкин, Василий Теркин, ч. 2, I (XII, 4), изд. 1897.

Там же, гл. 28 — пальто-крылатка.

Оба употребления слова пальто находим у Чернышевского: Пальто было с новым воротником, но само совершенно ветхое . . . из-под него виднелся сюртук, заштопанный около петель.

Н. Г. Чернышевский, Пролог, Ч. 1, гл. 4 (X, ч. 1, 99).

но:

Фрак — костюм неудобный и неприличный. Надобно было бы желать, чтобы он был заменен сюртуком, пальто или каким-либо другим подобным костюмом.

Н. Г. Чернышевский, Губернские очерки, IV, 270, 1948.

В конце XIX, начале XX века пальто становится тем, чем мы привыкли его видеть теперь, а в литературе появляются упоминания о летнем, зимнем и осеннем или демисезонном пальто, о пальто ватном и меховом.

5. В XVIII—XIX вв. большинство предметов старинной русской одежды сохраняется лишь в деревне или в качестве детской одежды у горожан, «заигрывающих» с народом. Однако шуба не выходит из употребления и в городах. Но горожане перестают довольствоваться шубами, сделанными из одного лишь меха. При сохранении меховой основы шуба получает суконный или шелковый верх, а в ряде случаев еще и шелковую подкладку. Таким образом она приближается по материалу и покрою к европейским пальто и плащам. Такого рода шубы в XVIII—XIX вв. делаются преимущественно мужскими, женская же верхняя одежда, летняя и зимняя, ватная и меховая получает название **салопа**, что первоначально также относилось лишь к одежде особого покроя.

А. Преображенский определяет салопа как род женской верхней одежды от фр. *Salope* — верхняя одежда, плащ, первоначально, вероятно, утренняя накидка.

Но слово шуба продолжает употребляться и для обозначения женской одежды:

Шуба, которую носила она теперь, была сшита из дорогого меха, покрыта дорогой материей.

Н. Г. Чернышевский, Записка по делу сосланных в Виллюйск Чистоплюевых и Головачевой, X, ч. 1, 371.

Ср. с определением этого слова в словаре Д. Н. Ушакова:

Шуба — мужская или женская верхняя одежда на меху. *Лисья ш.*, *Соболья ш.*, *Крытая ш.* (с верхом из ткани). *Нагольная ш.* (не покрытая тканью).

Таким образом, в конце XIX — начале XX века для обозначения теплой зимней одежды было три слова: шуба, салопа, зимнее пальто. Отличительными чертами шубы были меховая основа и отделка, пальто — ватная стежка, меховой воротник и отсутствие меха внутри, салопа — то, что это только женская одежда, которая могла обладать как основными чертами, свойственными шубе, так и зимнему пальто. Таким образом слова шуба и пальто стали перекрывать собой то, что понималось под салопом. А поскольку шуба и пальто были не только женские, но и мужские, эта большая универсальность слов шуба и пальто способствует тому, что они вытесняют из обращения слово салопа. Ср. однако такой пример, где слово салопа указывает ско-

рее всего на старомодность, а слово пальто при нем — избыточно:

На Кудринской я встретил худенькую старушку в зеленом бархатном пальто-салопе.

В. Каверин, Два капитана, ч. 2, гл. 3, стр. 67.

Но вот шубы на меху делаются все менее употребительными. Люди носят зимние пальто, суконные, на вате или ватине, при этом одни продолжают называть их по традиции шубами:

... в синюю шубу и серую пуховую шаль.

Г. Николаева, Жатва, ч. 1, 3, стр. 38, 1954.

Другие — и их большинство — предпочитают слово пальто, имея в виду и материал, из которого эта одежда сделана, и магазинный номенклатурный термин «зимнее пальто». Бывает, что между теми и другими возникают споры: «это не шуба, а пальто!».

Частично вытесненное из этой сферы слово шуба отступает на задний план и применительно к меховым изделиям. Об этом говорят как появление таких сочетаний, как «меховое пальто», «меховая шуба», так и возникновение слова манто:

Мужчины в меховых пальто.

В. М. Гаршин, Надежда Николаевна, IV, стр. 238, 1955.

Капитан фон Каульбарс в женском лисьем пальто, переделанном в полушубок.

П. А. Павленко. Русская повесть, 12, III, 188, 1953.

Освоен выпуск шести новых моделей меховых пальто и манто.

«Правда» 17 февраля 1954.

Шел медведь к себе домой
В теплой шубе меховой.

Детская песенка «Почему медведь спит зимой?».

Эти примеры подтверждают смешение понятий шуба и пальто в связи с их общими функциями.

Коснемся теперь слова манто. По-французски *manteau* означает «плащ», «пальто», «мантия», «шинель». У нас манто — это, по Д. Н. Ушакову, «широкое дамское пальто с широкими

рукавами. *Каракулевое м.*» Словарь современного русского литературного языка определяет манто как дамское пальто (чаще меховое) свободного покроя. Таким образом, слово «пальто» перекрывает собой все названия верхней одежды, и «шуба», и «манто». Отметим, однако, что слово «манто» относится не ко всякому меху. Оно может быть каракулевое, беличье, котиковое, но не сусликовое, не баранье, не козлиное, т. е. слово это относится лишь к изделиям из более дорогих мехов.

Интересно, однако, что для обозначения любых женских меховых пальто в разговорной речи все чаще употребляют слово шубка, слова же манто избегают или употребляют с несколько ироническим оттенком. Следовательно, слово шуба понимается даже по отношению к меховым изделиям как обозначение чего-то более громоздкого и тяжелого, чем женское меховое пальто.

Большие меховые пальто у нас иногда полушутя-полусерьезно называют дохами, однако отличительная особенность дохи состоит в том, что она делается в два слоя, мехом внутрь и наружу, а такие теплые и тяжелые пальто в средней полосе России просто не приняты.

6. В связи с тем, что мы уже упоминали о шлафроке-сюртуке и о халатном сюртуке, хотелось бы остановиться и на словах халат, капот, шлафрок.

Халат — (Слов. Акад. 1908) «комнатная или дома только употребляемая, длинная и широкая одежда. Не вежливо гостей принимать в халате». В противоположность слову капот, халат — слово восточное, обозначающее мужскую национальную одежду туркмен и ряда других тюркских народов. Существуют верхние и нижние халаты (см., напр., Айни, Бухара, ч. I, 77).

Халаты у русских первоначально были также мужскими. Как платье домашнее, халат не следовал каким бы то ни было канонам в отношении материала, как это имеет место в Средней Азии, где это платье выходное.

Он встал. . . в семь часов утра, облекся в халат вердепомового цвета, сшитый из платья покойной его матушки.

А. И. Герцен, Елена, I, 144, 1954.

За утренним чаем. . . Чоткин (сидел) в беличьем халате.

А. Панаев, Воспоминания, XVI, 433.

(Смердяков) сидел в пестром ватном халате.

Ф. Достоевский, Братья Карамазовы, кн. XI, гл. 7.

У нас было все волчье: шуба отца, салоп матери, моя шубка; халат отца был из легкой волчины.

Н. Г. Чернышевский, Повести в повести, XII, 329, 1949.

Иногда халатом назывался и род повседневного уличного платья:

Я во время оно ходил в затрапезном халате и в лаптях.
(Причетник — сыну).

Н. Успенский, Былое, II, (III, 264)

Миша Левитский, не имевший другого костюма, кроме синего зипуна зимой и желтого нанкового халата летом...

Н. Г. Чернышевский, Современник, 1862—1863, IX, 10.

Шесть дынеграбителей (бурсаков), скинув сертуки (ибо по званию философов и риторов им не полагалось уже ходить в халатах) отправились к своему делу.

Нарежный, Бурсак, I, 38.

Интересен следующий пример, где словом халат в сочетании со словом пальто обозначен один из скоропреходящих фасонов нарядной верхней одежды:

... говорил красный от духоты торговец в лисьевой шубе... соседу в новомодном пальто-халате.

Наумов Как аукнется, так и откликнется, 319.

Однако основным значением этого слова всегда было «домашнее платье»:

Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени...

Языков, К халату.

Слово халат развило у нас и особое, несколько терминологическое значение, обычно в сочетании с определением: медицинский, докторский, больничный, маскировочный, рабочий, арестантский халат и даже сокращенное маскхалат.

Слово капот, схожее по значению со словом халат, первоначально употреблялось для обозначения лишь женского и не домашнего платья (см. Слов. Акад, 1847) «с рукавами, застежкой спереди и без перехвата в талии». Заимствованное из французского *capote* — род плаща с капюшоном, слово это одно время обозначало в русском языке не только род женского пальто, но и

род женской шляпки. См. напр., Вестник парижской моды, 1840, № 17, где о креповых капотах говорится следующее: «Эти шляпки, по большей части темные, . . . делаются с сборками из крепа более густого, двойного тканья». Однако в этом последнем значении слово оказалось недолговечным, и в литературе XIX и тем более XX века оно преимущественно употребляется как название платья, не только женского домашнего, как сейчас:

. . . капот из розовой фланели . . .

А. П. Чехов, Жена, VII, 183.

но и выходного, и даже мужского платья:

Лизавета Ивановна вошла в капоте и шляпке.

Пушкин, Пиковая дама, II.

. . . сняла с нее дорожный капот.

Белинский, Дмитрий Калинин, I, 60.

. . . амазонка в развевающемся капоте.

А. С. Лазарев-Грузинский, А. П. Чехов, Сб. Чехов в воспоминаниях современников, 103.

— Отодвинься от меня, воришка! — сказал я Семену, злобно глядя на его серый капот и фуражку.

Кушевский, Николай Негорев, ч. I, гл. III, 30.

Сей Фомин ходил всегда в черном фланелевом капоте.

Вяземский, Иван Иванович Дмитриев, VII, 112.

Это значение слова капот отмечено Словарем Академии Наук 1908 г., который наряду с капот — женское платье, дает и капот — стар. обл. род мужской одежды:

Старичок в камлотовом капоте.

Тургенев, Несчастная, XXVI.

Там же отмечен ряд областных значений слова капот: южн. — шинель, плащ; холмог. — верхняя, вроде халата, из более тонкого сукна, мужская одежда крестьян, с откидным воротником; саранск. — поддевка из русского сукна со сборами на спине, зипун; сибир. — чуйка, долгий крестьянский кафтан.

Интересны следующие примеры:

Ситцевый, стеганный на вате халат, который скорее можно назвать капотом.

Салтыков-Щедрин, Пощехонская старина.

Купил . . . капот, дабы бережнее носить сертук, особенно в непогоду. Он же мог пособлять и халату.

Филарет, Письма разных людей, 31.

Они показывают первоначальное различие слов халат и капот даже для обозначения домашнего платья.

Слово *шляфрок*, или *шляфор*, близко по значению со словами *капот* и *халат*. Нем. *Schlafrock* — буквально платье для спанья. Функционально это слово близко соприкасается и со словами *сюртук* и *пальто* в значении «платье, надеваемое сверху всего прочего». Этим, видимо, объясняются следующие примеры:

На нем был сюртук горохового цвета, в роде *шляфрока*.

Тургенев. *Новь*, VIII.

Мужчина . . . в длинном *шляфроке-сюртуке*.

Гончаров, *Фрегат «Паллада»*, т. 2, гл. 2, VII, 149.

7. Интересно отметить, что многие названия одежды являются словами, заимствованными не только в русском языке, но и в большинстве европейских языков, и по мере миграции этих слов из страны в страну, от народа к народу значение их менялось, иногда до неузнаваемости. Нередко даже в диалектах одного и того же языка одно и то же слово приобретает различное значение. Например, *камзол*, франц. *camisole* происходит от ит. *camiciuola* < *camicia* < нар. лат. *camisia* — рубаха. Эта же исходная форма дала во французском языке слово *chemise*, сохраняющее исходное значение. Выше отмечалась общность происхождения названий таких разных предметов одежды, как *шуба*, *жупан*, *зипун*, *юбка*.

Слово *сарафан* в русском языке, помимо женского платья на помочах, в старину обозначало также род мужского кафтана.

Отметим также русские областные значения некоторых названий одежды:

Шуба — «одеяло».

Пальтё — пещор. «приличная одежда: пиджак, тужурка».

Сертук — новг. «женское пальто».

Ср. также онежское, былинное (Гильфердинг, т. 3, 277):

На дворе-то стоит ли Чурилин конь,

Да шинель-сертук висит Чурилово.

Халат — «молитвенный плащ» у семейских старообрядцев; липецк. «суконная самотканая одежда из овечьей шерсти; дон. «широкий верхний костюм»; воронежск. «кафтан, летняя одежда мужиков и баб».

8. Многие названия одежды развили в русском языке переносное значение, так или иначе связанное с основным.

Салоп — «грязная женщина».

Гороховое пальто — «тайный агент охранки», дореволюц.

Вывороченный сертук — «фискал» (см. Мамин-Сибиряк, Урал, II, 453).

Несколько разнообразных значений получило слово капот. Слов. Акад. 1908: капот — «капут». Дать кому капот — «погубить», капот — «совершенный недостаток в деньгах: у него капот в кармане». Краткий технический словарь: капот — на самолетах «чехол, придающий двигателю обтекаемую форму». Капот у автомобиля — «крышка, прикрывающая пространство между радиатором и кузовом». Капотом же называется у автомобилей и самолетов теплая покрывка, надеваемая на мотор, чтобы он не остыл на морозе. Большинство этих переносных значений заимствованные, а не возникшие в русском языке.

Своеобразное значение этого слова находим у Луговского (Жизнь, 7):

Мне светит лампа в бисерном капоте.

Но наибольшее количество переносных значений развило слово шуба, и все они связаны с ее основными качествами: теплое, неровное, густое, косматое.

Шуба — вологодское — прозвище ласкового, доброго, простого человека.

Часто шубой называется шерсть на животном;

Она (лисица) охотится, главным образом, ночью, не боится трескучих морозов, от которых защищена теплой шубой, а подошвы (подушечки) лап... у нее густо покрыты шерстью.

Мантейфель, Жизнь пушных зверей, 48.

И даже иголки на еже иногда называют шубой.

И ежик, испугавшись человеческого голоса, живо надвинул себе на лоб и на задние лапы колючую шубу и превратился в шар.

Гаршин, Сказание о жабе и розе.

В этом же значении иногда употребляется слово тулуп (см. Д. Н. Ушаков, Словарь) и пальто:

Зимним сном уснули раки,
Зверь — и тот сменил пальто.

В. И. Лебедев-Кумач, Бородатые стрекозы, Избр., 220, 1949.

Нередко шубой называют снежный покров:

Снег для зерна — теплая шуба.

С. Максимов, Куль хлеба, 1894, с. 83.

Шубой называют также сады и леса:

Сады одевают дома и церкви зеленоватой, теплой шубой.

М. Горький, В людях, гл. XVI (XIII, 445), 1951.

Лес . . . — шуба земная.

М. Горький, Лето, VIII, 425, 1950.

В этом же значении нам встретилось и слово халат, отражающее восточный колорит повествования:

. . . Шумит тайга, словно злится, что поток Обо пересекает ее темный густой халат.

Терминологически употребляют слово шуба архитекторы, артиллеристы, лесоводы: шуба — нетесанный камень в архитектурной облицовке, артиллеристы же называют шубой жестяные футляры, которыми накрывают пушечные и другие картузы в гнездах ящиков (см. Тучков, Воспоминания, гл. 2, 237).

Дуб любит расти в шубе, но с открытой головой, т. е. хорошо перенося боковое отенение, он плохо переносит вершечное.

Морозов, Учение о лесе, 137.

Метафорическое употребление этого слова находим:

Черной шубой ночь накрыла
Спящий стан . . .

В. Замятин, Солдаты дома, 12.

Горы, одетые тяжелой шубой облаков.

М. Горький, Калинин, XIII, 157.

Не шевельнется лист отяжелевший,

Ему, как в шубе, тяжело в пыли.

С. Щипачев, Фронтное шоссе. Стихи. 48, 1951.

Наконец, находим и фигуративное употребление этого слова:

У нас не благородством шубы подбиты.

К. Паустовский, Повесть о лесах, 16, 1954.

Летом отпускают теплые рубашки, а зимою — ситцевые шубы.

Поговорка, Ивановская обл.

Такое обилие различных значений у слова шуба возможно как благодаря выразительности самого слова, так и благодаря тому, что слово это употребляется в русском языке уже очень давно. Ни слово пальто, ни тем более манто не могут иметь стольких переносных значений.

Из всего, изложенного выше, можно сделать следующие выводы.

Большинство русских названий верхней одежды — слова заимствованные. Одни из них приобрели в русском языке очень широкое значение: кафтан, пальто, другие закреплялись лишь за определенным видом одежды и нередко выходили из употребления вместе с выходом из моды обозначавшейся ими вещи: ферязь, салоп. Слова, ставшие общими понятиями, стали употребляться в абстрактном смысле: без пальто, т. е. без верхней одежды; без пиджака (или, в прошлом веке, без сюртука) — в одной рубашке. Но нельзя сказать в этом же смысле: без фрака, т. к. это будет понято: «в пиджаке», или: без манто, т. к. это можно сказать лишь об известной нам особе, которая обычно носит манто.

Многие слова обозначали самые разнообразные предметы одежды, прежде чем за ними закрепилось современное значение: пальто, капот, халат, следствием чего являются двойные названия типа пальто-халат, сюртук в роде шлафрока, мундирный сюртук и т. д.

Большинство заимствованных названий приходило в русский язык вместе с предметом одежды определенного покроя, сделанным из определенного материала. Но затем вещественное отличие данного предмета от его предшественников быстро стиралось благодаря видоизменениям как фасона, так и материала, из которого он был сделан, и название приобретало чисто функциональный характер. Ярким примером этого служат слова шуба и пальто, когда ими обозначается наше современное суконное зимнее пальто с меховым воротником, которое так же далеко от шубы в ее первоначальном варианте (длинное меховое одеяние), как и от первоначального пальто (матерчатая

одежда средней длины с наружными карманами). Оба эти названия применительно к данной вещи вполне правомочны, хотя этимологически оба неверны. Ферязь — зимняя одежда на вате, длиною до икр — больше всего похожа на современное зимнее пальто; разница между ними сводится лишь к тому, что у ферязи не было воротника. Однако современную суконную шубу не назвали ферязью из-за отсутствия преемственности — ферязи постепенно исчезли еще в Петровскую эпоху, шубы же остались, приспособившись к новым модам. Так постепенное видоизменение шубы при сохранении старого названия, с одной стороны, и расширение значения слова пальто, с другой, привели к тому, что оба эти слова стали обозначать одну и ту же вещь. Однако в подобных случаях обычно одно слово уступает место другому. Так, видимо, в ближайшее время и будет со словом шуба, которое уже сейчас вытесняется в этом значении словом пальто, полностью перекрывающим собой значение слова шуба.

Н. А. Донец

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В РОЛИ ПРОСТОГО ГЛАГОЛЬНОГО СКАЗУЕМОГО

Фразеология как наука начала создаваться только в середине XX в., хотя вопросами фразеологии интересовались еще древнегреческие и римские философы.

Лингвисты в основном исследовали лексико-семантические отношения фразеологических оборотов. Интерес к грамматической фразеологии стал намечаться лишь в последнее десятилетие в диссертационных работах, по которым опубликованы авторефераты, где прямо или косвенно затрагивается интересующий нас вопрос.¹⁾ Поэтому естественно, что проблема грамматической фразеологии требует дальнейшего теоретического разрешения, а следовательно и практического описания.

Исследование синтаксических функций фразеологических единиц вообще, в роли предиката в частности, имеет не только теоретическое, но и практическое значение, особенно для грамматического разбора.

Современные учебные пособия по синтаксису²⁾ указывают на то, что фразеологические сочетания являются одним из способов выражения простого глагольного сказуемого.

С нашей точки зрения, учебные пособия уделяют данному вопросу исключительно мало внимания, между тем как вопрос

¹⁾ И. Козырев. «Устойчивые словосочетания с местоименными словами в современном русском языке». Автореферат. Ленинград, ун-т, 1953 г. З. Донскова. «Фразеологические единицы, выполняющие роль главных членов двусоставного предложения». Автореферат, Ростов-на-Дону, 1954 г. Э. Вересова. «Глагольные фразеологические единицы в прозе К. Федина». Автореферат. Московск. госун-т, 1954 г. В. Козьменко. «Глагольно-именные фразеологические обороты в современном русском литературном языке». Автореферат. Х. 1955 г. Н. Ильченко. «Морфологическая характеристика глагола в составе предикативных фразеологических единиц». Автореферат. Ленинград. госун-т, 1955 г. и др.

²⁾ Грамматика рус. яз. АН СССР, т. II. Синтаксис, ч. I М. 1954 г. § 502. стр. 408. «Совр. рус. яз.». Синтаксис. МГУ, М. 1958 г. стр. 151. Е. Галкина-Федорук, К. Горшкова. Н. Шанский. «Совр. рус. яз.». Синт. М. 1958 г. стр. 32.

этот не так прост. И хотя фразеологизмы в роли простого глагольного сказуемого в современном русском языке используются очень часто, при грамматическом разборе они вызывают большие затруднения.

Часть таких фразеологизмов эмоционально окрашена, другая часть стилистически нейтральна. Первые легче распознаются, и их обычно относят к сказуемому, хотя и затрудняются в его определении: простое оно или составное. Например: сесть в лужу, мотать на ус, бить баклуши, не вязать лыка, зарубить на носу, рассыпаться мелким бесом, не стоять выеденного яйца, водить за нос, попасть впросак, втирать очки и т. д.

Вторые — стилистически нейтральные, — как правило, по формальному признаку членятся на две части: сказуемое и один из второстепенных членов предложения, что, конечно, не соответствует реальным отношениям между компонентами, входящими в единое, неразложимое целое. Сравните: задать вопрос (-спросить), отдать приказание (-приказать), дать ответ (-ответить), иметь влияние (-влиять), делать -идяч-) доидяч(ать), потерять силы (-обессилеть), прийти в восторг (-восторгаться).

Определить синтаксическую роль фразеологического сочетания как члена предложения важно не только для структуры простого предложения, но и для сложного, т. к. от этого зависит и тип придаточной части.

Настоящая работа ставит своей целью описать структуру предикативных фразеологических единиц, сделать некоторые теоретические обоснования, облегчить их практическое распознавание.

В качестве наблюдений над соответствующего типа фразеологизмами используются произведения художественной литературы преимущественно XX в., реже XIX в.

Предметом исследования мы избрали фразеологические единицы с опорным словом глаголом, выполняющие роль простого глагольного сказуемого, т. к. данные фразеологизмы наиболее многочисленны в русском языке.

Характерной особенностью фразеологизмов в роли простого глагольного сказуемого является то, что они обязательно должны быть по смыслу синонимичны простому глаголу. Например: опустить руки—отчаяться, перемывать косточки-злословить, выбиться из сил-обессилеть, прийти к убеждению-убедиться, поднять на смех-высмеять, брать под защиту-защищать, идти на хитрость-хитрить, хранить молчание-молчать, оказать помощь — помочь и т. д.

Почти в течение пяти минут все **хранили молчание** (Н. Гоголь). Он **оказал помощь** раненым (К. Симонов).

Наш бюджет всегда **трещал по швам** (К. Файзулин). И Евдокия Романовна **шла на хитрость** (Г. Боровиков). К концу дня ребята **выбивались из сил** (А. Рыбаков). Ведущий хирург **делал обход** (С. Сорин). На войне **насчет войны вел беседу** Теркин (А. Твард.). Разве она кому-нибудь **приносит вред** своими прогулками (Т. Константин).

В рассматриваемых нами фразеологизмах глаголы сами по себе не могут выразить полноты смысла сказуемого из-за своей семантической неполновесности. Поэтому к ним присоединяется имя существительное как необходимый структурный элемент, вместе с которым глагол и образует единое, синтаксически неделимое целое. В результате лексической неполноценности глагола и его фразеологической обусловленности ограниченным кругом имен существительных семантическим центром оборота становится имя существительное.

Несвободно употребляемый глагол в данных оборотах имеет не прямое, не буквальное значение, а переносное, что также способствует синтаксической неразложимости цельного сочетания. Сравните: **лезть из кожи** и **лезть из погреба**, **сесть в калошу** и **сесть в поезд**, **ломать голову** и **ломать сучья** и т. д.

Я из кожи лезу, чтобы тебе трешку посылать (Ф. Гладков). **Я сразу понял, что сел в калошу** (Л. Шейнин). И вот она **ломает голову**, кто бы это мог сделать? (Н. Евдокимов). И молча он **повесил нос** (А. Пушкин). Какую ты там **кашу заварил** (Рытхеу). Почему она **воду мутит?** (Н. Тихий).

Глагольно-именные фразеологические обороты дополняют систему глагола, обогащая язык новыми средствами выражения.

Часть предикативных фразеологизмов является синонимами простых глаголов с той же основой, что и у имени существительного, входящего в оборот, и употребляется в языке параллельно, образуя грамматическую синонимию. На наличие в языке таких парных грамматических синонимов указал проф. С. И. Абакумов.³⁾ Например:

Он нетерпеливо **отпускал шутки** (-шутил) (Т. Константин). Сазонов от имени товарищей **передал приглашение** (-пригласил) (Ю. Рышков). Викентьев **одержал победу** (-победил) (И. Гончаров). **Я навел справки** и теперь точно знаю, что он никуда не заходил (-справился) (Т. Конст.). Впоследствии он сам **внес изменения** в этот план (-изменил) (Т. Конст.).

³⁾ С. И. Абакумов. «Устойчивые сочетания слов», ж. «Русский язык в школе» № 1, 1936 г. стр. 64.

Часть фразеологизмов легко заменяется соответствующими по смыслу глаголами с иной основой, чем компоненты оборота. Сравните:

Он поспешно **прикусил язык**, т. е. умолк (Ю. Рышков),
Ну, ты уж и **губы надул**, т. е. рассердился (Н. Руденко).
Кругом горе, слезы, а сын Трофима Назаровича по целым дням **баклуши бьет**, т. е. бездельничает (В. Тевекелян).
Именно там ты больше всего **дров наломала**, т. е. наошибалась (Н. Тихий). Пока он мне **баки забивал**, я его документы в руках вертел, т. е. рассказывал привирая (А. Шубин).

Небольшое количество таких сочетаний существует в языке исключительно в виде фразеологизмов. И хотя к некоторым из них подобрать синонимичный простой глагол бывает затруднительно, но тем не менее они выполняют функцию простого глагольного сказуемого, т. к. глагол в их составе не имеет самостоятельного значения. Например: кривить душой, привести пример, пасть духом, болеть душой, лечь костыми и др.

Не все рассматриваемые нами предикативные фразеологизмы одинаково многочисленны и продуктивны. Первое место по объему и широте употребления занимают среди них глагольно-именные сочетания с винительным падежом имени существительного с предлогом или без него.

Структура их исключительно разнообразна.

Сначала рассмотрим беспредложные фразеологические предикативные конструкции, начав с винительного падежа имени существительного как наиболее распространенного в современном русском языке.

I. БЕСПРЕДЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ПРЕДИКАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

1. Глагол плюс имя существительное в винительном падеже без предлога

С винительным беспредложным именем существительного могут сочетаться самые разнообразные глаголы. Большая часть их (глаголов) ограничена возможностью сочетания только с одним каким-нибудь именем существительным. Например: кушать локти (жалеть о чем-либо), развесить уши (слушать внимательно), втирать очки (обманывать), мутить воду (подстрекать к неудовольствию), прописать ижицу (всыпать, отругать), натянуть нос (одурачить), мозолить глаза (надоедать), совать нос (вмешиваться), прикусить язык (замолчать), протянуть

ноги (умереть), надуть губы (рассердиться), заговорить зубы (провести, обмануть), заварить кашу (натворить чего-нибудь).

Марина уже, наверно, **локти кусает** (Г. Марков). Ну что ты мне **очки втираешь!** (Н. Ивантер). О, этот **пропишет ижицу** (А. Шубин). А девчонка ему **нос натянет** (В. Московкин). Эх, **прикусил бы ты язык лучше!** (Н. Тихий). **Заварил кашу**, так и расхлебывай сам (Т. Конст.). И кто это у нас **воду мутит?** (А. Шубин).

Некоторые глаголы вступают в сочетание с двумя-тремя именами существительными, которые в свободном употреблении обладают конкретным значением, реже абстрактным. Например:

ломать голову, спину, шапку; **гнуть** горб, шею, спину; **навострить** уши, лыжи; **точить** зубы, ляды, балясы; **поднять** голову, нос, руку; **обломать** иглы, колючки; **оборвать** смех, речь; **пороть** горячку, спешку, чепуху и др.

Ты у него сколько уж лет **горб гнешь** (Ф. Гладков). У барина да у Стоднева люди задаром **спины гнут** (Ф. Гладков). Эх ты, перед кем **шею гнешь?** (О. Баркова). Конечно, он начальник, но **не гнуть** же мне перед ним **шапку** (Н. Давыдова). Я знаю, он давно на меня **зубы точит** (Н. Тихий). Я бы ему **иглы сразу обломала** (О. Баркова). Смотри ты, он уже и **уши навострил** (А. Рыбаков).

Гораздо свободнее вступают в сочетание с одним и тем же глаголом имена существительные с абстрактным значением в свободном употреблении. Например:

совершать обход, кражу, преступление, проступок, сделку; **внести** тревогу, волнение, смятение, недоразумение, переполох; **производить** сенсацию, впечатление, переполох, волнение, замешательство, заминку, фурор, скачок; **задать** вопрос, тон, трепку, взбучку, головоломку; **потерпеть** крушение, поражение, неудачу, крах, фиаско; **терять** веру, надежду, сознание, память, силы, самообладание.

Особенно широкий круг имен существительных вступает в сочетание с глаголами **дать, делать (сделать), иметь, поднять**, которые в составе предикативной единицы полностью утрачивают свое лексическое значение и играют чисто вспомогательную, грамматическую роль. Этому способствует прежде всего то, что обычно имена существительные, входящие в данные фразеологические обороты, сами по себе являются названиями действия или обозначают движение. Так, глагол **дать** (давать) сочетается с существительными: сражение, согласие, обещание, разрешение, приказание, удовлетворение, наставление, распоряжение, понятие, выволочку, взбучку, трепку, потачку, отпор,

отвод, клятву, совет, слово, повод, отчет, ответ, звонок, толчок, покой, надежду, возможность, затрещину, намек, подписку.

Именные сочетания с глаголом **дать** в основном синонимичны простым глаголам с той же основой, что и имя существительное, входящее в данный фразеологизм. Сравните: **дать сражение-сразиться, дать согласие-согласиться, дать клятву-поклоняться, дать ответ-ответить** и т. д.

Он охотно **давал советы** (А. Панаева). Даже Вадим **забыл**, что я **давал** ему **отвод** (А. Рыбаков). Вы все же **дали согласие** на его арест (Т. Конст.). Семен Афанасьевич **дал разрешение** (Ф. Вигдорова). Я **дам ответ** завтра (Л. Шейнин).

И только немногие из них имеют иную глагольную основу. Напр., **дать понятие-познакомить, дать отпор-отразить, дать затрещину-ударить, дать слово-пообещать**.

Леша Лиев **дал** мне **слово** (Б. Полевой). Профессор **дал понятие** о предмете (К. Добровольск.). Передайте, наша команда **даст отпор** всем, кто его обидит (Сартаков).

Глагол **иметь** может вступать в сочетания с именами существительными: понятие, влияние, значение, хождение, применение, соприкосновение, отношение, уважение, претензии, успех, вид, нужду, голос (-голосовать), совесть, жалость, место, зуб, виды и др.

И в данной группе сочетаний мы наблюдаем соотносительность с простыми глаголами, у которых основы совпадают с именными, за исключением последних трех: **иметь место-происходить, быть; иметь зуб-сердиться, иметь виды-рассчитывать**.

ОТК **имеет** к вам **претензии** (Асанов). Он **имел успех** у женщин (И. Тургенев). Да **имей** же ты наконец **совесть!** (Ф. Гладков). И в нашей промышленности пенопласт **имеет применение** (И. Галиев). Такие стычки **имели место**, и не раз (Н. Фогель). А **имеешь** ли ты **понятие**, о чем говоришь? (Г. Григорьев).

Глагол **делать** (сделать) сочетается с существительными: предположение, предупреждение, заявление, движение, наблюдение, усилие, различие, выговор, долги, гримасу, прыжок, упрек, оплошность, попытку, прогулку, прогул, обход, ошибку, улыбку, подарок, успех, оборот, поклон, промах, шаг, круг, вид, крюк, перелом, глазки, сцены и др.

И здесь только последние четыре имени существительных в сочетании с глаголом **делать** будут синонимичны простым глаголам с иными основами: **делать вид-притворяться, делать крюк-обойти, делать перелом-поворачивать, делать глазки-любезничать, кокетничать**.

Старый князь на каждом шагу **делал сцены** княгине (Л. Толстой). Она **сделала** сыну **выговор** за бестактность (Г. Медынский). Еще удар, и снова он **делает промах** (Л. Кассиль). Марина, ты **сделаешь ошибку**, если уступишь ему (Г. Марков). Марина **делала усилие**, чтобы не расплакаться (Г. Марков). Руководитель **требовал**, чтобы Женья **сделала отчет** на заседании кафедры (К. Добровольск.).

Глагол **поднять** сочетается с существительными: восстание, волнение, тревогу, переполох, звон, крик, шум, визг, скандал, пыль, ссору, канитель, вопрос, дело, настроение, голос, стук, шумиху, перебранку, плач, веселье, дух, бунт, разговор и др.

С большинством имен существительных глагол **поднять** имеет значение начала действия или его результата, указываемого в имени существительном. Так, «поднять восстание, тревогу, веселье, бунт» означают результат действия, а «поднять скандал, ссору, стук, шум, звон, крик, визг» и др. фразеологизмы указывают на начало действия.

Ну чего ты **шум поднял**? Сейчас уладим (А. Рыбаков). Машина **подняла пыль** по дороге (А. Рыбаков). Женья **первая подняла разговор** о сыне (К. Добровольский). Отошедший от берега сторожевой катер **поднял переполох** среди купающихся (К. Добровольский). Едва Мишка переступил порог, Лиза **подняла крик**, пообещав сказать отцу о его проделках (Л. Гришин).

2. Глагол плюс имя существительное в творительном падеже без предлога

Помимо винительного беспредложного в предикативных глагольно-именных сочетаниях может стоять и творительный падеж имени существительного без предлога. Однако по широте употребления он значительно уступает первому.

Клевать носом-дремать, жевать губами-мямлить, сыпать шутками-шутить, пожимать плечами-недоумевать, бить челом-просить почтительно, залиться слезами-расплакаться, заливаться смехом-хохотать, молоть языком-болтать, есть глазами-смотреть неотрывно, смерить взглядом-посмотреть как-то особенно, встречаться глазами-одновременно взглядывать, развести руками-не понимать, недоумевать, забросать грязью-оклеветать, трепать языком-зря болтать, хлопать глазами-не понимать, топтать ногами-сердиться, кричать, вертеть головой-оглядываться, хлопать ушами-недоумевать, вилять хвостом-хитрить, лебезить, кормить завтраками-обещать, сорить деньгами-тратить не ду-

мая, пользоваться успехом-преуспевать, облить презрением-презирать, облагрить кровью-окровавить, увенчать лаврами-прославить, лечь костями-погибнуть в бою, воспрянуть духом-ободриться, пасть жертвой-погибнуть, есть поедом-ругать постоянно, болеть душой-заботиться, беспокоиться, говорить загадками-не договаривать, намекать, висеть гирей-тяготеть, угнетать, вертеться волчком-делать быстро, перекидываться шутками-шутить и т. д.

Двигаясь дальше, спали на ходу, **клевали носами** в спины передним (О. Гончар). Корепанов усиленно **вертел головой**, отыскивая в толпе Аню (Н. Фогель). Она немедленно села в угол и **залилась слезами** (И. Тургенев). Инженер только **хлопал глазами** и **вертел головой** кругом (А. Рыбаков). Мы **костями ляжем**, а землю эту не отдадим (Ф. Гладков). Старик за прилавком **вертелся волчком** (В. Мятешников). Корепанов **болел душой** за свое дело (Н. Фогель).

Глагольно-именные сочетания с творительным падежом в отличие от сочетаний с винительным падежом не образуют соотносительных простых глаголов с теми же основами, что у компонентов сочетания.

3. Глагол плюс имя существительное в родительном падеже без предлога

Родительный падеж имени существительного без предлога в предикативных фразеологических сочетаниях представлен очень бедно. Гораздо шире он встречается в отрицательных конструкциях (о чем будет идти речь ниже): напустить туману-заморочить, наделать шуму, крику, ошибок — нашуметь, накричать, нашибаться, лишить жизни-убить, умертвить, лишить покоя-взволновать, вывести из равновесия, наделать долгов-задолжать, объесться белены-одуреть, дать жизни-отчитать, вытворять что-нибудь, дать маху-ошибиться, дать дуба или маху-умереть, дать стрекача, тягу-удрать, дать перцу, маку, жару, трепки-выдрать, выругать.

Он немало долгов **наделал** (Т. Конст.). Уж не старик ли наш дал **маху**? (Грибоедов). Вот Надя всегда **наделает шуму, крику**, а потом и сама не рада (В. Московкин). Викентьев сам дал **стречка** (И. Гончаров). Час придет. И вот он ляжет. И помрет. И наверно, кто-то скажет: — Дед Данила **дуба дал**. (А. Твардовск.).

Дательный беспредложный в подобных сочетаниях совершенно непродуктивен. Из многочисленных примеров с пре-

дикативными фразеологизмами нам встретился лишь один случай с дательным беспредложным, относящийся к XIX веку: предаться размышлению-задуматься, начать размышлять.

Наконец вошел он в комнату, сел на стул и **предался размышлению** (Н. Гоголь).

II. ПРЕДЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ПРЕДИКАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ.

1. Глагол плюс имя существительное в винительном падеже с предлогом

И среди предложных глагольно-именных сочетаний в роли простого глагольного сказуемого сочетания с винительным падежом являются преобладающими в современном русском языке. Из предлогов, употребляющихся с винительным падежом, наиболее распространены В, НА как обладающие широким кругом значений в свободном употреблении: **впасть** в меланхолию, в уныние, **вогнать** в краску, **приводить** в ужас, **превратиться** в слух, **вступить** в разговор, **лезть** в бутылку, **сесть** в калошу, **влезть** в долги, **принять** во внимание, **вогнать** в гроб, **впадать** в противоречие, **брать** в оборот, **попасть** в тон, **собраться** в комок, **сказать** в шутку, **сказать** в насмешку, **вменить** в обязанность, **попасть** в точку, **впасть** в тоску, **принести** в жертву, **попасться** в ловушку, **взять** в вилку, **поставить** в тупик, **отдавать** в залог и др.

Уля **собралась** вся в комок (Г. Марков). Вишь, **ослушались** вас и **попали** в конфуз (Г. Марков). Вы, братцы, я вижу, **в бутылку** **полезли** (В. Московкин). Отец **понять** его не мог и деньги **отдавал** в залог (А. Пушкин). Они **засекли** нас и теперь **взяли** этот дом **в вилку** (Тевекелян). Этим вопросом я сразу **поставил** главинженера **в тупик** (А. Рыбаков). Крутой характер у человека, ни с кем не считается, всех **берет** в оборот (Т. Конст.).

Среди них выделяются сочетания с глаголами **идти**, **прийти**, **приходить**, **войти**, которые могут вступать в синтаксическую связь со многими именами существительными в основном отвлеченными по своему значению в свободном употреблении. Глагол **идти** с предлогом В и винительным падежом имени существительного обозначает «подвергаться чему-нибудь» (тому, что выражено именем существительным): **прийти** в восхищение, в умиление, отчаяние, ярость, изумление, ветхость, ужас, негодование, восторг, замешательство, смятение, недоумение, волнение, упадок, тупик, забытье, утомление, запустение, негод-

ность, уныние; **войти** в колею, положение, доверие, фавор, ум; **идти** в обработку, сравнение, продажу, чистку, стирку, лом, починку, счет, ущерб, пошив, перегонку, пересылку и др.

Тут фрау Леонора **пришла в волнение** (И. Тургенев). Хозяйство **приходит в упадок** (Г. Гулиа). Профессор Хорин **пришел в восторг** (Н. Фогель). Мы с Мишкой начали думать, что в этом году совсем не будет зимы, и **приходили в отчаяние** (Н. Носов). Отходы с производства **идут** еще в **перегонку** (А. Андреев). Мало-помалу жизнь **вошла в колею** (Л. Уварова).

С предлогом НА: свалиться на голову, мотать на ус, взять на мушку, поставить на ноги, поймать(ся) на удочку, встать на ноги, лезть на рожон, поставить на дыбы, вешаться на шею, показать на дверь, поднять на ноги, попадаться на глаза, брать на поруки, наступить на мозоль, брать на пушку, лезть на стену, взять на заметку.

Ты слушай да **на ус мотай** (Б. Полевой). Я его **возьму на мушку** (Г. Григорьев). Когда я вырасту и **стану на ноги**, я тебя не брошу (М. Пришвин). Ты из-за пустяков **на рожон лезешь** (Н. Фогель). Дуся всю избу **на дыбы поставила** (С. Антонов). Мы всей бригадой **берем его на поруки** (С. Жураховск.). С тобой нам трудно потому, что обязательно кому-нибудь да **на мозоль наступим** (А. Иванов). Они тебя уже **взяли на заметку** (Т. Конст.).

Предлог НА так же, как и предлог В, широко распространен в сочетании с глаголами **идти**, **прийти** и именем существительным в винительном падеже: **идти** на убыль, на лад, на подпись, на смарку, на хитрость, на смену, на понижение, на поправку; **прийти** на ум, на память, на помощь и др.

Паншин **пришел ей на помощь** и вступил в разговор с Лаврецким (И. Тургенев). Вся его работа **пошла на смарку** (В. Мятешников). Сразу дело **пошло на лад** (А. Чехов). В одной приемной горсовета **на ум пришла** мне басня эта (Михалков). Рынтину **пришла на память** полярная станция (Рытхеу).

Кроме предлогов В, НА с винительным падежом имени существительного во фразеологических оборотах данного типа может стоять предлог ЗА. Примеры с предлогом ЗА немногочисленны: заткнуть за пояс, брать за горло, за душу, взять за жабры, схватить за руку, брать за ум, тянуть за язык, водить за нос; приняться за учење, за дело, стирку, уборку, шитье, чистку, работу, побелку, вышивание и др.

И кто его **за язык тянул** (С. Жураховск.). С ней живет холостой брат: голова не то, что вот эта — нас с тобой **за**

пояс заткнет (И. Гончаров). И когда же ты за ум возьмешься? (О. Баркова). Мать принялась за уборку, а мы улизнули из дому (С. Жураховск.). Обстоятельства брали за горло (А. Иванов). В Москве он сразу взялся за работу (Л. Шейнин).

Предлоги, ограниченные в своих значениях в свободном сочетании, входят редко в глагольно-именные фразеологизмы. Так, нам встретились единичные примеры с предлогами ПО, ПОД, ЧЕРЕЗ, СКВОЗЬ и винительным падежом имени существительного: брать под защиту, брать под контроль, взять под стражу, подвести под монастырь, влюбиться по уши, бить через край, смотреть сквозь пальцы, смотреть сквозь розовые очки, провалиться сквозь землю, пройти сквозь огонь, воду и медные трубы.

Светка, я **влюбился по уши**, но кто она — не знаю (Матвеев). Прямо скажу, Анатолий, ты меня **подвел под монастырь** (Рытхеу). Вижу, у вас инициатива **бьет через край** (В. Тевекелян). Эх, Михаил, Михаил, на все ты **смотришь сквозь розовые очки** (А. Шубин). Я **бы сквозь землю провалился** от стыда (А. Рыбаков).

2. Глагол плюс имя существительное в родительном падеже с предлогом

Второе место среди предложных глагольно-именных предикативных конструкций занимает родительный падеж имени. Из предлогов, употребляющихся с родительным падежом, чаще всего стоят два предлога, ИЗ и С (СО): выбить из колеи, валиться из рук, лезть из кожи, выкинуть из головы, унестись из вида, вылететь из головы, высосать из пальца, выпустить из рук, выйти из терпения, выйти из повиновения, потерять из виду, выбиться из сил, выжить из ума, выйти из памяти, стереться из памяти.

События последних дней **выбили** его **из колеи** (В. Мятешников). Все у нее **валилось из рук** (М. Поступальск.). Наконец и я **вышел из терпения**, хлопнул дверью и был таков (С. Жураховск.). Все со временем **стирается из памяти** (В. Горелик). Как же это я сразу не догадался, что Игорь **высосал все из пальца** (А. Рыбаков).

По широте употребления предлог С (СО) в данных конструкциях не уступает предлогу ИЗ: свалиться с неба, сбыть с рук, сойти с ума, упасть с луны, спустить с лестницы, сбить с толку, сбить с ног, сбиваться с ног, сбиться с ноги, умереть с досады,

беситься с жиру, поднять с постели, сгореть со стыда, помирать со смеху, покатиться со смеху, сходить с рук, лопнуть со смеху.

Он **сгорел бы со стыда**, если бы не сделал этого (М. Бубеннов). Девушки-официантки по воскресеньям **сбивались с ног** (Г. Березко). Этот странный разговор совсем **сбил ее с толку** (Ю. Д. — Михайлик). Ты, видно, Нина, **с луны упала** (Г. Кунгуров). Ему все **с рук сходит** (Т. Конст.). Я так и **лопнул со смеху** (Н. Гоголь).

Предлоги ОТ, ДО, БЕЗ и другие в предикативных сочетаниях малочисленны. Из них превалирует предлог ОТ: давиться от смеха, удерживаться от хохота, таять от удовольствия, сгорать от нетерпения, уклониться от участия, от ответа, отбиться от рук, от дома, кипеть от возмущения, негодования, злости, бессилия, оцепенеть от ужаса, отвлечь от мыслей.

Зойка давилась **от смеха** (Н. Ивантер). Господин Х. таял **от удовольствия** (Л. Шейнин). Соня просто **сгорала от нетерпения** (В. Тевекелян). Он и так **от рук отбил** (А. Варламов). Все присутствующие **оцепенели от ужаса** (А. Шубин).

С предлогом ДО: покраснеть до ушей, до корней волос, промокнуть до костей, напиться до чертиков, доводить до сведения, разбить до крови.

Галя **покраснела до ушей** (Г. Боровиков). А намедни нос **разбил до крови** (И. Гончаров). Я это **довежу до сведения** директора (Г. Кунгуров). Ну и **напились же мы тогда до чертиков** (С. Жураховск.).

С предлогом БЕЗ: пропасть без вести, остаться без ответа, оставить без внимания, резать без ножа, быть без ума.

Он уже десять лет как **пропал без вести** (С-Щедрин). Все это **оставалось без ответа** (А. Варламов). Ох, ты меня **без ножа резал** (А. Варламов). Женщины **были от него без ума** (Т. Конст.).

Конструкции с другими предлогами с родительным падежом в русском языке единичны: обвести вокруг пальца, пропустить мимо ушей, стоять поперек горла, поперек дороги, стоять у изголовья, выйти из-под влияния, достать из-под земли.

Нет, я его **обведу-таки вокруг пальца** (В. Розанов). И университет твой у меня **поперек горла стоит** (К. Добровольск.). Мотя его (замечание) **пропустила просто мимо ушей** (В. Катаев). Смерть **стояла у изголовья** (С. Сорин). И я убедился, что Вадим окончательно **вышел из-под влияния Игоря** (А. Рыбаков).

3. Глагол плюс имя существительное в предложном падеже

С предложным падежом имени существительного в предикативных сочетаниях глагольно-именного типа широко употребительны два предлога НА и В, омонимичные с винительным падежом: сидеть на мели, лежать на печи, зарубить на носу, быть на мази, замереть на месте, стоять на дороге, сидеть на бобах, остаться на бобах, висеть на волоске, быть на виду, быть на счету, состоять на иждивении, поймать на слове.

Я хорошенько себе зарубила на носу, что для педагога важнее всего донести материал до учащихся (Г. Гулиа). Каждая копейка была на счету (Ф. Гладков). Если бы они опоздали на малую минутку, осталась бы Ф. А. на бобах (Н. Новиков). Рулевой замер на месте (К. Файзулин). Судьба его висела на волоске (Гуреев).

С предлогом В: быть в ссоре, в дружбе, в обиде, в тревоге, в упоении, в угнетении, в опале; сидеть в печенках, оставить в дураках, остаться в дураках, плестись в хвосте, кипеть в руках, остаться в памяти, рассыпаться в похвалах, находиться в упадке, в курсе.

Эта Капочка и у нас и у учителей в печенках сидит (Л. Уварова). Савицкий рассыпался в похвалах по поводу обеда (Гуреев). Работа кипела у него в руках (И. Тургенев). Все были в тревоге и нетерпеливо протискивались в середину (Ф. Гладков). Председатель так хитро обошел меня, что я остался в дураках (Г. Боровиков).

4. Глагол плюс имя существительное с предлогом в дательном падеже

С дательным падежом имени существительного во фразеологизмах рассматриваемого типа употребительны оба предлога, ПО и К. Первый распространен в большей мере, чем второй: гладить по головке, дать по рукам, по зубам, бить по рукам, мазать по губам, пустить по миру, по ветру, ходить по пятам, плыть по течению, трещать по швам, прийти по душе, ходить по миру (-нищенствовать), идти по следам, получить по носу.

Он ходит за нею по пятам (В. Мятешников). О, он многих пустил по миру (Ф. Гладков). Я долго шел по следам зверя (М. Пришвин). Ты все его по головке гладишь, вот и результаты. (Г. Медынский).

С предлогом К: прийти к мысли, к заключению, к выводу, к

концу, к убеждению, прибраться к рукам, приложиться к ручке, к рюмке, лететь к черту.

Я бы всех живо **к рукам прибрала** (Ф. Гладков). Вскоре и Николай Гаврилыч **пришел к убеждению**, что нельзя обойтись без ремонта (Н. Мельников). Он **пришел к выводу**, что вполне попал в тон (Л. Шейнин). Он часто **прикладывался к рюмочке** (В. Московкин).

5. Глагол плюс имя существительное с предлогом в творительном падеже

Из многочисленных предложных предикативных фразеологических сочетаний с различными падежами сочетания с творительным падежом составляют исключительно незначительный процент. Нам встретилось всего несколько примеров: собраться с духом, с мыслями, смешать с грязью, остаться с носом, стоять над душой, перевернуть вверх ногами, идти с поклоном, быть (находиться) под спудом, под стражей, под гнетом, под пятой, под судом.

Я тебя с **грязью смешаю**, если скажешь бригадиру (А. Гуреев). Прождав полчаса, я понял, что **остался с носом** (А. Андреев). Алексей у нее **находится под пятой** (А. Гуреев). Он **был под судом** (Г. Медынский). Капитан ждал, пока он **соберется с духом** и заговорит (Т. Конст.).

III. ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В РОЛИ СКАЗУЕМОГО, ОСЛОЖНЕННЫЕ ДОБАВОЧНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ

а) Глагольно-именные предикативные фразеологизмы могут включать в свой состав отрицательную частицу **НЕ**. В ряде случаев такие отрицательные конструкции имеют соотносительные антонимичные конструкции (без отрицания), которые отличаются своим противоположным значением и грамматической структурой. Так, отрицательным конструкциям с родительным падежом имени существительного без предлога соответствуют обычно положительные конструкции с винительным беспредложным.

Ср.: не разинуть рта — разинуть рот, не придать значения — придать значение, не иметь представления — иметь представление, не играть роли — играть роль, не ставить ловушек — ставить ловушки, не читать нотаций — читать нотации, не бросать взглядов — бросать взгляды.

Отрицательные конструкции с другими падежными формами

(с предлогом или без него) рознятся от соответствующих положительных конструкций только своим значением, падежная форма имени остается неизменной: не выходить из головы — выходить из головы, не обвести вокруг пальца — обвести вокруг пальца, не поддаться соблазнам — поддаться соблазнам, не лезть на рожон — лезть на рожон, не брать под сомнение — брать под сомнение, не хлопать ушами — хлопать ушами.

Однако в современном русском языке имеется небольшое количество предикативных глагольно-именных фразеологизмов, которые без отрицания не употребляются. За редкими исключениями, они имеют отрицательный характер: не давать спуску, не прошибить пушкой, не сыскать с огнем, в ус не дуть, не ко двору прийти, не обмолвиться словом, не остаться в накладе, не видать в глаза, не идти из ума, ума не приложить, не ставить ни в грош, не стоять подметки, не повести ухом, бровью, глазом, не замануть калачом, клином не вышибить, не ударить в грязь лицом, лыка не вяжет, не лыком шиты, не давать проходу, не чаять души, не сводить глаз.

А они в тебе души не чаяли (Ф. Гладков). Да он же Федосовой подметки не стоит (С. Жураховск.). Собственная жена не ставит его ни в грош (В. Горелик). Ну уж нет! Отсюда меня и калачом не заманишь на заседание (Г. Марков). Так что мы тоже не лыком шиты (А. Чаковский). Он даже ухом не ведет (С. Михалков).

б) В ряде случаев структура глагольно-именных фразеологических сочетаний осложняется включением сравнительных союзов: **точно, словно, будто, пуще, как**. Из них наиболее широко употребителен союз **как**. Сравнительные союзы часто придают всей конструкции добавочное обстоятельственное значение «очень», «в большой степени» и др. Напр., точно с цепи сорваться (-очень кричать), течь как по маслу (-идти очень гладко), как в воду кануть (-пропасть бесследно), словно лбом налететь (-внезапно остановиться), хлынуть как из ведра (-сильно идти), словно сквозь землю провалиться (-внезапно исчезнуть), сидеть как сыч (-надуться), будто кумач стать (-очень покраснеть), как рукой сняло (-внезапно исчезнуть), строчить как из пулемета (-говорить не переставая), сидеть как на иголках (-беспокоиться), гореть как жар (-очень сверкать), точно Мамай воевал (-очень опустошить), беречь пуще зеницы ока (-очень беречь), как бельмо на глазу (-мешать очень), кипеть как в котле (-бурлить), торчать как пень (-стоять неподвижно), влипнуть как кур во ши (-попасться), сидеть как рак на мели (-не двигаться), биться как рыба об лед (-бедствовать), вертеться как белка в колесе (-быть в движении, уставать), распу-

шить как скорняк лису (-отругать как следует), лхнуть как муха (-приставать, надоедать).

Жизнь его текла как по маслу (И. Тургенев). Марк как в воду канул (В. Собоко). Она сидела как на иголках (Н. Фогель). Усталость от бессонной ночи как рукой сняло (В. Тевекелян). Надя сразу будто кумач стала (Евдокимов). Она точно с цепи сорвалась (С. Щедрин). Но Сашка словно сквозь землю провалился (Фейгин).

IV. МНОГОЧЛЕННЫЕ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ПРЕДИКАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Глагольно-именные фразеологизмы в роли простого глагольного сказуемого могут быть не только двучленные (которые рассматривались выше), но и многочленные, состоящие из трех и четырех компонентов. Многочленные предикативные фразеологизмы так же, как и двучленные, по своему значению близки к простым глаголам.

А. 1) Наиболее широко распространены в современном русском языке трехчленные фразеологизмы, состоящие из глагола плюс два имени существительных в различных падежах с предлогом или без него. И в многочленных фразеологизмах имя существительное в винительном падеже без предлога (в качестве одного из компонентов) преобладает над другими падежными формами: вставлять палки в колеса (-мешать), пускать пыль в глаза (-обманывать, хвастать), потерять дар речи (-умолкнуть), протянуть руку помощи (-помочь), терять нить речи (-забыть то, о чем говорил), обрести дар речи (-заговорить), держать язык за зубами (-помалкивать), дать волю слезам (-расплакаться), не лезть за словом в карман (-не теряться, быть находчивым), пропасть из поля зрения (-упустить), выйти из границ терпения (-рассердиться), не подавать признаков жизни (-не оживать), не ударить палец о палец (-бездельничать), не оставить камня на камне (-уничтожить до основания), держать нос по ветру (-приноравливаться), положить зубы на полку (-голодать), стереть с лица земли (-уничтожить), попасть пальцем в небо (-сказать невпопад).

Пусть Степан нам не ставит палки в колеса (Гуреев). Ольга дала волю слезам (К. Файзулин). Ребята ершистые, за словом в карман не лезут (из газеты). От всей работы торгова Куракина не оставила камня на камне (В. Мятежников). А ты держи язык за зубами (Гуреев). Сановский только пыль в глаза пускает (Н. Фогель).

2) **Фразеологические сочетания, состоящие из глагола плюс имя прилагательное и существительное** в различных падежах с предлогом или без него: ходить на задних лапках (-лебезить, выслуживаться), смотреть сквозь розовые очки (-не замечать недостатков), плясать под чужую дудку (-подчиняться кому-нибудь), не стоить ломаного гроша (-никуда не годиться), прикидываться казанским сиротой (-прибедняться), не брать хмельного в рот (-не пить), довести до белого каления (-рассердить), не откладывать в долгий ящик (-выполнять сразу), выйти сухим из воды (-вывернуться), дать честное слово (-поклониться), согнуть в бараний рог (-смирить, притеснять), вывести на свежую воду (-уличить), пустить красного петуха (-поджечь), встать с левой ноги (-сердиться), ломиться в открытую дверь (-доказывать явно очевидное), держать в ежовых рукавицах, держать в черном теле (-обращаться круто), рассыпаться мелким бисером, горохом, бесом (-заискивать, лебезить, льстить).

Я его **выведу на чистую воду** (Н. Фогель). Ты всегда **сухим из воды выходишь** (Панов). Пусть он не **прикидывается казанским сиротой**. (Гуреев). Вы **довели их до белого каления** (Фейгин). Хозяйка **ходит перед Ив. Ник. на задних лапках** (Руденко).

3). **Фразеологические сочетания, состоящие из глагола, имен существительных** в различных падежных формах с предлогом или без предлога и местоименного слова. Более употребительны местоименные формы возвратного местоимения **себя** и **себе** и притяжательное местоимение **свой**: брать себя в руки (-сдерживаться), зарубить себе на носу (-хорошо запомнить), вбить себе в голову (-задумать), ловить себя на мысли (-думать), бормотать себе под нос (-говорить невнятно), позволить себе вольности (-своевольничать), мерить на свой аршин (-судить по себе), руки на себя наложить (-умереть, лишиться жизни), позволить себе отступление (-отступать), знать себе цену (-ценить себя, носиться с собой), не дать себя в обиду (-не позволять себя обижать), не дуть себе в ус (-ни о чем не думать), не находить себе места (-беспокоиться), доходить своим умом (-додуматься самому), взобраться на своего конька (-говорить об излюбленном предмете), брать в свои руки (-руководить, управлять), вынести на своих плечах (-справиться самому), выйти из того возраста (-повзрослеть, постареть), кричать во всю Ивановскую (-кричать громко), хвалить во все горло (-очень расхваливать), удирать во все лопатки (-убегать быстро).

Он (Данилов) **брал себя в руки** (В. Панова). На одну всю работу **взвалили**, а сами **в ус не дуют себе** (Варламов). Негодующая француженка все что-то **бормотала себе под**

нос (И. Тургенев). Корепанов **вбил себе в голову**, что я симулянт (Н. Фогель). И Алексей не раз **ловил себя на мысли**, что ему радостно от своеобразной опеки этой девушки (Н. Фогель). Ну **взобрался Африкан Семенович на своего конька** (И. Тургенев). Он **бы у меня запел другим голосом** (И. Тургенев). Она уже **вышла из того возраста**, когда нуждаются в мелочной опеке (Н. Фогель). И тут же он **во все горло хвалил** (Ф. Gladков).

4). Фразеологические сочетания, состоящие из глагола плюс имя существительное в различных падежах с предлогом или без него и числительное. Такого типа многочленные предикативные единицы в современном русском языке мало распространены: положить на обе лопатки (-победить), содрать три шкуры (-эксплуатировать бессовестно), сделать первый шаг (-сделать что-нибудь первым), играть первую скрипку (-руководить), ставить на одну доску (-приравнивать), согнуться в три погибели (-скрутить, свести), наговорить с три короба (-наврать), гнать в три шеи (-выгнать), брызнуть в три ручья (-политься обильно), быть на седьмом небе (-блаженствовать), согнать семь потов (-изнурить).

А ты слушай ее больше: она **наболтает с три короба** (Ф. Gladков). Так ты меня **на одну доску с ним ставишь**. Да? И слезы у нее **брызнули в три ручья** (А. Коптяева). Старый бы директор за такое **три шкуры бы содрал** да еще таким бы словом запустил. (А. Рыбаков). Боюсь, что она скоро нас **положит на обе лопатки** (В. Тавекелян). Сергей с неделю ходил обиженный, надеясь, что Тоня сама **сделает первый шаг** к сближению (В. Кетлинск.).

Б. Фразеологические сочетания глагольно-именного типа, состоящие более чем из трех компонентов, в современном русском языке непродуктивны. Нам удалось подметить только единичные случаи четырехкомпонентного фразеологического сочетания разбираемого типа в роли простого глагольного сказуемого: убраться на все четыре стороны, чувствовать себя на седьмом небе, прибрать власть к своим рукам, дать семь очков вперед.

Дам тебе паспорт — **и убирайся на все четыре стороны** (Ф. Gladков). А ты любому **пять очков вперед дашь** (С. Подъячев). Он **чувствовал себя на седьмом небе** (А. Гуреев). Серафима Васильевна снова **прибрала власть к своим рукам** (Горелик). Он все время **поворачивал разговор на свой лад** (Т. Конст.).

Как видим, стержневому слову фразеологизма — несвободно употребленному глаголу свойственны все те грамматические категории, что и свободно сочетающемуся глаголу, т. е. он

может употребляться в любой из трех форм наклонений, времен, лиц, в формах обоих чисел и видов. Самое широкое распространение имеет форма изъявительного наклонения, форма повелительного наклонения встречается очень редко.

Что же касается порядка расположения компонентов во фразеологизме, то можно сказать, что он относительно свободен. Обычно глагол предшествует имени, однако возможна и перестановка данных компонентов без изменения лексического смысла фразеологизма. Ср.:

А оно (начальство) **себе на ус мотает** (Н. Гоголь). Ты **слушай да на ус себе мотай** (Б. Полевой). **Гляди сам нас заткнешь за пояс** (А. Иванов). Я и мамыньку сейчас **за пояс заткну** (Ф. Гладков). Он **маху не даст** (П. Федоров). Уж не старик ли наш **дал маху?** (Грибоедов). Несомненно он **меня за нос водит** (Т. Конст.). Ты и его **водишь за нос?** (А. Андреев). И я его в два счета **вокруг пальца обвела** (В. Розанов). Нет, я его **обведу-таки вокруг пальца** (А. Шубин). В своем зяте она **не чаяла души** (И. Лазутин). Зато и старик в нем **души не чаял** (А. Югов). Что-то уж слишком он всем **глаза мозолит** (Д. — Михайлик). Просто Юра многим **мозолит глаза** (О. Баркова). Молоденький бело-брысый сержант **клевал носом** (И. Лазутин). Ганна, наверное, в каком-нибудь президиуме **носом клюет** (Н. Тихий) и др.

Говоря о структуре двучленных глагольно-именных предикативных фразеологизмов, необходимо отметить, что в их состав могут входить **свободно сочетающиеся** (фразеологически не обусловленные) с одним из его компонентов — именем существительным — определительные слова, выполняющие по отношению ко всему фразеологизму функцию обстоятельства.

Алекс. Алекс. **одержал блестящую победу** в заседании комиссии (т. е. блестяще победил) (Л. Толстой). Разрыв Тургенева с «Современником» **произвел такое же впечатление**, как если бы случилось землетрясение (т. е. так, до такой степени впечатлел) (А. Панаева). И как это я **сделал такой промах?** (так промахнулся) (А. Панаева). Все **пришли в такое замешательство**, что не нашлись, что ответить (т. е. так смутились) (Н. Гоголь). Она то и дело **делала умильную улыбку** (т. е. умильно улыбалась) (С. Подъячев). Они **вели оживленную беседу** (т. е. оживленно беседовали) (Б. Полевой). Я ему дам **достойный отпор** (т. е. достойно отражу) (А. Рыбаков). А этот **такую ижицу пропишет** (т. е. так отчитает) (Н. Фогель). Богатая библиотека **произвела на него глубокое впечатление** (т. е. очень впечатлела) (Т. Конст.).

Прасковья бросила на тетю Мотю досадливый взгляд (т. е. посмотрела с досадой) (Ф. Гладков). Ее мечты потерпели полный крах (т. е. полностью рухнули) (В. Тевекелян) и др.

Предикативные глагольно-именные фразеологические сочетания могут вступать в синонимические отношения не только с соотносительными самостоятельными глаголами (как это было рассмотрено выше), но и между собой, хотя и значительно реже. В первом случае фразеологические сочетания отличаются от синонимических простых глаголов только стилистически: многие из них обладают эмоционально-экспрессивной окраской. При внутрифразеологической синонимии наряду со стилистическими различиями могут проявляться отличия и в семантическом значении. Правда, и при стилистической синонимии фразеологизмов равноценность их относительна, так как все же полного совпадения в лексическом значении нет: какие-то, иногда трудно уловимые, оттенки в их семантике сохраняются.

Так, например, фразеологизм **заговаривать зубы** означает «обманывать, отвлекая разговором». Это сочетание находится в синонимичных отношениях с рядом других фразеологизмов, имеющих некоторые отличия в лексическом значении. Сравните: **пускать пыль в глаза** передает значение «обманывать, морочить, хвастаясь»; **очки втереть** — в значении «посредством обмана представить что-нибудь для себя в выгодном свете»; **отвести глаза** — «обманывать, отвлекая внимание показом чего-нибудь или рассказом о чем-нибудь»; **натянуть нос** — «одурачить, тонко провести»; **кормить завтраками** — «обманывать, обещая и откладывая выполнение»; **водить за нос** — «обманывать, обещать, вводя в заблуждение»; **кривить душой** — «обманывать, говорить неправду».

В данном синонимическом ряду фразеологизм **отвести глаза** является стилистически нейтральным, **кормить завтраками** и **кривить душой** носят разговорно-просторечный оттенок, остальные имеют оттенок фамильярности.

Или другой синонимичный ряд фразеологических сочетаний, внутри которого фразеологизмы также имеют отличия в значении. Так, **хранить молчание** означает «молчать, не проронить ни слова»; **не разинуть рта** — «промолчать, удержаться от высказывания»; **держаться язык за зубами** — «знать, но помалкивать»; **проглотить язык** — «молчать, не хотеть или не мочь сказать».

Первое из них имеет книжный характер, второе и четвертое — разговорно-просторечный, третье носит фамильярный оттенок.

В значении «умереть» употребляется целый ряд фразеологизмов, отличающихся друг от друга преимущественно стилис-

тически: отдать богу душу (книжный), протянуть ноги (разговорный), дать дуба (вульгарный), приказать долго жить (фамильярный), сыграть в ящик (просторечно-вульгарный), руки на себя наложить (разговорный), лечь костями (книжный), вогнуть в гроб (просторечный).

Некоторые из них отличаются и в семантическом значении. Так, **лечь костями** — погибнуть на поле боя, **вогнуть в гроб** — замучить до смерти, **руки на себя наложить** — умереть, лишив самого себя жизни и т. д.

Чаще в синонимические отношения вступают такие предикативные фразеологические сочетания, которые имеют или общий компонент, или одинаковое грамматическое оформление элементов. Например:

- 1) **сидеть** на мели, **сидеть** на бобах, **сидеть** без гроша;
 - 2) **остаться** в дураках, **остаться** на бобах, **остаться** с носом, **остаться** при пиковом интересе;
 - 3) **не стоит** ломаного гроша, **не стоит** выеденного яйца, **не стоит** подметки;
 - 4) **сесть** в лужу, **сесть** в галошу;
 - 5) **держать** в ежовых рукавицах, **держать** в черном теле;
 - 6) **пороть** чепуху, **пороть** чушь, **пороть** ерунду;
- 1) точить лясы, чесать зубы, нести чушь, пороть чепуху. плести околесицу, перемывать косточки (сочетания с винительным без предлога);

2) выбиваться из сил, лезть из кожи;

3) наломать дров, дать маху, наделать ошибок и др.

Однако внутрифразеологические синонимические ряды могут состоять и из таких фразеологизмов, которые обладают различной грамматической оформленностью. Например:

1) напустить туману, кормить завтраками, водить за нос, втирать очки, обвести вокруг пальца;

2) вогнуть в краску, сгореть со стыда, стать будто кумач, покраснеть до ушей;

3) сводить концы с концами, перебиваться с хлеба на квас, положить зубы на полку, сидеть на мели;

4) вывести из терпения, довести до белого каления;

5) ходить на задних лапках, рассыпаться мелким бесом;

6) бить баклуши, не ударить палец о палец, не повести и ухом, и в ус себе не дуть и др.

Вопрос внутрифразеологической синонимии является предметом самостоятельного исследования, поэтому подробно его не рассматриваем, касаясь его постольку, поскольку он имеет отношение к данному вопросу.⁴⁾

⁴⁾ Всецело вопросу фразеологической синонимии посвящена статья Т. Бертагаева и В. Змиина «О синонимии фразеологических сочетаний», помещенная в ж. «Русский язык в школе» № 3 за 1960 г.

По своему употреблению разобранные нами предикативные глагольно-именные фразеологизмы в основной своей массе относятся к общеупотребительному разговорному стилю речи. Часть из них имеет книжный оттенок, например: бить челом, впасть в меланхолию, беречь пуще зеницы ока, воспрянуть духом, удостоить посещением, приходить в недоумение, в смятение, в негодование, прописать ижицу, произвести фурор, сенсацию, сделать визиты, разводить кляузы, кануть как в воду и др.

Или просторечно-вульгарный или фамильярный, напр.: содрать три шкуры, посулить черта, как с цепи сорваться, мозолить глаза, совать нос, продрать глаза, развесить уши, вытаращить глаза, задать храпака, остаться в дураках, хлопать глазами, лезть из кожи, драть горло, выжить из ума, дать по зубам, гнать в три шеи, дать дуба и др.

Тобик как в воду канул (А. Чехов). **Я влип как кур во щи** (Л. Шейнин). А вот вы, наконец, и **удостоили** нас своим **посещением** (Н. Гоголь). **Ковров пришел в смятение** (Мятежников). А этот такую **ижицу пропишет** (Н. Фогель). **Паныч остался в дураках** (О. Гончар). Он обязательно **задаст храпака** (А. Алексин). Матюшкин даже **глаза вытаращил** от удивления (Н. Фогель). Мой благоверный, должно быть, теперь **глаза продрал** (И. Тург.).

Выводы: 1) Глагольно-именные фразеологические сочетания в роли простого глагольного сказуемого очень широко распространены в современном русском языке.

2) Характерной их особенностью является то, что они обязательно по смыслу равны простому синонимичному глаголу.

3) По своей структуре глагольно-именные фразеологические сочетания исключительно разнообразны. Они могут быть как предложными, так и беспредложными, как двучленными, так и многочленными. Наиболее широко употребительными в русском языке являются предикативные фразеологические конструкции, состоящие из глагола и имени существительного в винительном падеже с предлогом или без него. Менее всего распространены глагольно-именные предикативные конструкции с дательным или родительным падежами без предлога. Структура рассмотренных предикативных единиц может осложниться добавочными компонентами (отрицанием НЕ или сравнительными союзами).

Стержневое слово — глагол обладает всеми грамматическими категориями, которые свойственны глаголу в свободном его употреблении.

Порядок расположения компонентов в двучленном предикативном фразеологизме относительно свободен. В них могут вхо-

дить свободно сочетающиеся с одним из компонентов определительные слова, выполняющие по отношению ко всему фразеологическому сочетанию функцию обстоятельства.

4) Предикативные фразеологизмы могут вступать в синонимические отношения не только с соотносительными самостоятельными глаголами, но и между собой. Внутрифразеологические синонимы отличаются не только стилистически, но могут различаться и своей семантикой, чего мы не наблюдаем в синонимических отношениях между фразеологизмом и простым глаголом.

5) Со стилистической точки зрения предикативные фразеологические сочетания в основном относятся к разговорному стилю речи. Небольшое количество их употребляется в книжном стиле речи, а также может иметь просторечно-вульгарный или фамильярный оттенок.

Е. М. Целма

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ДЕЕПРИЧАСТНЫМИ ОБОРОТАМИ И СИНОНИМИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

Наш язык отличается неисчерпаемым разнообразием речевых форм, богатством оборотов и всевозможных грамматических конструкций. Изучение лексико-фразеологической и грамматической синонимии имеет не только теоретическое, но и практическое значение, особенно это важно сейчас, когда русским языком овладевают многочисленные народы СССР и стран народной демократии.

Одним из наименее изученных разделов науки о языке является грамматическая синонимика. За последние годы появилось несколько интересных работ, в которых исследуются вопросы синтаксической синонимии.¹⁾

Существующие определения синтаксических синонимов объединяются тем, что характеризуют синтаксические синонимы как параллельные обороты речи, передающие различные оттенки значений. Однако большинство этих определений не отвечают на вопрос, считать ли синтаксическими синонимами части синтаксических конструкций или же целые конструкции.

Наиболее точно определение синтаксических синонимов дано

¹⁾ См. Г. И. Рихтер. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. «Русский язык в школе», 1937 г., № 3.

М. К. Милых. Вопросы грамматической стилистики. К синонимике частей речи. «Русское языковедение», вып. 1. Ростов-на-Дону, 1945 г.

И. И. Ковтунова. О синтаксической синонимике. «Вопросы культуры речи», выпуск 1. М. 1955 г.

А. С. Кока. Синтаксическая синонимика в кругу словосочетаний с временным значением. Известия АН Казахской ССР, вып. 1—2, 1954 г.

Х. М. Сайкиев. К вопросу о синтаксической синонимике в современном русском литературном языке. Ученые записки Казахского Гос. Ун-та, т. XIV, вып. 1, 1952 г.

В. А. Трофимов. Явления конструктивного параллелизма в синтаксисе современного русского языка. Ученые записки Ленинградского гос. университета, № 180, 1955 г.

В. П. Сухотин. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. Изд. АН СССР. М. 1960 г.

в работе В. П. Сухотина: «Под синтаксическими синонимами мы понимаем такие словосочетания, а также предложения, их части и более сложные синтаксические образования данного языка в данную эпоху его развития, которые выражают однородные отношения и связи явлений реальной действительности».²⁾

Сухотин правильно утверждает, что близкие по значению синтаксические образования только тогда могут быть отнесены к синонимам, если наряду с объединяющими их элементами наличествуют хотя бы минимальные структурно-семантические различия.³⁾

Много интересных положений содержит и работа И. И. Ковтуновой, которая правильно утверждает, что синтаксическими синонимами можно считать целые синтаксические конструкции (словосочетания, простые предложения, сложные), а не их части. Например, глагол и отглагольное существительное сами по себе не являются синонимами, они лишь создают возможность образования синонимических конструкций.

Это очень верное положение. До появления этой работы часто различные части речи анализировались как синтаксические синонимы.⁴⁾

Правильность этого положения подтверждается и нашим материалом. Хотя для краткости в статье будет говориться о синонимии деепричастных оборотов и придаточных предложений, однако в действительности можно говорить лишь о синонимике предложений с деепричастными оборотами и сложноподчиненных предложений, так как значение деепричастного оборота нельзя понять без значения основного предложения.

Вопрос о синонимии деепричастных оборотов и придаточных предложений очень сложен. Так, придаточное предложение: «Так как я соскучился, я пошел бродить по комнатам» (из разговорной речи) — можно заменить деепричастным оборотом: соскучившись, я пошел бродить по комнатам. Но этот деепричастный оборот можно осмыслить не только в причинном, но и во временном плане (т. е. понять как называющий действие, предшествующее главному, а не действие, являющееся причиной главного). Поэтому оборот можно заменить не причинным, а временным придаточным: когда соскучился, пошел бродить по комнатам.

Собранный материал свидетельствует о том, что далеко не

²⁾ В. П. Сухотин. Синтаксическая синонимика в сов. русском лит. языке. Издание АН СССР. М. 1960 г., стр. 14.

³⁾ Там же, стр. 21.

⁴⁾ М. К. Милых. Вопросы грамматической стилистики. К синонимике частей речи. «Русское языковедение», вып. 1. Ростов-на-Дону, 1945 г.

все придаточные предложения могут иметь синонимичные им деепричастные обороты.

Обычно не имеют параллельных деепричастных оборотов придаточные с союзами, выражающими какой-нибудь дополнительный оттенок основного значения.

«И генерал в самом деле думал было не выезжать, тем более что чувствовал себя нездоровым» (Казакевич. «Весна на Одере»).

При замене придаточного предложения деепричастным оборотом здесь теряется оттенок добавочный, дополнительной причины, что создается в предложении с помощью слов «тем более что».

Общепринято все деепричастные обороты делить на две основные группы.⁵⁾

I. Деепричастные обороты, называющие действие, одновременное, предшествующее или последующее по отношению к глаголу-сказуемому (второстепенное сказуемое).

II. Деепричастные обороты с обстоятельственными оттенками.

I.

I. Если деепричастные обороты означают действие, одновременное с действием глагола-сказуемого, то они не имеют параллельных придаточных, так как им не присуще значение временного ориентира.

По характеру логико-грамматических отношений между деепричастным оборотом и основным предложением можно выделить несколько разрядов.

а) Деепричастные обороты, означающие действие, по важности почти равнозначное главному действию:

«Французские кинодеятели, переживая моральные кризисы, преодолевали множество больших трудностей» («Литературная газета»).

«Только на станциях умиленность исчезла, уступая беспокойному непониманию той перемены, которая пронизала людей» (Федин. «Необыкновенное лето»).

Для деепричастных оборотов этого типа чаще всего характерно, что деепричастие и глагол-сказуемое являются глаголами со значением отвлеченного действия. Реже здесь употребляются глаголы со значением физического действия, чувства, речи и т. д.

⁵⁾ Грамматика русского языка. АН СССР, 1954 г., том II.

Все деепричастные обороты, обозначающие действие, по важности почти равнозначное с главным, употребляются, когда нужно перечислить ряд равнозначных действий, обратив внимание на одно действие как основное. Они могут быть заменены личной формой глагола, присоединенного к главному глаголу-сказуемому союзом «и».

б) Очень часто встречаются деепричастные обороты, которые называют действие, менее важное по сравнению с главным. В подавляющем большинстве эти обороты обозначают второстепенное физическое действие, происходящее одновременно с главным действием, которое выражено глаголом речи. Эти обороты обычно постпозитивны.

«Воронина-то — дочка ихняя, — сказал Мелков, оборачиваясь и кивая на капитана». (Рыбаков. «Е. Воронина»)
«Что, пережили зиму с тобой? — тихо проговорил Павел, постучав пальцем в окно» (Н. Островский. «Как закалялась сталь»).

Здесь уже нельзя говорить о замене личной формой глагола.

в) Деепричастные обороты обозначают действие, поясняющее действие глагола-сказуемого. Им соответствуют сложные предложения с «тем самым», «то есть», но в последних разъяснительный смысл выступает ярче.

«Чистой прибыли американские и английские монополии получили на этой нефти 1900 миллионов долларов, за один год окупив все капиталовложения в этот район» (Из доклада Микояна на XX съезде). (Тем самым окупили).

«Фадеев смело пользуется чередованием изобразительности с размышлениями, то вскрывая мысли своих героев, то сам размышляя в авторских обращениях к читателю» (Федин. «Фадеев») (то есть он то вскрывает мысли..., то сам размышляет в авторских обращениях к читателю).

г) Деепричастные обороты обозначают действие, выступающее по отношению к главному как попутное замечание. Эти обороты по значению близки к присоединительным предложениям с «при этом», «при чем».

«Он, Чапаев, терпеть не мог «штабов», причисляя к ним все учреждения, которые не воевали штыком» (Фурманов. «Чапаев»).

д) Деепричастные обороты обозначают действие, составляющее одно сложное целое, один акт с действием глагола-сказуемого.

«Отчетливо стучит маятник часов, мерно отсекая секунды» (Горький. «Мать»).

«Представитель СССР Громыко, отвечая Джессепу, указал...» («Правда»).

Эти обороты не параллельны придаточным и не могут быть заменены личной формой глагола, так как при такой замене утрачивается значение действия, составляющего один акт с действием глагола-сказуемого.

2. Деепричастные обороты со значением действия, предшествующего главному действию, близки по значению к придаточным с союзами «когда», «после того как», если обозначают действие, по важности почти равнозначное главному действию, однако в придаточных с этими союзами налицо значение временного ориентира, чего нет в рассматриваемых деепричастных оборотах.

«Нашупав большой лопух, Ефим сел» (Гайдар. «Пусть светит») (то есть нашупал, потом сел; когда нашупал, ... сел).

Во втором варианте действие придаточного предложения является временным ориентиром, поэтому здесь ближе по значению замена личной формой глагола.

3. Деепричастные обороты со значением действия, последующего по отношению к действию глагола-сказуемого, не параллельны придаточным с «прежде чем», «раньше чем», так как не имеют значения временного ориентира.

«Денщик вышел, прикрыв за собой дверь» (Н. Островский).

«Мать уложила его в постель, накрыв бледный лоб мокрым полотенцем» (М. Горький).

Но они синонимичны предложениям с однородными сказуемыми (Уложила и накрыла...).

Как видим, большинство предложений с деепричастными оборотами в функции второстепенного сказуемого близки к предложениям с однородными сказуемыми, соединенными союзом «и», а не к сложноподчиненным предложениям.

II.

В деепричастных оборотах с обстоятельственными значениями очень неотчетливо выступает или совсем утрачивается значение временной соотнесенности между действием, названным деепричастием, и действием глагола-сказуемого.

Общим для всех деепричастных оборотов с обстоятельственными значениями является то, что в постпозитивном положении по отношению к сказуемому они более отчетливо передают обстоятельственное значение. Положение после глагола обычно сближает деепричастие с наречием, способствует появлению обстоятельственных оттенков.⁶⁾

В зависимости от характера логико-грамматических отношений между деепричастным оборотом и основным предложением деепричастные обороты делятся на несколько разрядов.

1. Деепричастные обороты со значением образа действия очень распространены.

«Наташа смотрела на нее, немного прищуриив глаза» (Горький. «Мать»). «Дибич сидел в дверях товарного вагона, свесив на волю ноги» (Федин. «Необыкновенное лето»).

При этом значение образа действия сильнее проявляется в деепричастных оборотах, включающих деепричастие совершенного вида, чем в оборотах с деепричастием несовершенного вида, так как в последних сильнее проявляется значение сопутствующего одновременного действия: «крадутся согнувшись» и «крадутся оглядываясь». В первом примере деепричастие нельзя заменить личной формой глагола, а во втором такая замена возможна.

Все эти обороты не имеют синонимических придаточных. Исключение составляют сравнительные деепричастные обороты с союзами «точно», «как будто», «как бы», «словно» и т. д., которые синонимичны придаточным сравнительным, например:

«Маленький Федя, слушая чтение, беззвучно двигал губами, точно повторяя про себя слова книги» (Горький. «Мать») (или маленький Федя, слушая чтение, беззвучно двигал губами, точно повторял про себя слова книги).

Разница этих вариантов только в том, что действие в придаточном выступает как более самостоятельное по сравнению с деепричастным оборотом.

Наблюдения показывают, что сравнительные деепричастные обороты употребляются чаще, чем синонимичные им придаточные (из 150 примеров 100 составляют деепричастные сравнительные обороты). Деепричастные обороты со сравнительными союзами иногда наряду со сравнительным значением передают и другие оттенки значений. Так, они могут иметь оттенок причинного значения.

⁶⁾ Г. В. Валимова. Распространенные и нераспространенные деепричастные конструкции. Уч. записки Гос. пед. инст. Ростов-на-Дону. Вып. 3, 1948 г.

«Паровоз, как бы истратив последние силы, дышал все реже» (Островский. «Как закалялась сталь»).

К ним близки придаточные с союзами «как бы», «словно» и т. д. и «потому что». Например: — Паровоз, как бы потому что истратил последние силы, . . .

Может выступать и оттенок причинно-целевого значения:

«Ходил Власов молча, и точно желая найти кого-то, ца-
рапал своими глазами лица людей» (Горький. «Мать»).

Этим оборотам синонимичны придаточные с «точно», «как бы» и т. д. и «чтобы», причем глагол «желать» утрачивается, или с «точно», «как бы» и т. д. и «потому что»:

Ходил Власов молча и, **точно чтобы** найти кого-то, . . .
(или Ходил Власов молча и, точно потому что желал найти
кого-то).

К деепричастным оборотам со значением образа действия близки обороты и единичные деепричастия, которые условно могут быть названы определительными. Они называют состоя-
ние субъекта, признак его в момент совершения действия.

«Что вы говорите? — сказала она, **поблуднев** (Пушкин.
«Капитанская дочка»).

«Тетка эта ничего,» — решил он про себя и, **осмелев**,
обратился к Фросе (Островский. «Как закалялась сталь»)).
Эти обороты близки по значению к обособленным определе-
ниям, например:

«Хозяйка, совсем поглупевшая, тихо стояла» (Достоев-
ский. «Господин Прохарчин») (т. е. хозяйка, совсем по-
глупев, . . .).

2. В деепричастных оборотах с уступительным значением глагол-сказуемое обозначает действие, противоположное тому, которое можно ожидать, исходя из действия, названного дее-
причастием.

«Старший лейтенант Сомов прождал шлюпку до рас-
света и был вынужден уйти, так и не узнав, что случилось
с нею» (Соболев. «Зеленый луч») (т. е. Сомов должен был
не уйти, так как он ничего не узнал, но он вынужден был
уйти).

Уступительное значение деепричастных оборотов выступает
очень отчетливо, если при глаголе-сказуемом основного предло-
жения имеем слово с уступительным значением: все-таки, тем
не менее, все же.

«Поколебавшись, я все же зашел» (Гайдар. «Судьба барабанщика»).

«Боясь наказания, Володя все-таки сказал правду» (из разговорной речи).

Деепричастные обороты рассматриваемого типа синонимичны чаще всего уступительным придаточным с союзом «хотя».

Разумеется, в деепричастных оборотах уступительное значение выступает менее определенно (они могут быть даже по-разному осмыслены), чем в синонимичных придаточных, которые могут с помощью различных союзов выражать разнообразные оттенки уступительных отношений. Но и деепричастные обороты способны выражать некоторые оттенки уступительного значения, например, условно-уступительное значение. Здесь действие, названное деепричастием, означает допускаемое исключительное условие, а действие глагола-сказуемого говорит о том, что противоречит ожидаемому на основании действия, обозначенного деепричастием. Такое значение создается чаще всего употреблением усилительной частицы «даже» в деепричастном обороте и глагола-сказуемого в форме будущего совершенного вида в основном предложении.

«Даже сумев привлечь их на свою сторону, Поляков не сможет собрать нужного большинства» (М. Соколов. «Искры»).

«Даже занимаясь каждый день регулярно, я не догоню товарищей» (из разговорной речи).

В этом случае рассмотренные обороты близки к придаточным с «если даже», «если и», т. е. к придаточным условно-уступительного значения (Если даже он сумеет привлечь их, он не сможет собрать нужного большинства).

Нужно отметить, что деепричастные обороты с условно-уступительным значением полностью совпадают по значению с придаточными того же значения, чего мы не наблюдаем у других параллельных деепричастных оборотов и придаточных, разобранных выше.

Это объясняется тем, что значение условно-уступительных предложений менее определенно, чем, положим, уступительных, и приближается к значению деепричастных оборотов, которые всегда менее определенно выражают то или иное обстоятельственное значение, чем придаточные предложения.

Таково соотношение деепричастных оборотов с уступительным значением и придаточных.

3. Деепричастные обороты со значением причины.

Значение причины более отчетливо выступает в постпозитивных оборотах.

«Артем, обычно суровый, потерял равновесие, измучившись за брата» (Островский. «Как закалялась сталь»).

«Я не чувствовал неловкости своих излияний, видя в них больше правды, чем глупости» (Федин. «Горький»).

Деепричастные обороты с чисто причинным значением близки к придаточным с союзами «так как», «потому что», но, разумеется, придаточные выражают причину более ясно и четко. Кроме того, придаточные могут выражать как внутреннюю, так и внешнюю причину действия, а деепричастные обороты указывают в качестве причины действие психическое, физическое состояние лица, его мысли, чувства, т. е. выражают только внутреннюю причину действия. Это положение, выдвинутое в диссертации Е. А. Назиковой⁷⁾, проверено на собранном материале.

В препозитивных же оборотах сильнее ощущается значение действия, одновременного или предшествующего по отношению к действию глагола-сказуемому. Поэтому и осмыслены они могут быть по-разному: как передающие значение причины или значение сопутствующего действия.

«И рассказывал ей о людях, которые, желая добра народу, сеяли в нем правду» (Горький. «Мать») (так как желали добра или просто желали добра и сеяли в нем правду).

Кроме того, иногда деепричастные обороты (препозитивные и постпозитивные), включающие деепричастие совершенного вида, чаще могут быть осмыслены не только как передающие значение причины, но и как передающие значение временного ориентира действия глагола-сказуемого, что зависит от соотношения лексических значений деепричастия и глагола-сказуемого.

«Увидев солдат, Винкель не осмелился зайти в мастерскую» (Казакевич. «Весна на Одере») (Когда увидел или так как увидел).

«Давыдов замедлил шаги, услышав грозный рев» (Шолохов. «Поднятая целина»).

Следовательно, здесь причинное значение проявляется очень неопределенно, что затрудняет замену придаточными предложениями.

Деепричастные конструкции могут совмещать целевые и причинные значения. Е. А. Назикова в своей диссертации отмечает, что такое значение имеют деепричастные обороты, в

⁷⁾ Е. А. Назикова. Выражение причинных отношений в современном русском литературном языке. Автореферат. Л. 1952 г.

которых деепричастия образованы от глаголов желания и волеизъявления (желать, стремиться, надеяться, пытаться и др.).

«Желая проверить свои предположения, Левинсон пошел на собрание заблаговременно» (Фадеев. «Разгром»).

«Катя посмотрела на Леднева, пытаясь понять значение взгляда, которым он обменялся со Спириным» (Рыбаков. «Е. Воронина»).

Значение подобных предложений можно выразить сложным предложением с придаточным причины или целевым оборотом, причем при замене целевым оборотом глагол в личной форме опускается (Так как он хотел проверить... или: Чтобы проверить). При этом и придаточные предложения, и целевой оборот воплощают одно из значений деепричастного оборота, т. е. ни один из этих вариантов полно и точно не передает его значения.

4. Деепричастные обороты со значением условия мало изучены. Некоторые замечания о них встречаем в статье Г. В. Валимовой «Особые случаи употребления деепричастий»⁸).

Значение ирреального условия имеют деепричастные обороты с деепричастием совершенного вида, относящимся к глаголу в форме сослагательного наклонения.

«Я знаю: солнце померкло б, увидев наших душ золотые россыпи» (Маяковский).

«Даже не получи я подобного приказа, все равно, пошевелив мозгами, я и сам бы пришел к такому выводу» (Беляев. «После удара торпеды»).

Здесь условное значение (особенно в постпозитивных конструкциях) затемняет значение предшествующего действия. Этим оборотам синонимичны придаточные ирреального условия (Если бы я пошевелил мозгами, я и сам бы пришел к этому выводу).

Обычно в деепричастных оборотах этого типа совмещается условное и временное значение. При этом условное значение выступает более дифференцированно от временного в постпозитивных деепричастных оборотах.

«Драться мы сможем, только соединившись с другими красными частями» (Островский. «Как закалялась сталь»).

Но и в этих оборотах временное значение чувствуется, хотя и менее сильно, чем условное. Поэтому им синонимичны условные придаточные с «если», однако возможна замена и придаточным с «когда».

⁸ Ученые записки Ростовского-на-Дону Гос. университета. Т. IV, вып. I, 1945 г.

В препозитивных же оборотах выступает недифференцированное условно-временное значение.

«Слобожане, встречая на улице гроб, останавливались» (Горький. «Мать»).

«Выходя в четыре часа утра из редакции, я не встречал на огромном расстоянии ни одной души» (Федин. «Горький»).

Деепричастным оборотам этого типа синонимичны и условные придаточные с «если» и придаточные с союзом «когда», которые имеют условно-временное значение (Если встречали гроб останавливались... и когда встречали гроб, останавливались...).

Нужно отметить, что придаточные с «когда», передающие условно-временное значение, в большинстве случаев ближе к деепричастным оборотам этого типа, чем придаточные с «если», передающие чисто условные значения.

У Обычно вид глагола-сказуемого придаточного предложения при замене совпадает с видом деепричастия, но если деепричастие совершенного вида относится к глаголу несовершенного вида в прошедшем времени со значением повторяемости, то вид глагола-сказуемого придаточного предложения становится несовершенным.

«Заметив в чужом необычное, Слобожане долго не могли забыть ему это» (Горький. «Мать») (Если (когда) Слобожане замечали в чужом необычное...).

Собранный материал свидетельствует о том, что деепричастия, входящие в состав деепричастного оборота со значением условно-временным, относятся почти всегда к глаголам несовершенного вида (прошедшее время со значением повторяемости или настоящее вневременное) или к будущему совершенному, но никогда не относятся к настоящему в своем прямом значении или к прошедшему времени совершенного вида.

Одна и та же конструкция поэтому может изменить свое значение, если изменить вид глагола-сказуемого. Следовательно, меняется и вид синонимичного придаточного.

«Не находя нужного слова, он (Рыбин) замолчал» (Горький. «Мать»).

Здесь причинное значение (так как не находил слова). Не находя нужного слова, Рыбин молчал — условно-временное значение, так как обозначается повторяемость (когда (если) не находил..., молчал).

Таковы обороты с условным значением. Из сказанного выше ясно, что деепричастные обороты обычно выражают условно-временное значение, за исключением тех оборотов, которые от-

носятся к сослагательному наклонению глагола и выражают чисто условное значение.

5. Деепричастные обороты, обозначающие действие, являющееся временным ориентиром действия глагола-сказуемого, характеризуются тем, что глагол-сказуемое и деепричастие относятся к различным лексическим разрядам глагола.

Чаще всего деепричастие образовано от глаголов движения или положения в пространстве (сидеть, бежать), а глагол-сказуемое может иметь разные значения: физического действия, речи, чувства, отвлеченного действия (мечтать), физических и физиологических процессов (похудеть, померзнуть).

«А те трое-молодцы, — в восхищении думал матрос, шагая в депо» (Островский. «Как закалялась сталь»).

«Возвращаясь домой, мать собрала все книжки» (Горький. «Мать»).

Реже деепричастие образовано от глаголов со значением физического действия, а глагол-сказуемое имеет значение чувственного восприятия (видеть), чувства (любить) или речи.

«Посмотрите, милые, посмотрите, — пробормотала мать, заваривая чай» (Горький. «Мать»).

Остальные случаи немногочисленны. Как видим, обороты этого типа могут занимать и препозитивное и постпозитивное положение. Постпозитивные обороты особенно ясно передают значение временного ориентира, поэтому они синонимичны придаточным времени с союзом «когда», так как этот союз является весьма общим по значению (. . . думал матрос, когда шагал. . .).

Препозитивные обороты также синонимичны этим придаточным, но в них нет ярко выраженного значения временного ориентира; они называют более самостоятельное действие, поэтому и замена не всегда является правильной. Возможно часто и разное осмысление их значений.

«Выйдя к чаю, Меркурий Авдеевич внимательно глянул на дочь» (Федин. «Необыкновенное лето») (Когда вышел, . . . взглянул или вышел и взглянул).

Легко определить значение временного ориентира, а следовательно, и говорить о возможности замены придаточным времени, если деепричастный оборот относится к обстоятельству времени.

«Павел мало бывал дома последнее время, отвык от матери и теперь, постепенно трезвея, пристально смотрел на нее» (Горький. «Мать»).

Для предложений с деепричастными оборотами этого типа характерно употребление глагола-сказуемого в форме настоя-

щего времени или прошедшего (совершенного или несовершенного вида).

Однако глагол несовершенного вида в прошедшем времени не может иметь значения повторяемости, так как в этом случае имеем деепричастный оборот с условно-временным значением, даже если перед ним стоит обстоятельство времени.

«Перед войной, проезжая эту станцию, Дибич всегда заходил в вокзал» (Федин. «Необыкновенное лето») (Когда проезжал или если проезжал).

Придаточные времени отличаются от деепричастных оборотов со значением временного ориентира тем, что с помощью различных союзов они могут передавать мельчайшие смысловые оттенки.

Деепричастные обороты не могут выразить этих оттенков, и поэтому они близки лишь к придаточным с «когда». Правда, иногда в деепричастные обороты входят слова «едва», «только что», что создает оттенок быстроты следования и приближает их к придаточным с союзами «едва», «только что».

«Едва услышав название станции, Дибич увидел перед собой уходящий ряд тарелок с оранжевыми кругами борща» (Федин. «Необыкновенное лето»).

Значение временного ориентира, как мы видим, деепричастные обороты, особенно препозитивные, передают менее отчетливо, чем синонимичные временные придаточные, иногда даже возможно двоякое осмысление значения оборота, чего не может быть в придаточных.

«Да и все повскакали, ожидая пуска фейерверка» (Гайдар. «Судьба барабанщика») (Когда ожидали... или так как ожидали...).

Итак, можно отметить, что обстоятельственное значение сильнее проявляется в постпозитивных деепричастных оборотах. Кроме того, обстоятельственное значение ощущается сильнее в зависимости:

а) от видовых форм деепричастия и глагола-сказуемого. (значение образа действия особенно отчетливо проявляется, если деепричастие совершенного вида относится к глаголу несовершенного вида),

б) от некоторых лексических средств (употребление слов «все же», «все-таки» в оборотах с уступительным значением).

Почти все деепричастные обороты с обстоятельственным значением, кроме большинства оборотов со значением образа

действия и с определительным значением, синонимичны придаточным предложениям с союзами «хотя», «если» и т. д. Однако придаточные отчетливо передают то или иное обстоятельственное значение, в деепричастных же оборотах (особенно препозитивных) ощущается и значение действия, сопутствующего главному действию, поэтому обстоятельственное значение в них проявляется очень неопределенно.

Следовательно, постпозитивные обороты ближе по значению к придаточным, чем препозитивные.

Кроме того, иногда деепричастные обороты могут быть осмыслены как передающие разные обстоятельственные значения. В этом случае без большого контекста трудно точно определить характер значения, что затрудняет и замену придаточными предложениями.

Деепричастные обороты очень часто передают недифференцированные значения (условно-временные, причинно-целевые и т. д.). Придаточные же чаще имеют конкретное значение, хотя при определенных условиях могут передавать и недифференцированные значения. Так, придаточные с «если» имеют условное значение, придаточные же с «когда» при сказуемых в определенных формах имеют условно-временное значение.

Т. И. Пабауская

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ А. П. ЧЕХОВА

Одним из существенных отличий между печатными вариантами произведений Чехова является отличие в области употребления иноязычной лексики и фразеологии. Устранение иноязычных слов и выражений из поздних редакций — частый вид правки при переиздании ранних рассказов, особенно отобранных для собрания сочинений.

В языке раннего Чехова иностранные¹⁾ слова занимают большее место, чем в языке позднего, употребляясь, главным образом, в комической функции, но также и в стилистически нейтральном плане. Широкое распространение иностранных слов в литературном языке во второй половине 19 века безусловно оказало влияние на молодого Чехова.

Стилистически нейтральный план свойствен преимущественно авторской речи: среди героев Чехонте не было по-настоящему культурных, интеллигентных людей, свободно и к месту пользующихся иностранными словами. Однако в большей части случаев иноязычной лексике и в авторской речи была присуща комическая окраска.

«Дуракам счастье, ваше превосходительство!» — *аккомпанировал женский голос* («На гвозде», 1883 год).

Пришлось опять *ретироваться* (там же).

«. . . сказал доктор, трогаясь за свою *куафюру*» («Жених и папенька», 1885 год).

«Он взъерошил волосы, напустил на лицо *меланхолию* и вышел с Поплавским на улицу» («Оратор», 1886 год).

«*Гипнотизм, медиумизм, бишопизм, спиритизм*, четвертое измерение и прочие туманы овладели им совершенно . . .» («Тайны», 1887 год).

Основной, как уже говорилось, была комическая функция. Широко использовались переносные значения и такое употреб-

¹⁾ В работе исходим из понимания термина Чеховым, т. е. относим к иностранным словам не только заимствованные, но и образованные от иноязычных корней на русской почве.

ление слов, которое вообще этим словам в литературном языке не было свойственно.

«Деталями, орнаментами и комментариями были: сметана, свежая икра, семга, тертый сыр» («Торжество победителей», 1883 год).

«Так укомплектовались, что папаша мой тайком расстегнул пуговицы на животе и, чтобы кто не заметил сего либерализма, накрылся салфеткой (там же).

Нередко — и это является одним из ярких комических приемов — иноязычные слова употребляются не только в несвойственном им значении, но еще и в таком контексте, благодаря которому слово совсем теряет свое обычное значение.

«... тот, который... этот самый обратился в *вещественный мираж*» («Оратор»).

«Сидите вы тут сиднем и кроме невежества не видать в вас *никакой цивилизации*» («Мораль»).

«Господа! Нас убивает *индеферентизм*! Будем же, пока молоды, нашептывать *баллады* женскому *полонезу* и глотать митральезы любви! Поднимаю фиал за здоровье молодых!» («Свадебный сезон», 1881 год).

«Что такое слезы человеческие? Одна только малодушная *психиатрия* и больше ничего!» («Перед свадьбой»). «За что тебя будет любить муж твой? За характер? За доброту? За *эмблему* чувств?» (там же). «Европейская *цивилизация* породила в женском сословии ту оппозицию, что будто бы, чем больше детей у особы, тем хуже. *Ложь! Баллада!*» (там же).

Язык ранних рассказов пестрит латинскими словами и изречениями, производными от латинских.

«Если ты достиг возмужалости и кончил науки, то *recipe: feminam unam* и приданого *quantum satis*» («Два романа»). «Одним словом, *зажил lege artis*. Ее *habitus* не плох» (там же).

«*O tempora, o mores!*» («Перед свадьбой», «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»).

«В первом полугодии я застал у нее фендрика, который лбызал ее (фендрики любят *gratisные* удовольствия)» («Роман репертера»).

Латинские изречения употреблялись не только в соответствии с их подлинным смыслом: нередко Чехонте специально искажал их содержание, иногда сопровождая латинский текст своим «переводом».

«Фраза «*Vanitas vanitatum et omnia vanita*» (Чепуха чепух и всяческая чепуха) выдумана флегматиком» («Темпераменты»).

«*Plenum venter non studet libentur!* — поет он, наконец. — *Imperfectum coniunctivi passivi!*» «В переводе сие значит: «О лучше убей меня, но выйди! Коли не выйдешь; кровь моя брызнет в твоё окно» (примечание переводчица)» («Отверженная любовь»).

Классическим стал «рецепт» из «Ночи перед судом»:

«Rp: *Sic transit* 0,05
Gloria mundi 1,0
Aquae destillatae 0,1

Через два часа по столовой ложке

Г-же Съеловой

Д-р Зайцев».

Многие французские и немецкие слова в комических целях получают совершенно неожиданное употребление:

«Вашей супруге от меня почтительное *резюме*» («Папаша», 1880 год).

«Молодые жены нынче уж слишком того... *рандеву, соус провансаль*» («В почтовом отделении», 1883 год).

«Прощайте-е! *Шпрехензи! Гебензи!*» («Забыл», 1882 год).

«Думал, что ты честный человек, а выходит, что ты... *хапен зи гевезен*» («На магнетическом сеансе», 1883 год).

«Сколько раз говорил себе: не заводи ты *бламанже* с прислугой» («Беззаконие», 1887 год).

Вводя в речь персонажа искаженные иноязычные слова и выражения (в русской транскрипции), Чехов мастерски воспроизводит особенности «французско-нижегородского диалекта» мещан, считавших себя «в родстве с европейской цивилизацией». Этот жаргон высмеян писателем в нескольких строчках письма «От Нади N. к Кате X.» («И то и се»): «Вчера я была в театре и видела там Сару Бирнар... очень странно Катя я говорю отлично по-французски но ничего не поняла что говорили на сцене актеры говорили как то иначе».

Чехов использует те функции иноязычных слов и выражений, в каких они вообще употреблялись в языке художественной литературы. Будучи автором преимущественно комических рассказов, он, естественно, широко пользуется иноязычными словами как средством усиления комического эффекта. Внешне здесь как будто нет отличия Чехова от авторов — сотрудников юмористических журналов. Основным персонажем юмористики 80-х годов был купец — на страницах журнала процветала ку-

печеская речь, даваемая, разумеется, в утрированном виде. Иноязычная лексика широко привлекалась для создания «галантерейной» речи купцов, мещан, употребляясь часто не в соответствии со значением, в искаженном виде. Для «осколочной» литературы характерно злоупотребление этими приемами.

Вообще рассказы, фельетоны, всевозможные «мелочишки» и «финтифлюшки» журналов едва ли не в равной степени насыщены вульгарно-книжной «галантерейностью», чем диалектно-просторечной лексикой. На долю литературной русской речи оставалось мало места, да авторы и не заботились об этом.

«Психопатство это самое у них началось. Этот умный, бывало, февороки делал, лектричество показывал, зажженные лучины в рот брал и насчет спиритивизма». ²⁾

«Что за конгресс такой неожиданный! И зачем вы меня на оное заседание призвали? — сказал сын, зашелкивая задвижку двери. — Ах, вон она, римская-то курия сидит! . . . Вижу сваху, а все-таки без понятия в своем умственном воображении, что этот самый ультиматум изображает».

«Я так полагаю, что ежели насчет моей собственной персоны оная сваха, то это большой конфуз при моем образовании, потому что я ее, по ейному ремеслу, считаю за самую пресмыкающуюся инфузорию. И даже хуже . . . Просто за микробу».

«Я не понимаю, для чего вся эта адвокатура собственных слов, ежели можно сказать прямо. Я уж и так теперь сразу понял воображение ваших мыслей». ³⁾

«Ну, вот так альбом неожиданный!» ⁴⁾

Сопоставительное изучение места и роли иноязычных слов и выражений в текстах раннего Чехова и других «осколочных» авторов показывает большое чеховское мастерство. Даже в тех случаях, когда Чехов несколько злоупотреблял этими элементами, у него не встретим такого нагромождения искаженных иноязычных слов, как это сплошь и рядом наблюдаем у других авторов. Взяв некоторые традиционные приемы юмористики 80-х годов, Чехов творчески развил их.

Если говорить о том, что Чехов сделал маленький рассказ достоянием большой литературы, то это же можно сказать и об отдельных художественных приемах.

Со второй половины 80-х годов место и функции иноязычной лексики в языке чеховских произведений изменяются.

²⁾ Н. Лейкин «У особы», ж. «Осколки», 1885 г., № 8.

³⁾ Н. Лейкин «Вьюноша на жениховской зарубке», ж. «Осколки», 1885, № 9.

⁴⁾ Он же, «Будущий солдат», ж. «Осколки», 1885, № 45.

Одним из главных героев творчества становится интеллигенция — расширяется круг иноязычных слов и выражений, употребляемых в стилистически нейтральном плане, наравне или почти наравне со словами собственно русскими. Реже отмечается обращение к иностранным словам в качестве средства юмора.

В это время взгляды Чехова на возможности иноязычных слов в художественном произведении вполне сложились как и по другим вопросам писательского мастерства. Они и нашли свое практическое воплощение в редактировании ранних произведений в 90-е—900-е годы. Немногие сохранившиеся рукописи этих лет не дают случаев вычеркивания иноязычных слов и выражений — эти произведения создавались в полном соответствии с выработанными к этому времени взглядами.

В процессе правки корректур вычеркивались иноязычные слова, лишенные яркой экспрессивной окраски. Почти все исправления касаются авторской речи, для которой преимущественно и был характерен такой план использования иностранных слов. В большей части случаев вычеркнутые слова (выражения) заменялись русскими, чаще всего синонимами, а иногда просто устранялись безо всякой замены вместе с предложением, в состав которого они входили, или его частью.

Основным критерием для Чехова была степень употребленности иностранного слова в русском языке, возможность замены его русским, уместность его в контексте.

«В кухне происходило нечто, по его мнению, (экстраординарное) **необыкновенное**,⁵⁾ доселе невиданное» («Кухарка женится»); «(Альфа и омега кухни) кухарка Пелагея возилась . . .» (там же).

Подобные иностранные слова и выражения были, действительно, неуместны в предложениях, являющихся передачей мыслей семилетнего ребенка. Кроме того, стилистически неудачным было соседство слов «экстраординарное» и «доселе» в первопечатном варианте. «. . . ей кажется, что даже (в воздухе пахнет тиранией и деспотизмом) **воздуху тяжело**» («Необыкновенный»). Такие слова, как «тирания», «деспотизм» не подходили к облику акушерки.

Заменены иноязычные слова и в последней редакции (в тексте собрания сочинений) рассказа «В Москве на Трубной площади» (первоначальное заглавие «В Москве на Трубе»):

⁵⁾ Здесь и дальше в скобки заключены слова, устраненные в процессе редактирования, подчеркнуты вставки.

«На свою неволю он давно уже махнул лапкой и на голубое небо давно уже глядит (индифферентно) **равнодушно**. Должно быть, (за этот свой индифферентизм) **за это свое равнодушие** он и почитается рассудительной птицей».

В рассказе этом, имеющем «чисто московский интерес», по определению самого автора,⁶⁾ значительную часть словаря составляют русские или давно обрусевшие названия птиц, рыб, овощей, одежды, рыболовных снастей (щеглы, чижи, красавки, дрозды, синицы, снегири, карасики, вьюнки, бобы, капуста, тудупы, бекеши, лески, крючки), и иноязычные слова «индифферентизм», «индифферентно», «рельефнее» были теми шероховатостями, которых не мог не заметить поздний Чехов.

Вероятно, по сходным мотивам произведены замены иностранных слов в рассказе «Тосква», «Пересолил».

«Извозчик чмокает губами, вытягивает по-лебединому шею, и больше по (традиции) **привычке**, чем по (необыкновенности) **нужде**, машет кнутом» («Тоска»). «Бледность фонарных огней уступает свое место живой краске, и (гул уличной суматохи достигает своего «forte») **уличная суматоха становится шумнее**» (там же).

«Этак мы свою дорогу поедем? — спросил землемер, чувствуя сильную тряску и удивляясь способности русских возниц (комбинировать) **соединять** тихую, черепашую езду с душой выворачивающей тряской» («Пересолил», текст сб. «Пестрые рассказы», 2 изд., 1892 год).

Подобные замены выявляются при сопоставлении ранних и поздних редакций многих рассказов.

«Во второй половине шестого года узник усердно занялся (лингвистикой) **изучением языков**» («Пари»). «И весь мир, вся жизнь показались Рябовичу непонятной, бессельной (мистификацией) **шуткой**» («Поцелуй»). «Манечка (манежничала) **вдохновенно, с надеждой глядела в потолок**» («Приданое»). «Он начал импровизировать» — «**Офицер вздохнул и сказал . . .**» («Красавицы», сб. «Между прочим», 1894 год).

«Тяжело спускаясь вниз по лестнице, растопырив руки для (баланса) **равновесия . . .**» («Жена»). «Вышла она не по любви, а тронутая любовью кандидата прав, который, как говорят, прекрасно (симулировал) **разыгрывал** влюбленного» («Пустой случай»). «Были дни, когда он не обе-

⁶⁾ См. А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем, М., Гослитиздат. 1944—1951. Письмо к Н. А. Лейкину от 19 сентября 1883 года, т. 13.

дал и ходил с пустым портсигаром, но его всегда видели чистеньким (галантным) **одетым по моде** . . .» (там же).

« . . . Одно лишь портило его настроение — это грибы, бабья, мужицкая проза, (шокировавшая) **оскорблявшая** его величие» (там же).

«Мне всегда казалось, что богатство ощущается и что у богачей должно быть свое (специальное) **особенное** чувство, неизвестное беднякам» (там же).

«Теперь я вижу жену не в окно, а вблизи себя, в обычной домашней обстановке, в той (теплой, ласкающей атмосфере) **самой**, которой недостает мне теперь . . .» («Жена»).

В последней редакции «Степи» Чехов устранил слова «сентиментальное» и «финал»: « . . . лицо стало (сентиментальным) **ласковым**», « . . . (финал беседы) **беседа** Варламова».

В некоторых случаях иноязычные слова вычеркивались без замены их русскими:

«Нафанаил вытянулся во фронт и (инстинктивно, по рефлексу) застегнул пуговицы своего мундира» («Толстый и тонкий», редакция для сб. «Пестрые рассказы», 1886 года).

« . . . быстро вышел в гостиную, но тотчас же вернулся и сказал (энергически размахивая правой рукой): **Убедительно** прошу . . .» («Жена»).

« . . . лакей во фраке и в белой, как снег, манишке, не выпавшийся, озябший и, вероятно, очень недовольный своей жизнью, бежит по платформе и несет на подносе стакан чаю с двумя сухарями (чтоб не расплескать чай, он откинул назад голову и балансирует локтями)» («Холодная кровь», редакция для сб. «Хмурые люди», 1890 года).

По нескольким рассказам прослеживается замена одних и тех же иноязычных слов, а также слов одного корня.

« . . . в этой безвкусице было что-то характерное, (специфическое) **особенное**» («Припадок»). « . . . быть может, моя грусть была тем (специфическим) **особенным** чувством, которое возбуждается в человеке созерцанием настоящей красоты, бог знает!» («Красавицы»). «Нет того мужа, жена которого жила бы вечно, но тут эта смерть имела что-то (специфическое) **особенное**» («Старый дом»). «(Специфически) **собственно** еврейского в комнате не было почти ничего, кроме разве одной большой картины, изображавшей встречу Иакова с Исавом» («Тина»).

« . . . Это сильно молодило ее и придавало мягкость ее быстрым, иногда резким (жестам) **движениям**» («Жена»). « . . . она, разговоривая, (жестикულიровала) двигала паль-

цами» (там же). «Баба швырнула к его ногам топор, со злобой плюнула и, судя по (резкой жестикуляции) выражению губ, стала браниться» («Нищий»).

Слово «экстраординарный» удалено не только из рассказа «Кухарка женится» (см. выше), но и из произведения «Страхи»: «Сам по себе он не представлял ничего (экстраординарного) особенного . . .»

Выше приводились примеры предложений, из которых были удалены слова «баланс» и «балансирует» («Жена», «Холодная кровь»).

Таким образом, материал правок вполне подтверждает те места писем Чехова, где излагается его взгляд на иноязычную лексику.⁷⁾ Как видно из приведенных примеров, писатель прежде всего заменял такие «не коренные русские» слова, которые имели синонимы в нашем языке, то есть без них вполне можно было обойтись в тексте художественного произведения.

Надо сказать, что в произведениях Чехова (если оставить в стороне некоторые ранние, слабые, где отразилось злоупотребление иностранной лексикой) почти не встретим слов, не утративших иноязычной окраски, не распространившихся широко в русском литературном языке. В произведениях, подготавливавшихся к переизданию в конце 90-х — в начале 900-х годов, таких слов очень и очень мало. В корректуре они, как правило, снимались как малоупотребительные, временные в языке:

«*Антре* показалось ей великолепным» — «*Лестница* показалась ей роскошной, великолепной» («Знакомый мужчина», в первоначальном варианте «Немножко боли»).

«Золоченое и устланное коврами *антре* глядело внушительно, сурово» («Переполох») — все предложение было исключено в последней редакции так же, как и другое: «Этих супов *претаньеров, эстуржонов да желиксотов* — ни боже мой».

«Это был муж (леди) *пожилой дамы*» («В море»). «Все это было залито (наркотическим) розовым светом . . .» (там же).

Но исправления текста, содержавшего иностранные слова, имеют более сложный характер, чем это может показаться с первого взгляда. Употребление иноязычной лексики и фразеологии у Чехова всегда обусловлено характером конкретного произведения, и в некоторых рассказах найдем как раз те слова,

⁷⁾ «Я писал Вам . . . о неудобстве иностранных, не коренных русских или редко употребительных слов» (Письмо А. М. Горькому от 3 января 1899 г., т. 18, стр. 11).

которые он вычеркнул из других или против которых возражал в письмах. Нередки случаи устранения только части иноязычных слов.

В последней редакции рассказа «Припадок», например, заменены не все иноязычные слова. В тексте были три сходно звучащие предложения, в каждом из которых имелось слово «циническая», а в двух — слово «фраза». Редактируя произведение для собрания сочинений, Чехов произвел только следующие замены:

«... произнесла (циническую) **отвратительную фразу**»,
«... осыпать (циническими фразами) **грязными словами**».

Предложение «Вдруг она чему-то захохотала и сказала громко, так, что все слышали, длинную циническую фразу» осталось без изменений.

Заменив слово «специфическое» русским «особенное» (пример выше), автор оставляет в тексте «импонирующий»: «... чувствовался все тот же стиль С-ва переулка, но усовершенствованный, импонирующий».

Если бы Чеховым руководило только желание очистить текст от нерусских слов, он вычеркнул бы и эти.

Очевидно, что освобождение текста от иноязычных слов не являлось самоцелью, а было составной частью работы над языком. В «Припадке», в частности, Чехов стремился, вероятно, избежать и перегрузки текста иноязычной лексикой и, кроме того, вообще повторения одних и тех же слов и словосочетаний.

То же наблюдается в редактировании рассказа «Беда», в процессе чего были заменены из иноязычной лексики только «перетурбация» словом «беспорядок» и в одном случае из двух — «философствовал» словом «говорил». Думается, что здесь Чехов хотел не только и не столько освободиться от иноязычных слов, сколько вообще стилистически выправить текст. Глагол «философствовал» повторялся дважды в сходном контексте: «На другой день после переполоха купец Авдеев, член ревизионной комиссии банка, сидел с приятелями у себя в лавке и философствовал»; «Вернувшись к себе в лавку, он опять выпивал, закусывал икрой и философствовал».

Замена «философствовал» — «говорил» была произведена только в первом из приведенных предложений. Отказ от слова «перетурбация», возможно, объясняется тем, что оно имело несколько иронический оттенок, не уместный в данном случае.

В тексте рассказа «Тссс!» иноязычное «монолог» было устранено:

«(Читает он монолог) **говорит он это**, потрясая кулаком и вращая глазами», но в то же время оставлено: «... деспотизм и тирания над маленьким муравейником...», хотя слова «дес-

потизм» и «тирания» были сняты в последнем варианте рассказа «Необыкновенный».

В одном из писем к Л. А. Авиловой Чехов возражал против слова «лабиринт» в ее произведении, однако оставил его в своем рассказе «Загадочная натура», в речи «писателя» — автора «новэлл».

Заменив в тексте нескольких произведений слова «жест», «жестикულიровать», «жестикულიация» (примеры см. выше), автор оставил глагол «жестикულიровал» в отредактированном для собрания сочинений тексте комического рассказа «Антрепренер под диваном»:

«И отойдя, он все жестикულიровал и говорил . . .»

Как показывают правки, иноязычная лексика и фразеология устранялась, главным образом, из авторской речи. В речи действующих лиц Чехов допускал более широкое ее употребление. Видимо, не случайно в письме к А. М. Горькому сделана оговорка относительно иностранных слов в описаниях: «. . . флирт» и «чемпион» возбуждают (когда они в описаниях) во мне отвращение».⁸⁾

Что касается иноязычных слов и выражений, выполнявших комическую функцию, то они почти полностью перешли в позднейшие редакции, например:

«Он наблюдает, изучает, улавливает эту *эксцентрическую*, загадочную натуру, понимает ее, постигает . . . Душа ее, вся ее *психология* у него, «как на ладони» («Загадочная натура»).

«Эти выскочили из облаков и *заканканировали*» («Восклицательный знак»).

«Гляжу на осетра и от удовольствия . . . от *пикантности* губами чмок» («Клевета»).

Случаи устранения иностранных слов здесь буквально единичны:

«Шуточки этак, прибауточки всякие, (консуме) *анекдотцы*» («Разговор»): «Эти (антраша) *прыжки* меня еще более согрели» («Ночь перед судом»).

В «Трагике» в каждой из реплик антрепренера Лимонадова имелись иноязычные слова; все они сохранены в поздней редакции, кроме одного:

«Ты ему мотивы, мотивы ты ему!» «Глупо и нерационально отказываться от такого случая!» «Функции своей не знает . . . У всякого (индивидуя) *человека* есть своя функция».

⁸⁾ Письмо А. М. Горькому от 3 января 1899 г., т. 18, стр. 11.

Из «Торжества победителя» Чехов исключил лишь «принципал» и «vous compregenes», оставив все другие иностранные слова.

Следовательно, использование элементов иностранной лексики и фразеологии в качестве средства юмора Чехов считал вполне художественно оправданным.

Таким образом, сопоставительное изучение редакцией вариантов позволяет лучше понять позиции писателя в области употребления иноязычной лексики и фразеологии в художественном произведении

Для собрания сочинений Чехов отбирал лучшие рассказы, отмеченные высоким мастерством уже в первых своих вариантах. Иноязычные слова в них в отдельных случаях были, действительно, неуместны, в иных же — довольно привычны, и, несомненно, у читателей не вызвали бы возражений. Однако Чехов, видимо, ощущал их как те «шероховатые черточки», о которых писал он Горькому:

«У других авторов такие слова . . . проходят незаметно, но Ваши вещи музыкальны, стройны, в них каждая шероховатая черточка кричит благим матом».⁹⁾

Освобождение текста от сравнительно большого числа иностранных слов сделало язык произведений еще совершеннее.

⁹⁾ Там же.

Т. И. Пабауская

МЕСТО ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА

В комментариях ко многим произведениям Чехова в Полном собрании сочинений и писем при указании на существование нескольких печатных редакций нередко отмечается, что, готовя рассказ к переизданию, Чехов последовательно устранил или заменял просторечную лексику.

Соответствующие разночтения не раз привлекались авторами критических статей в доказательство того положения, что Чехов осуждал введение просторечной (и диалектной)¹⁾ лексики в художественное произведение.

Такой вывод делается и на основании некоторых его писем.

«Мы-ста» и «шашнадцать» сильно портят прекрасный разговорный язык. Насколько я могу судить по Гоголю и Толстому, правильность не отнимает у речи ее народного духа».²⁾

«Лакен должны говорить просто, без пушай и без теперича».³⁾

«... всю музыку Вы испортили провинциализмами, которыми усыпана вся середка...»⁴⁾

А. М. Горькому Чехов советует «не пощадить в корректуре «сукиных сынов», «кобелей» и «пшибздииков», мелькающих там и сям на страницах «Жизни».⁵⁾

Однако вопрос этот представляется более сложным. Некоторые цитаты, будучи оторванными от текста письма, получают иногда толкование, не вытекающее из самого текста. Чехов

¹⁾ В статье рассматривается вопрос о месте просторечной лексики и диалектизмов, получивших широкое распространение; последние в словарях современного русского языка нередко относятся к просторечию. Поэтому в работе пользуемся термином «просторечно-диалектные слова».

²⁾ А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в 20-ти томах. Письмо Е. П. Гославскому от 23 марта 1892 г., т. 15, стр. 352.

³⁾ Письмо Ал. П. Чехову от 8 мая 1889 г., т. 14, стр. 362.

⁴⁾ Письмо И. Л. Леонтьеву (Щеглову) от 22 февраля 1888 г., т. 14, стр. 47.

⁵⁾ Письмо А. М. Горькому от 3 сентября 1899 г., т. 18, стр. 221.

вовсе не отрицал так безоговорочно просторечную и просторечно-диалектную лексику, как об этом можно думать на основании приведенных отрывков из его писем. Строчки о «мыста» и «шашнадцать» в общем верно выражают отношение писателя к этой лексике. Однако он не был здесь чрезмерным пуристом. В его произведениях, не только ранних, но и поздних, подобные слова и выражения встречаются не так редко. При редактировании в 90-ые годы ранних рассказов Чехов вычеркивал много слов и выражений просторечного характера, но не мало и оставлял.

Изучение материала правок, сравнительный анализ текстов ранних и поздних произведений, знакомство с произведениями, по поводу которых Чеховым были написаны цитированные письма — все это и позволит правильно понять взгляды писателя на возможности использования просторечия и областной лексики в языке художественного произведения, установить роль и место этих лексических пластов в текстах его рассказов.

Рассказы Леонтьева-Щеглова и пьеса Гославского «Солдатка» перегружены просторечными словами, вульгаризмами, областной лексикой.

Кабачки, зачинять (затворять), *туфляк* (тюфяк), *мундерная* (мундирная), *куррей* (кур) и т. п.; обильно представлена жаргонная лексика: *кулдыбахи* (пьяницы), *присяга* (казенный мундир), *корабли* (сапоги).⁶⁾

«Один не *пондраву*, другой не по *скусу*, а третий, глядишь, и приглянулся». «Как лежала *это* у нас в кадушке прядево, мое, значит, и *ейное*... в одной, стало быть, в кадушке. Только лежало в *этой* самой кадушке *ейного* прядева одиннадцать горстей, а моего-то *шашнадцать*. Вот хватилась я *онамнясь*... *пятех* горстей в нем нету». «*Нетста талану* горюну Кирюхе... не девченоккой *повстречалась-ста* любушка, а чужемужнею женой».

Одначе, али, пондравилсь, куды, пущай, кубыдто, теперича — этими и подобными словами пестрит речь действующих лиц пьесы не в меньшей степени, чем рассказ Щеглова.⁷⁾

Чехов резко осудил рассказ Щеглова «Идиллия» именно за большое количество провинциализмов. Зная, что автор любит эту вещь, Чехов все-таки заявил, что считает ее хуже остальных.

«Идиллию я ставлю в конце всего, хотя и знаю, что Вы ее любите. Начало и конец прекрасны, строго и умело выдержаны, в середине же чувствуется большая распушенность. Начать хоть с того, что всю музыку Вы испортили провинциализмами, кото-

⁶⁾ См. Леонтьев-Щеглов. «Идиллия». Сб. «Первое сражение». СПб, 1887.

⁷⁾ Е. П. Гославский. «В разлуке», ж. «Артист», 1894, кн. 9.

рыми усыпана вся середка. Кабачки, отчини дверь, говорить и проч. — за все это не скажет Вам спасибо великоросс... Язык щедро попорчен...»⁸⁾

О пьесе Гославского написаны строки о «мы-ста» и «шаш-наддять», но ведь в этом же письме полстраницей раньше Чехов назвал язык этой пьесы великолепным.

Вероятно, возражения Чехова вызвало не вообще присутствие просторечно-диалектной лексики, а явное злоупотребление ею в языке обоих авторов. Разницу же в оценке произведений Гославского и Щеглова надо объяснять тем, что Чехов по-разному подходил к возможностям авторской прямой речи. Ведь у Щеглова авторская речь засорена не менее прямой.

Подтверждение этому предположению находим и в отзыве о рассказе Леонтьева-Щеглова «Кожаный актер», высоко оцененном Чеховым. Историю жизни и смерти маленького человека, «кожаного актера», о трагической судьбе которого Щеглов повествует с симпатией, сочувствием, иногда мягкой иронией, Чехов назвал превосходным. Он не мог пройти мимо отдельных погрешностей языка («Только на кой черт в этом теплом ласковом рассказе сдались Вам такие жителевские перлы, как «облыжный», «буттербродный» и т. п.?»,⁹⁾ однако интересно, что в качестве самого удачного места, Чехов выделил эпизод с появлением «малого в дубленом полушубке», который произносит все время несколько слов: «Дяденька, я *оттеле* прислан, велели *приттить*». Просторечно-диалектные слова в его реплике не вызывают ни малейшего возражения со стороны Чехова.

Таким образом, Чехов связывает возможность употребления диалектно-просторечных слов с жанром, спецификой, а также размером произведения. Не случайно ведь в письме к Жиркевичу говорится о неуместности таких слов в небольшом рассказе: «Провинциализмы, как «подборы», «хата», в небольшом рассказе кажутся шероховатыми, не только провинциализмы, но также редко употребляемые слова вроде «разнокалиберный».¹¹⁾

Вряд ли можно считать безоговорочным осуждением диалектизмов и строчки из письма к Васильевой, переводчицы произведений Чехова на английский язык: «Латанный» — это не русское, а скорее южнорусское слово. Вы были правы, когда

⁸⁾ Письмо И. Л. Леонтьеву (Щеглову) от 22 февраля 1888 г., т. 14, стр. 46—47.

⁹⁾ Письмо И. Л. Леонтьеву (Щеглову) от 21 октября 1888 г., т. 14, стр. 418.

¹⁰⁾ См. И. Л. Леонтьев-Щеглов. «Кожаный актер». Сб. «Первое сражение». СПб, 1887 г.

¹¹⁾ Письмо А. В. Жиркевичу от 22 апреля 1895 г., т. 16, стр. 235.

забраковали его, и если бы я теперь читал корректуру, то исправил бы так: «заплатанный».¹²⁾

Речь здесь идет о частном случае; после переиздания произведений Чехов в ряде случаев оставлял диалектизмы первых вариантов (см., например, «Степь», «Счастье»).

Одним из критериев для Чехова было, вероятно, и то, как широко распространена, насколько понятна была подобная лексика.

Обратимся к художественной практике писателя.

В употреблении просторечной и просторечно-диалектной лексики и фразеологии имеется заметное различие между Антошей Чехонте и Чеховым.

Среди ранних рассказов и фельетонов Чехова трудно найти такие, в словарном составе которых отсутствовала бы просторечная лексика. Особенно употребительны формы, представляющие собой отклонения от соответствующих литературных в области фонетики, словообразования и морфологии, а также вульгарная, бранная лексика.

Выступали эти слова, главным образом, в своих традиционных функциях: в качестве средства характеристики людей, не владеющих литературной речью, и особенно часто как средство юмора и сатиры. В ранних рассказах Чехов широко пользуется грубой просторечной лексикой с яркой экспрессивной окраской, придававшей речи автора и персонажей грубовато-фамильярный оттенок, что было всецело в духе юмористических журналов того времени.

«Выдержав экзамен, Гвоздиков сел на конку и за шесть копеек (он ездил всегда «на *верхотуре*») доехал до заставы. От заставы до дачи, версты три, он *пропер пехтурой*» («Свидание хотя и состоялось, но . . . , 1882 г.).

«Она порешила, что художник *втюрился* и торжествовала». «Идет, *каналья*, мимо — и не посмотрит даже, как будто бы она перестала быть красавицей». «Ногтев блуждал и *запускал глазенана* на ее окна» («Скверная история»).

«Кто никогда не ездил и не *шлялся* на охоту, тому не понять этих радостей». «Мы готовы были *слопать* друг друга и *не слопали* только потому, что не знали, с какого конца начать лопать» («Двадцать девятое июня» (Рассказ охотника, никогда в цель не попадающего)).

Персонажи Чехова употребляют просторечную лексику часто наравне с обжелитературными словами, как привычную им.

«Да и *пожрем* же мы сейчас, братцы, — мечтал вслух именинник, — *страсть*, как *пожрем*» («На гвозде»).

Молодой муж, повествуя о своем счастье с «цыпочкой», часто прерывает рассказ восклицаниями такого характера:

«Ну, не *идиотина* ли я? Не *курицын* ли сын?» «... Экая я *идиотина!*» «Эх, жалко, зеркала нет, поглядел бы на свою *мордолизацію*» («Счастличик»).

Молодой человек объясняется в любви: «Я, Надежда Петровна, как только вас увидел, так сразу и *втюрился*, полюбил то есть» («Который из трех»).

Учитель уездного училища Щупкин любезничает с девицей:

— Стихи и я могу написать вам, ежели желаете.

— О чем же вы писать можете?»

— О любви... о чувствах... о ваших глазах... Прочтете — *очумеете*... Слеза прошибет». («Сорвалось»).

Просторечия являлись средством усиления комического эффекта.

С явно комической целью вводится просторечная, чаще всего, грубая, вульгарная лексика в обращении супругов, в характеристики, даваемые ими друг другу:

«Ты что же это ничего не *трескаешь*?»

Все мне, махамет, известно, у-у-у... варвар» («Клевета»).

«Лысая образина», «Пьяная образина» («Перед свадьбой» 1880 г.).

В какой-то степени можно говорить и о сатирической функции просторечной лексики, являвшейся средством саморазоблачения власть имущих и представителей «интеллигенции» (учителей, актеров, высших военных чинов).

«*Нико-ся!*» — сказал генерал с презрением и поднес к лицу его два кукиша... *Нико-ся* («Лошадиная фамилия»).

«Давай на радостях шампанского *стебанем*; «Вы *рехнулись?* *Шаромыжка!*» (слова генерала, «Опекун»).

«*Нуко-ся*, «*Это я тово*» — слова учителя чистописания Ахинеева («Клевета»).

«*Лопни мои глаза!*» — клянется помощник классных наставников Ванькин (там же).

«Сижу, как *подлец* какой-нибудь, как каторжный, и на воду гляжу, как *дурак* какой-нибудь». «Стоит, как *чучело*, и *бельмы* на воду *тарашит*, «*чортова кукла*», «*каналья*», «*дурища*», «*брехать*» («Дочь Альбиона»).

«... *дьявол*, *пьяная морда*, *подлец*, *убью*, *ра-р-разбойника!*» («Темною ночью» 1883 г.).

Обращение начальника к подчиненному, лица высокопоставленного к «мелочи»:

«Лопай!» («Торжество победителя», 1883 г.).

«... а плевать мне», «... выходи к свиньям собачьим», «Как бы в шею не влетело», «черти черномазые» — слова богача Пятигорова, обращенные к местной интеллигенции («Маска», 1884 г.).

Грубые, бранные слова, обращенные к детям, несомненно характеризуют говорящего в отрицательном плане:

«Врешь! Врешь, дрянной мальчишка, — раздражается Зайкин более и более. — Ты всегда врешь! Высечь тебя нужно, свиненка эдакого! Я тебе уши оборву!» («Лишние люди», 1886 г.).

«Пошел, стань в угол, скотина!» «Болван!» «Ты знаешь, мерзкий мальчишка, сколько ты мне стоишь?» «Хочешь, чтоб я тебя подлеца эдакого, высек?» («Отец семейства» 1885 г.).

Если в рассказах, откуда приводились примеры, употребление лексики сниженного стиля было художественно мотивировано (в большей части случаев), то этого нельзя сказать о целом ряде других произведений, созданных преимущественно в самые первые годы творчества. Речь действующих лиц в них перенасыщена просторечием безо всякой на то необходимости: бережись, чтоб мне провалиться на этом самом месте, за компанию, жисть, кажинный, откудова («За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»), от родителей, за волосья, у кажинной дуры, пондравится, касательно («Дура или капитан в отставке»). Подобных слов много и в первопечатных вариантах рассказов «Драма в циркульне», «Мораль», «Сапоги» и др. И в употреблении бранной лексики и фразеологии молодому писателю иной раз изменяло чувство меры. Вероятно, «погоней за юмором» объясняется явное нагромождение бранной лексики и фразеологии в рассказах и фельетонах начала 80-х годов:

«Что вы дурака корчите?» «Да ты, тещюшка, белены что ли объелся?» «Вы, чтоб вас возьми, вечно лезете со своим ученым носом не в свое дело!» «Прошу не орать...» «Стой, скоты!» «Врет, как свинья!» «Суконное ры... мужлан!» («Двадцать девятое июня»).

«... невыносимейший в мире человек, известный всей губернии скандалист, брат Егора Егорыча, отставной капитан 2 ранга Михей Егорыч!» («Петров день», 1881 г.) говорит почти одними грубыми бранными словами:

«... ты Иуда, скотина, свинья! ... Отчего ты не разбудил меня, осел, я тебя спрашиваю, подлеца эдакого? ... Я

его только раз... смажу...»

«А что, акула? ... чья взяла?»

«Он родной осел, ваше превосходительство, а не брат!»

В ранних фельетонах так же, как во многих рассказах, диалогах множество бранных слов:

— А ежели в моррду?

— Асел!!

— А ежели... Ты сам осел! Филантроп!

— Сволочь! Чего руками махаешь?

— Вдарь! Да ты вдарь! («Салон де Варьете»).

Для языка ранних юмористических произведений, написанных от первого лица, типичен рассказ «Пропавшее дело» 1882 года.

Рассказ ведется от лица одного из обычных персонажей Антоши Чехонте — мелкого чиновника, охотящегося за невестой с большим приданым. Его речь близка речи многих подобных «героев». В нее включено значительное количество элементов сниженного стиля, например:

«Чорту нужно было дернуть меня за язык», «Я опросто-волосился», «Когда я пришел в себя и вспомнил, где я, и какую грандиозную пакость соорудил мне мой язык, я взвыл».

Примером злоупотребления просторечной лексикой является язык рассказа «Барыня» (1882 г.): «*чертовка*», «*сатана*», «*прохвост*», «*кобыла*», «*корова*», «*осел*», «*свинья*», «*проклятый*», «*окаянный*», «*сбрехал*», «*стыдно сопля распускать*», «*повылазило у тебя нешто*», «*пусть подохнут, окаянные, от злости*», «*пуццай*», «*не напужало*», «*перепужалась*», «*фцициант*», «*ндравятся*».

Такая перегруженность речи крестьян вульгарной, бранной лексикой и фразеологией, искаженными литературными словами не способствует созданию глубокого, индивидуального характера, чувствуется недостаточное знание подлинного крестьянина.

Рассказ принадлежит к несовершенным вещам раннего Чехова. Его характеризуют мелодраматизм, большая растянутость, неглубокие, неяркие образы.

То же в рассказе «Ты и вы»:

«*Рожа пухлая, красная, глазищи наружу лба выперло, а сам так и качается... Выпивши, чтоб его разодрало!* Люди еще из обедни не вышли, а он уже *набарабанился* и чорта потешает». «Какой ты такой, спрашиваю, мировой судья, что имеешь *полную праву* меня бить?» «А он, не говоря худого слова, трах поперек ейной спины».

Творчество писателя по своему идейно-художественному уровню в этот период очень неоднородно: с истинно художественными произведениями у Антоши Чехонте соседствуют слабые безвкусные вещицы. Такая же неравномерность — и в употреблении просторечия в языке его произведений. Недостаточно еще развитый художественный вкус, отсутствие той высокой требовательности, которая отличает позднего Чехова, работа на заказ, необходимость заботиться о том, чтобы рассказ был посмешнее, понравился бы редактору и читателям — этим в значительной степени объясняется чрезмерное в ряде случаев увлечение просторечием.

«Да и то сказать, трудно за юмором угоняться. Иной раз погонишься да такую штуку сморозишь, что самому тошно станет . . .» — писал однажды Чехов Лейкину.¹³⁾

Можно полагать, что какая-то часть просторечий проникла в произведения, писавшиеся «сразу, наотмашь», непреднамеренно, как присущая языку Чехова в жизни. В письмах он нередко пользовался диалектно-просторечными словами и выражениями, а также жаргонизмами.

«Мне кажется, что он может писать и уже достаточно *насобачился*».¹⁴⁾

«Николай жил у меня 2—3 недели и вчера вечером *улетучился*, сказав, что сегодня будет у Вас. Николай *отбредивается от кувалды*, врет, что все 10 дней прожил у какого-то «почтенного старичка».¹⁵⁾

«Не будь подлецом и возврати! . . . Заплати, *сволач!*»¹⁶⁾
«Гуськов!»

Деньги нужны дозареза. На этой неделе моя пьеса идет в Саратове, а я *ни шиша* не получу . . .»

«Да живет (. . . крестись!) новорожденная многие годы, преизбыточествуя (крестись!) красотой физической и нравственной, злагом, гласом, *толкастикой*, и да *цапнет* себе со временем мужа доблестна (крестись, *дурак!*) прельстив предварительно и повергнув в уныние всех таганрогских гимназистов!»¹⁷⁾

«Ах, Жан, отчего мы не в Париже, *волк нас заешь?* Какого *лешего* мы сиднем сидим на одном месте?»¹⁸⁾

¹³⁾ Письмо Н. А. Лейкину от 1883 г. (после 17 апреля), т. 13, стр. 60.

¹⁴⁾ Письмо Н. А. Лейкину от 24 декабря 1886 г., т. 13, стр. 252.

¹⁵⁾ Письмо Ф. О. Шехтелю, начало 1887 г., т. 13, стр. 253.

¹⁶⁾ Ему же, начало февраля 1887 г., т. 13, стр. 276.

¹⁷⁾ Письмо Ал. П. Чехову от 20-х чисел февраля 1883 г., т. 13, стр. 46.

¹⁸⁾ Письмо И. Л. Щеглову от 6 мая 1889 г., т. 11, стр. 358.

И в рассказах этого периода ошутимо присутствует сам автор, Антоша Чехонте, веселый, жизнерадостный, любящий шутку, меткое, хотя порой и грубоватое словечко.

Зачастую он очень непринужденно беседует с читателем (легко подделываясь под язык этого читателя-подписчика развлекательных юмористических журналов). Таковы рассказы «Встреча весны», «Двадцать девятое июня», «Перед свадьбой» и многие другие.

«Наступило утро желанного, давно снившегося дня, наступило урааа, господа охотники!! — 29 июня... Наступил день, в который забываются долги, жучки, дорогие харчи, тещи и даже молодые жены — день, в который уряднику, запрещающему стрелять можно показать двадцать кукишей» (начало рассказа «Петров день», 1881).

«Пьют его при встрече Нового года: с бокалами в руках кричат ему «ура» в полной уверенности, что ровно через 12 месяцев дадут этому году по шее и начихают ему на голову» («Шампанское», 1881 г.).

«Однажды каким-то судьбами нелегкая занесла в г. Тим английского корреспондента» («Самый большой город», 1885).

«Потом, когда заседание кончилось, он нагнал на лестнице товарища прокурора и этому поднес пилюлю» («Первый дебют» 1886 г.).

«Сангвиник... Всегда не прочь нализаться до положения риз; напившись вечером до зеленых чортиков, утром встает, как встрепанный... Врет напрапалую... газеты любит и сам не прочь погазетничать... Шелопай, прохвосты и брандахлысты — сангвиники» («Темпераменты», 1881 г.).

Определенное влияние оказало на молодого писателя и его первое литературное окружение. Просторечная лексика была чрезвычайно употребительной в рассказах сотрудников юмористических журналов, страницы которых заполняли купцы, чиновники, актеры, мелкие помещики, их жены и дети, лакеи, горничные, крестьяне, выступавшие в основном в роли «деревни в городе» (различным «комическим» случаям пребывания крестьян в городе посвящена целая серия рисунков в одном из номеров «Осколков» за 1885 г. под заглавием «Деревня в городе»). Эти журналы подчинили употребление лексики сниженного стиля в основном одной задаче — выступить в комической функции.

Большое число однотипных журналов, множество рассказов и рассказиков в каждом номере при невысоком уровне таланта

и мастерства большинства авторов лишали их язык всякой индивидуальности, делали неизбежным повторение самих себя и своих собратьев; желание и необходимость смешить во что бы то ни стало заставляли притягивать, иногда выдумывать «смешные» слова. Описывались «похождения» пьяных, «ради пьяных словечек» (о чем говорит Чехов в письме к Лейкину),¹⁹⁾ крестьяне, для возможности использовать набор «мужицких слов», иногда почти бессмысленный. Острие с помощью огрубления, искажения языка было традиционным приемом в тогдашней юмористике.

«Сичас мы сидим, сичас у-у-у! и сичас станция... а допреж того? Восьмнадцать суток! Восьмнадцать суток, и в грязи... во как!... по гужи». «Ну, брат, Яков — портной он — ну, малым делом зашибается... но праздничному времени... воспивает. Сичас идет брат мой Яков, единокровный брат мой, идет... и маленько выпимши, и далеко идтить брату мому Якову до фатеры, а брат Яков выпимши, сичас он глядит — канава, сичас ложится и спокoitся и никто его не трогат, как знают — зашибается он...»

А сичас начальство наехало — и видят лежит стало быть брат Яков в канаве. Сичас его берут и трут, брата моего единокровного Якова — трут. Щеткой. И день трут и ночь трут. Брат Яков терпел, ну не в моготу... и вдруг очумел... стало быть развернулся да как фершелу в морду звизданет. Фершала, который фершала приставлены за ним».²⁰⁾

«Да я стало быть с поля только что обернулся, отпрег лошадь-то... гляжу, а телушки на дворе-ти нет, и в хляву тоже нет... я за ей, она от меня... да вдруг через загородь-то махать! Я сказываю, тялушка-то. Кабы бычок, тот сичас на рога, ну а эта спужалась».²¹⁾

Образцом юмора журнала «Зритель» может служить «надгробная надпись на кладбище»:

«Прохожий, ты идешь и сляжешь, как и я. Присять и оддохни на камне у меня. Сорви кобылиночку и спомни оба мне. Я дома, ты в гостях.

Падумай о сибел!»²²⁾

Злоупотребление просторечными словами шло от поверхностного знакомства с подлинной народной речью, нежелания и неумения проникнуть в ее глубину, отсутствия чувства художе-

¹⁹⁾ См. письмо Н. А. Лейкину от 24 декабря 1886 г., т. 13, стр. 252.

²⁰⁾ Андреев-Бурлак, «Как мы чумели», «Зритель», 1883, № 12.

²¹⁾ Андреев-Бурлак «Поджог», «Зритель», 1883 г., № 1.

²²⁾ Журнал «Зритель», 1883, № 7.

ственной меры. На таком пути стояли и некоторые третьестепенные литературы 2-й половины 19 века, произведения большинства которых были довольно скоро забыты.

К ним применимы слова Чернышевского о подражателях Григоровича, мужики которых «не употребляли ни одной фразы, которая имела бы смысл на обыкновенном русском языке . . . не произносили ни одного слова, не исковеркав его». ²³⁾

Повести Щеглова, пьесы Сумбатова, Шпажинского, Викт. Крылова — современников Чехова — богаты примерами именно такого рода «народной речи».

«Мериканочка», «арихметика», «великатный», «без сумленья», «слобода», «могим», «таперь», «глупостев», «грит» — такова лексика крестьян в пьесах Сумбатова. ²⁴⁾

Персонажи рассказов Леонтьева-Щеглова говорят таким языком:

«... что люди-де они покорливые и немушливые, что сама барыня такая малихинная, беложавая, что барин жмурится с ней ровно голубь и что когда они выиграют в лотерею, то снимут дом в Гавани и, что, конечно, дай бог таким душам всякого благополучества . . .» «... как нонеча давки стали переметчивы, на всякие шегольные заманки подхватчивы и что все это потому, что господа распложают по Питеру много всяких зоологиев, и что теперь всякая, мжно сказать, норовит стать на еную линию». ²⁵⁾

С развитием таланта вырабатывались и углублялись приемы чеховского реалистического письма, росла требовательность. Параллельно с критическим освоением опыта предшествующей и современной Чехову русской классической литературы преодолевались традиции юмористических журналов.

В конце 80-х — в 90-х годах Чехов продолжает пользоваться просторечной лексикой, но место и роль ее в словарном составе произведения меняется. В связи с изменением тематики ослабевает и потом почти отпадает комическая функция, в которой употреблялась просторечная лексика и в авторской и в диалогической речи в раннем творчестве.

В авторскую речь просторечие с яркой эмоциональной окраской вводится значительно реже, что имеет свое объяснение в стремлении к изяществу языка, в выработке иных, более тонких приемов стилизации, передачи несобственно-прямой речи.

²³⁾ Цитируется по докторской диссертации С. А. Копорского, стр. 41.

²⁴⁾ Примеры из пьес Сумбатова даются по диссертации Люлько «Язык и стиль пьесы Чехова «Три сестры», Л. 1953, стр. 35—36.

²⁵⁾ И. Л. Леонтьев-Щеглов. «Корделия и другие рассказы», СПб. 1897, стр. 263, 264.

Примерно к середине 80-х годов наряду с употреблением просторечия в качестве средства юмора становится заметным и другой план его использования: диалектно-просторечные слова становятся средством характеристики по социальному признаку. Если в массе комических рассказов эта лексика щедро вводилась в речь купцов, чиновников, военных, крестьян, то в этом втором плане она используется очень умеренно и преимущественно в речи крестьян. Таковы диалектно-просторечные формы в рассказе «Егерь» (1885 г.). Их всего несколько («ахтеры», «таперя», «не токмо», «одначе», «тверезый», «супротив»), используются они, можно сказать, в стилистически нейтральном плане, являясь приметой нелитературной речи действующих лиц — крестьян.

Характеристическую и комическую функцию бывает трудно разделить. Примером такого тесного сплетения является употребление просторечия в речи Дениса Григорьева из рассказа «Злоумышленник» отнесенного, как известно, Л. Толстым к «первому сорту» чеховских рассказов. Так же, как в «Егере», «Агафье», слов нелитературных здесь не так много, в их использовании Чехову свойственно чувство меры, художественного вкуса. Эта лексика здесь действительно уместна.

«Ты это свое «чаво» брось» — говорит Денису следователь. Попробуем «бросить», устранить из речи «злоумышленника» «чаво» и прочие характерные для крестьянина слова («тогда», «пушаем», «найтить»). Образ много потеряет в своей выразительности, станет бледнее. Пропадет и значительная доля комического.

Чехов все чаще пользуется просторечно-разговорной лексикой и фразеологией со слабой экспрессивной окраской. И даже в авторской речи это не ощущается, как отклонение от литературной нормы. Это особенно характерно для рассказов середины и второй половины 80-х годов, в отличие от более ранних.

«Покойника несли медленно, так что до кладбища они успели раза три забежать в трактир и *пропустить* за упокой души *по маленькой*» («Оратор», 1886 г.).

«... в-третьих, у него была густая рыжая борода, *отродясь* он не брился». (там же).

«Пашка *отродясь* не ел жареного мяса». «Он толкнул мать под локоть, *приснул* в рукав и сказал...» («Беглец», 1887 г.).

«Молодые елки, окутанные инеем, стоят неподвижно, и ждут которой из них *помирать?*» «Когда же Пелагея умерла, сироту Ваньку *спровадили* в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину...» («Ванька», 1886 г.).

«Хочет он вскочить и *бухнуть* перед медициной *в ноги*, но чувствует, что руки и ноги его не слушаются» («Горе», 1886 г.).

Чехов 90-х гг. очень умеренно использует диалектно-просторечную лексику, достигая нужного впечатления введением часто всего лишь нескольких просторечных слов в речь персонажа.

Такое употребление просторечия, какое было намечено в рассказах середины 80 гг. («Егерь», «Агафья»), развито в позднейших произведениях о крестьянстве («Новая дача», «По делам службы», «Мужики», «В овраге»).

В этом отношении характерной является и речь солдата из крестьян Гусева в рассказе 1890 года «Гусев».

«Вот этого жирного по шее бы смазать...» — думает Гусев...

«Тяжко, братцы, ... — говорит он, я пойду наверх. Сведите меня ради Христа наверх!», «... я шибко озяб», «Поручик целый день планты чертит», «Поди-кась», «Нешто не видишь, голова садовая», «Помер», «Одначе, брат, ноги у меня не стоят, да и душно тут...», «Или, скажем, крещеный упал бы сейчас в воду — упал бы и я за им».

На протяжении всего рассказа «Новая дача» в речи кузнеца Родиона, занимающей в общем страницу, только следующие предложения включают просторечные слова:

«Чистые лебеди!» (о лошадях инженера),

«Осерчает барин, тягайся потом...»,

«Возьми-ка-сь огурчика, покушай... Плакать не годится, маменька прибьет... дома отцу пожалится».

Чрезвычайно характерным является для Родиона переосмысление литературных, непонятных для него слов «презирать» и «платить тою же монетой»:

«Платить надо. Платить, говорит, братцы, монетой».

«Монетой, не монетой, а уже по гривеннику со двора надо бы» «Призирать будем», — при всех обещал. На старости лет и... оно бы ничего».

Грубые просторечные слова вводятся и в рассказы второй половины 80-х годов, но делается это опять-таки очень умеренно.

В рассказе 1887 года «Зиночка», почти целиком написанном от лица охотника с «густым штаб-офицерским басом», просторечие помогает создать образ грубоватого армейца.

«Саша смеется, бормочет что-то несвязное и с неуклюжестью очень влюбленного человека кладет обе свои ладони на Зиночкину *физиомордию*».

«По моей *роже* плавала победоносная улыбка».

«. . . мое ухмыляющееся *рыло* не могло не осквернять ее первой, чистенькой и поэтической любви . . .»

«Созерцание моей ненавистой *рожи* стало для нее необходимостью».

Возрастает значение просторечной вульгарной лексики как средства разоблачения отрицательных персонажей «объективным» автором. Примером является речь главного персонажа в рассказе 1886 г. «Акцизный» (в собрании сочинений озаглавлено «Муж»).

Здесь вульгарная лексика выступает как одно из главных средств создания образа.

«Глядеть противно! — бормотал он. — Скоро уже сорок лет, ни кожи, ни рожи, а тоже поди-ка напудрилась, завилась. Корсет надела!»

«Конечно, где нам, мужикам, чай пить! — злорадствовал акцизный. Теперь мы за штатом . . . Мы тюлени и телепни . . . Дрянь! Погоди я тебе покажу, как блаженно улыбаться . . . Старая рожа должна понимать, что она рожа!»

Грубая речь вполне соответствует авторской характеристике акцизного: «Между мужьями находился акцизный Карнил Петрович Шаликов, существо пьяное, узкое и злое, с большой стриженной головой и с жирными обвислыми губами».

Грубопросторечные слова в речи архитектора Полознева, инженера Должикова в повести «Моя жизнь», Рашевича в рассказе «В усадьбе» — одно из средств разоблачения автором этих людей, далеких от подлинной культуры, интеллигентности, презирающих людей труда.

«Если бы не это спасительное вырождение, то от нашей цивилизации давно бы уже не осталось камня на камне, все слопал бы чумазый». «Давайте мы все сговоримся, что едва близко подойдет к нам чумазый, как мы бросим ему прямо в харю слова пренебрежения: «Руки прочь! Сверчок, знай свой шесток!» Прямо в харю! — продолжал Рашевич с восторгом, тыча перед собой согнутым пальцем. — В харю! В харю!» («В усадьбе»).

«Осень в нашем клубе я оклеивал обоями читальню и две комнаты; мне заплатили по семь копеек за кусок, но приказал расписаться — по двенадцати, и когда я отказался исполнить это, то благообразный господин в золотых очках, должно быть, один из старшин клуба, сказал мне: «Если ты, мерзавец, будешь еще много разговаривать, то я тебе всю морду побую». Должиков «всех простых людей почему-то называл Пантелями, а таких, как я и Чеп-

раков, презирал и за глаза обзывал пьяницами, скотами, сволочью» («Моя жизнь»).

Итак, использование просторечно-разговорной лексики и фразеологии Чеховым разнородно на протяжении его творчества. Строгая мотивированность, целесообразность в отборе слов, отличающая Чехова конца 80-х—90-х годов, в начале творчества иногда нарушалась.

Несмотря на то что произведения становятся больше по объему, просторечие в них количественно сильно уменьшается. Чехову достаточно буквально одного-двух слов, одной-двух деталей для создания нужного впечатления.

Кроме того, он уже не пишет комических рассказов, а в раннем творчестве просторечие употреблялось, главным образом, в комической функции.

Как поступил Чехов с произведениями, содержащими лексику и фразеологию сниженного стиля, при их переиздании, в частности, при подготовке собрания сочинений?

Самые ранние рассказы (1880—82 гг.), в которых как раз особенно ярко отразилось злоупотребление просторечием, вообще не были включены в собрание.

Некоторые из отобранных для переиздания произведений были перегружены просторечием. Раньше на общем языковом фоне это было не очень заметно. Теперь, когда отбиралось действительно лучшее из созданного за оба десятилетия, Чехов не мог оставить без изменения те языковые элементы, которые снижали художественный уровень произведения.

Из сопоставления первых печатных редакций с последующими видно, что для нескольких рассказов именно различие в употреблении просторечно-диалектных слов обусловило большую часть разночтений.

Исключаемое просторечное или диалектное слово (или сочетание слов) заменялось в предложении его литературным синонимом (такая замена характерна для редакции речи и автора, и персонажей) или удалялось без замены путем сокращения предложения (этот способ употребляется в основном при редакции речи персонажей, реже — авторской).

Иногда при значительном сокращении текста в состав удаленного отрывка входило и предложение, содержащее просторечие. Отказывался Чехов и от некоторых жаргонизмов (их в его произведениях в общем мало).

Материал правки дает всего несколько примеров введения в текст просторечно-разговорных слов и замены просторечных слов в речи персонажей другими, тоже просторечными.

Примером рассказа, в работе над корректурой которого было снято много диалектно-просторечных форм, является рассказ

«Драма в циркульне», получивший в новом варианте заглавие «В циркульне». Рассказ этот со времени его появления в 1883 году в «Зрителе» не переиздавался Чеховым, но был отобран автором для собрания сочинений.

Как и во многих других случаях, содержание в основе осталось прежним. В новом варианте Чехов, устранив мотив жень-тыбы на приданом, углубил образ парикмахера Макара Кузьмича, сделав его горе более человеческим. Язык рассказа был очищен от многочисленных диалектно-просторечных форм, которые когда-то вводились, очевидно, специально для усиления комического эффекта. Отказался Чехов и от нелепых, хотя и смещных словосочетаний типа «родные сродственники», безграмотных оборотов речи.

В результате имеем такие соответствия:

«Што вы?»

«Стало быть, мы завсегда...
с нашим удовольствием!
Для родных сродственни-
ков завсегда на все го-
тов-с и всякое старание
могу приложить-с...
Пожалуйте-с!»

«... Ведь Анна Эрастов-
на... Ведь она того-с!
Ведь я на них, можно
сказать претензии имел!
Чувства к ним питал и
намерение имел... Как
же так?»

«Не могу! — говорит он, —
сичас не могу...»

«От Красного пруда до Ка-
луцких ворот».

Горячка... Месяц лежнем
лежал, свету божьего не
видел. Грехи наши...
Думал, что помру...
Соборовался... Тапери-
ча волос лезет. Таперича
доктор постричься при-
казал... Волос, говорит,
новый пойдет, крепкий».

«Что вы?»

«Я с удовольствием. По-
жалуйте-с!»

«... Ведь Анна Эрастов-
на... ведь я... ведь я
чувства к ней питал, я
намерение имел. Как же
так?»

«Не могу! — говорит он. —
Не могу сейчас, силы
моей нет!»

«От Красного пруда до
Калужских ворот».

«Горячка. Месяц лежал,
думал, что помру. Собо-
ровался. Теперь волос
лезет. Доктор постричь-
ся приказал. Волос, го-
ворит, новый пойдет,
крепкий».

«Пушай пострижет».	—
«Для здоровья пользительно»	—
«На татарина чтоб похож был, на бонбу»	«... на бомбу»
«Рупь дали»	«Рубль дали»
«Цирлюрник»	—
«Поуспокойся малость, а я к тебе завтра чуть свет... Прощай, приходи на свадьбу!»	«Поуспокойся, а я к тебе завтра пораньше утром».

Из приведенных примеров видно, что Чехов основательно изменил язык рассказа: из полутора десятков фонетических и морфологических диалектизмов (тончее, диалектно-просторечной лексики) остался один: «волосья». Остальные были заменены соответствующими литературными словами или вовсе сняты. Нанесла ли такая правка ущерб комическому звучанию рассказа? Думается, что нет. Это были внешнекомические элементы, чуждые стилю позднего Чехова, особенно в такой большой дозе. Рассказ и в первом варианте был по-своему хорош, но с точки зрения языка он не мог быть назван безупречным.

Ниже даются диалектно-просторечные слова, замененные Чеховым в речи персонажей при переиздании произведений:

ахтер	актер	«Сапоги»,
акромья	кроме	«Умный дворник»,
акроме	кроме	«Брожение умов»,
бонбы	бомбы	«В цирульне»,
кажинный	каждый	«Сапоги»,
Калуцкие ворота	Калужские ворота	«В цирульне»,
киатр	театр	«Сапоги»,
рупь	рубль	«В цирульне»,
пушай	пускай	«Умный дворник»,
отседа	отсюда	«Степь»,
сичас	сейчас	«В цирульне»,
таперя	теперь	«Степь», «Маска»,
таперича	теперь	«Беда»,
сажня	сажени	«Сонная одурь»,
ежели отседа	если с этого места	«Брожение умов»,
покеда	покуда	«Брожение умов»,
ба	бы	«Мужики»,

што	что	«Умный дворник», «В цирульне»,
испужал	испугал	«Маска»,
зубья	зубы	«Умный дворник»,
надыть	надо	«Злоумышленник»,
завсегда	всегда	«В цирульне»,
оженился	женился	«В цирульне»,
обнаковенная	обыкновенная	«Степь» (ред. 1889 г.)
пользительно	полезно	«В цирульне»,
приборка	уборка	«В цирульне»,
касательно	относительно	«Справка»,
намедни	—	«В цирульне».

Грубopросторечие слова, вульгаризмы, устраненные из речи персонажей:

баба	женщина	«Perpetuum mobile»,
бабенция	прекрасная девица	«Анюта»,
бабье	женский пол	«Трагик»,
бабье	актрисы	«Трагик»,
шленда- актерка	дочка-актриса	«Панихида»,
рожа	лицо	«Нищий»,
рожа	физиономия	«Оратор»,
рыло	лицо	«Сонная одурь»,
стрескать	съесть	«На чужбине»,
харкать	плевать	«На чужбине»,
канителить	говорить	«Perpetuum mobile»,
отжаривать	исполнять	«Роман с контра- басом»,
глаза пялил	—	«Perpetuum mobile»,
храповецкого	—	«Заблудшие»,
пожрать	—	«Заблудшие»,
тыква замор- ская	—	«Налим»,
плевая	пустяшная	«Не в духе».

Просторечные слова и выражения, устраняемые из авторской речи:

Глазами хло- пали	издали поглядывали	«Муж»,
антраша, отка- льваемые ...		
поручиками	поручики танцевали	«Муж»,
рассыпался	происходило, по-ви-	«Неудача»,
мелким бесом	димому, объясне- ние в любви	«Сорвалось»,

надоедают до надоедают
чертиков
тоска, что хоть тоска
в петлю по-
лезай
во всю Иванов- —
скую
лупает глазами —
жилился моз- думал
гами
шваркал бросал
разинул рот изумился
посудачив наговорившись

«Сидите вы сиднем и ак-
ромя невежества не ви-
дать от вас никакой ци-
вильзации... —

Никифор зубья скалит».

«Какой в нас ум? Му-
жицкой. Нешто мы по-
нимаем? Нет в нас поня-
тия акромья одного толь-
ко дурачества».

«Я бы вас и в сарай не пу-
щал, не токмо что в хо-
роший дом».

(«Мораль», 1883 г.).

В последней печатной редакции оставлено только «Сызмаль-
ства привык». Эти рассказы наиболее показательны.

В тексте рассказа «Сапоги» (1885 г.) произведены подобные
замены в речи коридорного: киастр, — театр, кажинный — каж-
дый, ахтер — актер.

«И он покорно подставил
свою голову, как бы же-
лая сказать: «Берите,
лопайте!»

(«Сорвалось», 1886 г.).

«Суд» (гранки для
Соб. сочин.),

«Гусев»,

«Скорая помощь»,
«Восклицательный
знак»,

«Мальчики»,
«Толстый и тонкий»,
«Муж».

«Сидите вы тут сиднем и
кроме невежества не ви-
дать в вас никакой ци-
вильзации —

Никифор зубы скалит».

«Какой у нас ум? Мужиц-
кий. Нешто мы понима-
ем?»

(«Умный дворник, текст
собрания сочинений»).

«И он покорно подставил
свою голову, как бы же-
лая сказать: «Берите, я
побежден» («Неудача»,
текст собрания сочине-
ний»).

При редактировании в 1900 г. рассказа 1884 г. «Не в духе»
устранены ругательства в речи станового: «Мерзавец этакий»,
«мужичонка, дрянь, тля и больше ничего», «мужицкое рыло»,
«дура», «шалаберник», «анафемы», «хам», «подлец», «не око-
леешь». Иногда вульгарное слово не просто устранялось, а за-
менялось его литературным синонимом.

При подготовке рассказа «На чужбине» (1885 г.) для второго издания «Пестрых рассказов» (1891) была произведена замена: стрескать — съест, харкает — плюет.

«Ты, дурная твоя голова,
перепутал»
(«Оратор», 1886 г.).

«Ты чудак, перепутал»
(текст в сборнике «Па-
мяти Белинского», 1889
г.).

Из текста рассказа «Налим» в 1896 г. (сб. «Пестрые рас-
сказы») исключено «Знатная у бестии печонка!», «Тыква замор-
ская!»

«Мерзавец этакой, сво-
лочь!»
(«Беспокойный гость»,
1886 г.).
«Не знал я, что ты такой
паршивец» (там же).

«Мерзавец этакой!» (в тек-
сте 3-го изд. «В сумер-
ках», 1889 г.).
«Не знал я, что ты та-
кой...» (текст собрания
сочинений).

Заменяется и жаргонизм.

«Даже листовскую рапсо-
дию отжаривал».
(«Роман с контрабасом»).

«Даже листовскую рапсо-
дию исполнял».
(Текст собрания сочине-
ний).

В тексте ряда рассказов произведена замена литературными синонимами «физиономия», «лицо», вульгаризмов «рожа» и «рыло».

Грубые, просторечные — «баба», «бабенция», «бабье» также заменены стилистически нейтральными синонимами (общезы-
ковыми или контекстуальными).

«Некрасив, так тому и
быть, но зачем всенарод-
но мою *рожу* на вид вы-
ставлять? Обидно-с»
(«Оратор», 1886 г.).

«Некрасив, безобразен, так
тому и быть, но зачем
всенародно мою *физио-
номию* на вид выстав-
лять? Обидно-с» (текст
собрания сочинений).

«Нужно же было природе
так изгадить умное *ры-
ло!*»
(«Сонная одурь», 1885).

«Нужно же было природе
так изгадить умное *ли-
цо!*» (текст собрания со-
чинений).

«...глядит мне в *рожу*».

«...глядит мне в *лицо*»
(текст собрания сочине-
ний).

«Все, кроме *бабья*» — сказал он. — *Бабья* не надо... отрицаю... у меня дочка» («Трагик», 1883).

«Видал ты, как он на барыню *глаза пялил*, когда ты с ней о предчувствиях *канителил*? Лопался от ревности! Заметил я, что у него с барыней уже... тово... Шикарная *баба*! Шик!»

«Сделайте одолжение, одолжите мне вашу *бабенцию* часика на два! Пишу, видите ли, эту, а без натурщицы никак нельзя».

«Как ни жутко ему было гулять среди бела дня, на глазах всего честного народа с дочкой *шлендой*-актеркой, но он уступил ее просьбам («Панихида», 1886 г.).

Все приходите, кроме *женского пола*, — шепнул он. — Актрис не надо, потому что у меня дочка» (Текст собрания сочинений).

«Когда ты с ней о предчувствиях *говорил*, он лопался от ревности! Что говорить, шикарная *женщина*! Замечательно шикарная! Чудо природы!» (текст собрания сочинений).

«Сделайте одолжение, одолжите мне вашу *прекрасную девицу* часика на два! Пишу, видите ли, картину, а без натурщицы никак нельзя» (текст собрания сочинений).

«Как ни жутко ему было гулять среди бела дня, на глазах всего честного народа с дочкой актрисой, но он уступил ее просьбам» (текст собрания сочинений).

Просторечные слова и выражения устранялись и из авторской речи.

«Все эти казначеи, секретари и надзиратели, испытые, геморoidalные, отлично сознавали свою убогость и только *глазами хлопали*, глядя на антраша, *откальваемые* ловкими и стройными поручиками» («Акцизный», 1886 г.).

Все эти казначеи, секретари и надзиратели испытые, геморoidalные и мешковатые, отлично сознавали свою убогость и не входили в залу, а только *издали поглядывали*, как их жены и дочери *танцовали* с ловкими и стройными поручиками».

«*Посудачив*, они вытребовали к себе воинского начальника и старшин клуба . . . (там же).

«Исправник отрекался от дочери, вышедшей, как он писал, за *прохвоста и голоштанника* («Трагик» 1883 г.).

«. . . перед их дочерью Наташенькой *рассыпался мелким бесом* учитель чистописания уездного училища Щупкин» («Сорвалось», 1886 г.).

«Как он ни *жиллся мозгами*» («Восклицательный знак», 1885 г.).

«*Наговорившись*, они вытребовали к себе воинского начальника и старшин клуба. . .» (там же).

«Исправник отрекался от дочери, вышедшей, как он писал, за *тулого, праздношатающегося хохла*, не имеющего определенных занятий» (текст собрания сочинений).

«. . . происходило, по-видимому, объяснение в любви, *объяснялись* их дочь Наташенька и учитель уездного училища Щупкин» («Неудача», текст собрания сочинений).

«Как он ни *думал*. . .» (текст 2-го изд. сб. «Пестрые рассказы», 1891 г.).

Таковые типичные случаи редактирования текстов, включавших просторечные (диалектно-просторечные) формы.

Однако, готовя рассказы к переизданию, Чехов во многих случаях оставлял без изменения предложения, содержавшие просторечие, или вычеркивал только часть лексики и фразеологии сниженного стиля.

Выше приводились варианты рассказов «В циркульне» и «Умный дворник», из поздних редакций которых Чехов устранил почти все диалектно-просторечные формы. Но не редки примеры, когда из рассказа удалялась лишь меньшая часть просторечий. Таково редактирование для собрания сочинений произведений 1885 года: «Злоумышленник», «Мертвое тело», «Унтер Пришибеев», «Средство от запоя», «Ну, публика», «Заблудшие», «Шило в мешке», «Налим».

Например, в «Злоумышленнике» оставлено 14 диалектно-просторечных форм, удалена одна, в «Налиме» исключены вульгаризмы в двух случаях, оставлены в семи, сохранены также 12 слов диалектно-просторечного характера. В более раннем рассказе «Дочь Альбиона» 11 просторечных слов.

Работая над текстом рассказа «Акцизный», названного в

поздней редакции «Муж», Чехов исключил из авторской речи несколько просторечных слов и выражений (примеры выше), оставил: «как угорелая», «чорт знает что», «не проймешь», «пустить» (в значении «сказать»). А в прямой речи снимается часть просторечий. Оставлено без изменения в рассказе «Средство от запоя»:

«Запил, проклятый!» «Скорее *издохнет*, чем проспится! Я его с Москвы знаю, как начнет водку *лопать*, так потом месяца два без просыпа... И в кого я, *окаанный*, таким несчастным уродился!» (слова антрепренера).

В речи парикмахера сохранена бранная лексика:

«Лежи дьявол!» «Кричи, кричи, *леший!*» «*Пуцай* у тебя все внутренности выворотит, это хорошо».

В авторской речи оставлено:

«И не дожидаясь, когда комик пойдет к кровати, Гребешков размахнулся и *трахнул* его кулаком по затылку с такой силой, что тот кубарем полетел на постель». «*Ошалевший* комик стал было защищаться, но одна рука Гребешкова сдавила ему грудь, другая *заходила по физиономии*». «До самого вечера провозился он с комиком. И сам умаялся и его *заездил*».

В отредактированных для собрания сочинений рассказах оставлены следующие диалектно-просторечные слова (в речи действующих лиц):

заместо	— Случай с классиком», «Скорая помощь»,
почал	— «Налим»,
беспонятный	— «Налим»,
завсегда	— «Кухарка женится», «Беспокойный гость», «Святой ночью»,
кажись	— «Кухарка женится», «Злоумышленник», «Сапоги», «Хамелеон»,
ейного	— «Кухарка женится», «Злоумышленник»,
супротив	— «Егерь»,
принимать	— «Шило в мешке»,
пожалиться	— «Воры», «Новая дача»,
планты	— «Гусев»,
(это я) тово	— «Клевета»,
знамо дело	— «Налим»,

знамо	— «Злоумышленник»,
не токмо что	— «Злоумышленник», «Егерь»,
ахтеры	— «Егерь»,
зебры (жабры)	— «Налим»,
командер	— «Налим»,
глыбоко	— «Налим»,
сичас	— «Налим»,
лепетиторы	— «Кухарка женится»,
пушай	— «Кухарка женится», «Хамелеон», «Злоумышленник», «Суд», «Шило в мешке», «Канитель»,
пушаем	— «Злоумышленник»,
не пушай	— «Хамелеон»,
таперя	— «Егерь»,
таперича	— «Беззаконие», «Скорая помощь»,
теперича	— «Скорая помощь»,
теперя	— «Беспокойный гость»,
тверезый	— «Егерь»,
чаво	— «Злоумышленник»,
одначе	— «Егерь», «Гусев»,
нету	— «Гусев»,
оченно	— «Шило в мешке»,
этого	— «Скорая помощь»,
тогда	— «Злоумышленник»,
ково	— «Маска»,
чего	— «Маска»,
ндравится	— «Маска»,
заштрафована	— «Мужики»,
родителей	— «Скорая помощь»,
делов	— «Шило в мешке», «Канитель»,
фрухтов	— «Шило в мешке», «Канитель»,
вареньев	— «Шило в мешке», «Канитель»,
годов	— «Шило в мешке», «Канитель»,
рублев	— «Скорая помощь»,
жабров	— «Налим»,
хочут	— «Брак по расчету»,
уйтиць	— «Налим»,
найтиць	— «Злоумышленник»,
иттиць	— «Злоумышленник»,
становь	— «Маска»,

вылазь	— «Налим»,
знають	— «Шило в мешке»,
накося	— «Лошадиная фамилия»,
поди-кась	— «Гусев»,
нуко-ся	— «Клевета»,
шибче	— «Скорая помощь»,
звончее	— «Шило в мешке»,
первее всего	— «В ссылке»,
за им	— «Гусев»,
ихний	— «Хамелеон»,
заливает шибко	— «Мужики»,
локает	— «Шило в мешке»,
глушит	— «Шило в мешке»,
хлещет	— «Шило в мешке»,
слопал	— «В усадьбе»,
смазать (ударить)	— «Гусев»,
врезался	— «Попрыгунья»,
трескаешь	— «Клевета»,
брехать	— «Дочь Альбиона»,
накрыть	— ««Шило в мешке»,
лопай	— «Торжество победителя»,
назююкались	— «Скорая помощь»,
стебанем	— «Опекун»,
кочевряжиться	— «Маска»,
рехнулись	— «Опекун»,
шпыняй	— «Налим»,
прет	— «Налим»,
угораздило	— «Оратор»,
ледащий	— «Мужики»,
все глазища обмозо- лила	— «Кухарка женится»,
кишки порвешь со смеху	— «Шило в мешке»,
мордолизация	— «Счастливчик»,
физиомордия	— «Зиночка»,
пузо	— «Налим»,

Случаи введения просторечия в текст рассказа очень редки. Так, во время редакции раннего рассказа «Мораль» («Умный дворник») Чехов расширил реплики помощника пристава, введя в них бранную, грубую лексику, в результате чего речевая характеристика полицейского стала выпуклой, выразительной. Буквально несколькими строками создан типичный образ полицейского, чего совсем нельзя сказать о первой редакции.

«На часах спишь? — слышит дворник над правым ухом чей-то громовой голос. — Так-то ты службу свою знаешь? А?».

Филипп вскочил, протер глаза и увидел перед собой светлые пуговицы. «Штраф! Я тебе покажу, как на часах спать!» («Мораль»).

«На часах спишь, болван?» — слышит Филипп чей-то громовой голос. Спишь, негодяй, скотина?»

Филипп вскочил и протер глаза: перед ним стоял помощник участкового пристава. «А? Спишь? Я оштрафую тебя, **бестия!** Я покажу тебе, как на часах стоять, **морда!**» («Умный дворник», текст собрания сочинений).

В произведении «Воры» в описание фельдшером его встречи с «чортом» Чехов ввел просторечно-разговорные слова и выражения:

«Да вот, недалеко, ходить, в прошлом году я встретил чорта недалеко отсюда. Ехал я, помню, в сентябре в Голышино оспу прививать».

«Нечего далеко ходить, летошний год, **не к ночи будь** помянут, встретил я его вот тут, **почитай**, у самого двора. Ехал я, **это самое**, помню, в Голышино, ехал оспу прививать».

В немногих случаях Чехов во время правки заменил общелитературные слова словами просторечного характера. Такие случаи единичны и все относятся к редакции произведений 90-х годов.

Например, в рассказе «Душечка» (1899 г.) в словах Оленьки — «Зачем же я с тобой повстречалась?» — глагольная форма изменена в «повстречалася».

Такая замена художественно оправдана. Цитированные слова входят в причитание «душечки» по умершему мужу и простонародная форма здесь вполне уместна.

«Голубчик мой! — зарыдала Оленька. — Ваничка мой миленький, голубчик мой! Зачем же я с тобой повстречалася? Зачем я тебя узнала и полюбила? На кого ты покинул свою бедную Оленьку, бедную, несчастную? ...»

Зачеркнув в речи крестьянина Осипа (повесть «Мужики») слово «нет», Чехов заменяет его просторечно-разговорным «нету»: «Мочи моей нету!»

Подобную замену производит Чехов в авторской речи в тексте рассказа «В ссылке».

«... здесь тоже нечем укрыться, но все же можно хоть ко-стер развесть» (было «развести»).

Авторская речь, передающая мысли ссыльного татарина, включает моменты стилизации, приближения к речи персонажа.

Есть несколько случаев замены просторечия просторечием же.

Так, в корректуре рассказа 1887 года «Отец» произведена следующая замена в словах пьяницы-чиновника:

«... физиомордия моя
пришла».

«... поганое пьяное рыло
мое пришло».

В рассказе этого же года «Свирель» «таперича» в речи пастуха исправлено на форму, несколько более близкую к литературной, но все же просторечную — «теперича».

Итак, сравнение первых и позднейших печатных вариантов убедительно доказывает, что Чехов признавал за диалектно-просторечными словами определенное место в языке художественного произведения.

Редактируя свои ранние вещи и оставляя в них слова сниженного стиля, он тем самым узаконивал употребление просторечия в данных случаях.

Факты неустранения просторечия при авторедактуре говорят о том, что Чехов закреплял за этой лексикой место и функцию, в которых она выступает в тексте.

Таким образом, в правках, вносимых в 90-е годы в тексты, содержащие просторечную лексику, наблюдается следующая закономерность.

Лексика сниженного стиля, лишенная яркой экспрессивной окраски, при редактировании остается почти целиком, следовательно, ее употребление в рассказах 80-х годов соответствовало взглядам позднего Чехова.

Высокохудожественные произведения, в которых употребление просторечия оправдано содержанием, характером действующих лиц, комической или сатирической направленностью рассказа, совсем или почти совсем не подвергались изменению («Налим», «Дочь Альбиона», «Злоумышленник», «Шило в мешке», «Скорая помощь», «Средство от запоя» и другие). Чехов конца 90-х годов уже не писал комических рассказов, и тот факт, что он оставил в их текстах основную массу просторечия говорит о том, что его употребление в качестве средства юмора не противоречиво художественным принципам зрелого мастера.

Произведения, художественно несовершенные, в которых просторечие неоправданно широко вводилось иногда в погоне за юмором, иногда — как следствие спешной, непродуманной ра-

боты и влияния стиля «Осколков», «Зрителя» и других подобных им журналов, просто отвергались Чеховым. Причина здесь не в одном обилии просторечий, но, вероятно, и это обстоятельство имело значение: словарный состав некоторых рассказов для включения в собрание сочинений пришлось бы переработать почти заново («Скверная история», «Темпераменты», «Пропащее дело»).

Употребление малопонятных, диалектно-просторечных или жаргонных слов и выражений для Чехова никогда не было характерным. И все же язык многих рассказов был засорен, перегружен просторечными формами. Это притупляло их выразительные возможности, нарушало чеховское требование изящества языка, и писатель, редактируя тексты этих произведений, устранял большое количество слов и выражений сниженного стиля.

М. Ф. Семенова

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО И ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКОВ

Введение

1.

Название «Сопоставительная грамматика русского и латышского языков» не совсем точно, так как при сопоставлении двух языков нельзя искусственно выделить только морфологию и синтаксис, входящие в состав грамматики, и рассматривать их изолированно от лексического состава и фонетической системы сопоставляемых языков. Тем более, что и некоторые языковеды, например, Б. А. Серебренников, подчеркивают, что «фонетика представляет очень широкое поле для рациональных и полезных сопоставлений».¹⁾ Поэтому более точным было бы название «Сопоставительное изучение русского и латышского языков», что предполагает изучение данных языков в целом: фонетической системы, грамматического строя и словарного запаса. Изучение это теоретическое, научное, а не практическое, методическое, то есть здесь предполагается сопоставление языковых явлений русского и латышского языков, а не пути овладения этими явлениями, усвоение их учащимися в школе. Последнее является задачей методики преподавания русского языка в латышской школе.

Изучение русского и латышского языков проводится в сопоставительном плане, описательно, так как сопоставлению подвергаются факты живых современных литературных языков. По поводу термина сопоставительная грамматика в 1957—1958 гг. проводилась дискуссия на страницах журнала «Русский язык в национальной школе». В своей установочной статье «Всякое ли сопоставление полезно?» Б. А. Серебренников²⁾ указывает, что соответствующий вузовский курс называть сравнительной грамматикой неточно, так как здесь не применяется

¹⁾ Русский язык в национальной школе, 1957. № 2, стр. 11.

²⁾ Там же.

сравнительно-исторический метод исследования. Но в процессе дискуссии высказывались вполне обоснованные соображения, что такое изучение может быть названо сопоставительным, или сравнительным, а не сравнительно-историческим, что не требует непременно применения сравнительно-исторического метода исследования.

Кроме того, применительно к русскому и латышскому языкам сравнительным изучение может быть еще и потому, что это языки близкородственные, и в некоторых случаях совершенно необходимы сравнительно-исторические экскурсы, когда приходится обращаться к другим периодам развития одного из языков или же к их диалектам, что позволяет установить, всегда ли были такие взаимоотношения между данными языками, как это наблюдается в настоящее время и когда возникли различия. Такое сравнение может показать те общие тенденции, которые существуют в истории развития того или другого языка, но проявляются они в разное время и при наличии соответствующих условий. Следовательно, в отношении близкородственных языков возможно сопоставительно-историческое исследование, как на это указывает В. Н. Ярцева в своей статье «О сопоставительном методе изучения языков»,³⁾ которое, опираясь на генетическую общность, выясняет сходные и отличительные черты сопоставляемых языков. Следовательно, вполне закономерно было бы название и сравнительная грамматика русского и латышского языков.

Такое изучение русского языка в сравнении с каким-либо другим родственным языком очень распространено в ряде славянских стран. Так, в Чехословакии имеются даже отдельные труды по сопоставлению русского и словацкого языков,⁴⁾ русского и чешского языков⁵⁾ и др. Причем во всех случаях, придавая большое значение сопоставительному методу изучения языков, разграничиваются теоретическое и методическое значение исследования. Теоретическое значение важно не только для русского языка, но и для родного языка, так как подход к одному языку с точки зрения другого языка, изучение русского языка с точки зрения нерусского языкового мышления позволяет глубже понять особенности родного языка, выдвинуть и решить некоторые вопросы, которые обычно не ставятся в русских грамматиках для русских, например, вопрос о звательной форме, классах глагола и др. Еще в 1851 г. чех Микулаш Догнани указывал, что «без изучения других языков люди выносят

³⁾ Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1960 г. № 1.

⁴⁾ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, I. Братислава, 1956.

⁵⁾ Kapitoly ze srovnovací mluvnice ruské a české. I. Praha, 1956.

о своем собственном языке весьма ложные, односторонние и превратные суждения; ибо лишь посредством сравнения мы познаем большее или меньшее совершенство, богатство, красоту, ясность и разнообразие того или иного языка». ⁶⁾ А в наше время советское языкознание так характеризует сопоставление языков: «Сопоставительное изучение различных языков возникло из чисто практических потребностей преподавания, но рост такого изучения показал его научную плодотворность, так что в настоящее время сопоставительное изучение имеет все данные для превращения в одну из важных отраслей лингвистики, объектом которой является не только лингвистическая типология, но и общая проблема строя языка». ⁷⁾

Сопоставительное изучение языков началось уже давно. Так, еще в 1796 г. выходит книга Иосифа Добровского «Сравнение русской и чешской речи», а в XIX в. появляется литература и по сравнению с другими славянскими языками.

В советском языкознании вопрос о сопоставительном изучении языков в течение двух лет дискутировался на страницах журнала «Русский язык в национальной школе» и основными вопросами, выдвинутыми на дискуссии были следующие: что сравнивать, зачем сравнивать и как сравнивать. При этом речь шла о сравнении неродственных языков и совершенно не затрагивалось сопоставительное изучение родственных языков. Причем надо отметить, что большинство авторов статей смешивают два метода: метод исследования, или методологию, и метод обучения, или методику, что совершенно недопустимо и не позволяет устранить возникающие разногласия.

При исследовании сравнение неродственных языков /дает материал для истории языковых процессов, для истории возникновения и развития определенных грамматических категорий, например, рода, числа и др., то есть для функционально общих категорий. Сравнение родственных языков, кроме того, дает материал для сравнительно-исторического изучения (например, краткие и полные прилагательные в русском и латышском языках). Следовательно, теоретическое значение сопоставительной грамматики заключается в том, что она расширяет лингвистический кругозор вообще и дает материал для изучения каждого из сравниваемых современных литературных языков в более широком плане. Практическое значение сопоставительного изучения важно для методики. Оно помогает установить причины ошибок учащихся, способствует всестороннему и сознательному усвоению русского языка, а также поднимает знание родной речи на более высокую ступень.

⁶⁾ Цит. по А. В. Исаченко. Указ. работа, стр. 5.

⁷⁾ Пути развития советского языкознания. ВЯ 1957, № 3, стр. 6.

Сопоставительная грамматика необходима при подготовке учителей русского языка в латышской школе, так как еще недостаточно практически владеть родным языком учащихся, нужно знать и его специфические особенности. Этим объясняется место сопоставительной грамматики в системе филологического образования. Сначала изучается систематически современный русский язык и практический национальный язык республики, а затем только сопоставительная грамматика русского и в данном случае латышского языка в таком порядке: сперва отмечаются тождественные явления для обоих языков, потом сходные, но не тождественные, и наконец специфические явления каждого из сопоставляемых языков и способы их передачи на другой язык.

2.

Остановимся кратко на родстве русского и латышского языков и истории изучения данного вопроса в языкознании. Оба рассматриваемые языка относятся, как известно, к индоевропейской семье языков и к наиболее близким ее группам: русский к славянской, латышский к балтийской.

Сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков, начавшееся уже давно, в начале XIX в., дало возможность установить генетическое родство ряда языков, в том числе славянских и балтийских. Сравнительное изучение отдельных групп относится к тому же времени и продолжается позднее. Так, начало сравнительного изучения славянских языков относится к первой четверти XIX в., основоположником изучения которых является А. Х. Востоков (1781—1864).⁸⁾ Наиболее полное сравнительное изучение балтийских языков относится к более позднему времени, к концу XIX — началу XX в., так как до этого времени был известен и изучался научно в основном только один из балтийских языков, а именно, литовский. Основоположником сравнительного балтийского языкознания является Я. М. Эндзелин.

Начало сравнительного изучения славянских и балтийских языков относится к XIX в., но уже раньше имеются отдельные замечания о близости славянских и балтийских языков между собой, хотя и не всегда вполне научные. Так, еще М. В. Ломоносов отмечал, что: «Летский язык, от славянского происшедший, один почти с теми диалектами, которыми ныне говорят в Жмуди, в северной Литве и в некоторых деревнях оставшиеся пруссы».⁹⁾ И дальше: «Итак, когда древний язык варягов-рос-

⁸⁾ См. Рассуждение о славянском языке. 1820.

⁹⁾ М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. VI. М.-Л. 1942. Древняя Российская история. стр. 208.

сов один с прусским, литовским, курландским или летским, то, конечно, происшествие и начало свое имел от славянского как его отрасль». ¹⁰⁾ Синтаксически материал славянских и балтийских языков сравнивал уже А. А. Потебня (1835—1891), ¹¹⁾ морфологию В. А. Богородицкий (1857—1941). ¹²⁾ сравнительное изучение балтийских и славянских языков особенно привлекало внимание Ф. Ф. Фортунатова (1848—1914), учителя Я. М. Эндзелина, который интересовался вопросами фонетики и синтаксиса этих языков. ¹³⁾

Сравнительно-историческое изучение славянских и балтийских языков выдвинуло одну из наиболее сложных проблем языкознания, проблему славяно-балтийского единства, которая не утратила своего значения и в наше время, как это видно было на IV международном съезде славистов в Москве в 1958 г. Эта проблема связана с тем, что славянские и балтийские языки наиболее близки между собой, чем с другими индоевропейскими языками, и имеют не только генетически общие черты, но и общие новообразования. Исходя из этого, языковед К. Бругман (1849—1919) выдвинул восемь пунктов, касающихся фонетики и морфологии, опираясь на которые, доказывал славяно-балтийское языковое единство. Например, общеиндоевропейское слогообразующее г сохранилось в санскрите, в то время как в балтийских языках на этом месте развилось сочетание краткого i с плавным г, чему в славянских языках соответствовало сочетание редуцированного с плавным ър: mrtah, mirt, мьреть.

Сторонник теории славяно-балтийского единства А. А. Шамагов предполагал, что из общеиндоевропейского языка выделился славяно-балтийский праязык, который позднее распался на славянскую и балтийскую ветвь.

Кроме этого направления в языкознании, развилось еще второе, представители которого выступали против славяно-балтийского единства, и близость славянских и балтийских языков между собой выводили из индоевропейской языковой общности, например, А. Мейе, И. А. Бодуэн-де-Кургене и др.

Третье направление, представленное Я. М. Эндзелином, являлось как бы компромиссом между двумя вышеуказанными. Он отмечал большую близость славянских и балтийских языков и общие новообразования, но объяснял их тесными связями соседних генетически родственных языков. Точка зрения

¹⁰⁾ Там же, стр. 209.

¹¹⁾ См. Из записок по русской грамматике. 2. 1874.

¹²⁾ См. Из чтений по сравнительной грамматике. 1900.

¹³⁾ Подробнее см. Н. Д. Боголюбова и Т.А. Якубайтис. История разработки вопроса о балто-славянских языковых отношениях. Сб. статей, посвящ. ак. проф. дру Яну Эндзелину. Рига. 1959.

Я. М. Эндзелина, в наше время углубленная и дополненная, является господствующей в современном языкознании. Теория исторических контактов и древней общности славян и балтов особенно четко прозвучала в советской лингвистической литературе последних лет и на IV международном съезде славистов в 1958 г. в Москве (См. С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М. 1961, стр. 27—37).

Все сказанное выше свидетельствует об огромном значении сравнительно-исторического изучения славянских и балтийских языков, но это ни в коем случае не исключает сопоставительного изучения этих языков. Оба эти метода, диахронический и синхронический, взаимно дополняя друг друга, способствуют наиболее полному пониманию языковых явлений, а сравнительный анализ фактов современных живых языков как исходный пункт может углубить и обогатить историческое исследование языков.

3.

Обратимся далее к рассмотрению исторических связей русских и латышей, носителей двух близкородственных языков, которые будут сравниваться в дальнейшем.

1) Прежде всего о самих названиях русских и латышей. Уже в IX в. упоминается в источниках название русь, но это старое общее название для населения Киевской Руси латышам не известно. Латыши знают только старое племенное название соседнего населения, кривичей, которое в форме křievī сохранилось до наших дней как общее название русских. Название кривичи упоминается в Повести временных лет (XII в.) и еще раньше у Константина Багрянородного (Об управлении государством. X в.). Этимология слова кривичи нам не известна, но можно предполагать, что оно связано с определенной территорией, как это часто наблюдается, например: поляне — поле, северяне — север и др. Если слово кривичи образовано от корня крив- с суффиксом -ич для обозначения лица, как и в названиях радимичи, бятичи и др., то в латышском языке мы находим соответствующий корень křiev- и в литовском křeiv- и křiv-, последнее со значением «кривой», «косой». Следовательно, это могло быть названием по какой-либо излучине реки, скорее всего Немана. В Этимологическом словаре русского языка А. Г. Преображенского¹⁴⁾ приводится этимология данного слова, восходящая к названию берега, то есть кривичи —

¹⁴⁾ М. 1910—1914 гг., стр. 385.

береговые жители. Этот корень встречается в целом ряде топонимических названий на территории Латвии.¹⁵⁾

Что касается названия латышей, то в Повести временных лет встречаются различные балтийские племенные названия и среди них сложное слово лѣтъгола, что имеет соответствие в современном названии части республики Латгале, месте жительства древней лѣтъголы. Корень слова, по мнению Я. М. Эндзелина,¹⁶⁾ восходит к названию реки Латупе, протекавшей якобы некогда между Видземе и Латгале, но это утверждение в последнее время уже вызывает сомнение. Словообразовательный суффикс здесь можно было бы предположить -ыш (как в названиях лиц — малыш, крепыш и др.), но наличие в латышском слове суффикса -iet-, соответствующего русскому -ич, указывает, что основа latv-, где v из и в положении перед дифтонгом. Следовательно, в русском языке соответствующим конечным гласным основы мог быть редуцированный ъ или ы, последний гласный встречается в другой отмеченной памятниками форме — лотыгола. Таким образом, русское словообразование не вполне ясно. Возможно, что здесь сохраняется полностью латышское слово, со всем окончанием, в его диалектной, территориальной форме (ср. фамилии соответствующего типа Цимотиш, Тукиш и др.). Этимология же П. Я. Черных: латыш в значении латник, не имеет отношения к рассматриваемому этническому названию.

2) Русские и латыши издавна были соседями по своим территориям. Никаких естественных границ (больших рек, озер, гор и т. п.) между ними не было. Жили они в сходных природных условиях, на что указывают топонимические названия, связанные с растительным миром (например, березовка и bērzavka, сосница и priedavka, дубы — ozolava и др.) и животным миром (например, волково и vilkava, голубево и baložava и др.). Эти и многие другие подобные названия указывают на то, что соответствующие растения и животные были известны и русским, и латышам, так как были распространены на этих территориях.¹⁵⁾

Данные ономастики также указывают на соседство русских и латышей, что выражается иногда в смешанных русско-латышских фамилиях, например, Яунпетрович, Яунжейкаре и др., а также в старом названии реки Зилупе — Сиенупе (Синя, Сиенуха).

3) Между русскими и латышами с древних времен существо-

¹⁵⁾ М. Ф. Семенова. Из топонимики Латгале. Ученые записки ЛГУ. Т. XI. 1956.

D. Zemzare. XVIII gs. leksikografa J. Langes atzīmes par latviešu toponimiku. ZA Vēstis, 1957, Nr. 1.

¹⁶⁾ Ievads baltu filoloģijā. Rīga, 1945, 49. lpp.

вали интенсивные экономические (торговые), культурные и политические связи. Торговые связи были обусловлены тем, что по латышской и русской территориям проходил один из торговых путей «из варяг в греки», водный и сухопутный: по Рижскому заливу, Зап. Двине, Днепру и Черному морю. Это был путь более древний, чем через Финский залив (последний известен лишь с IX в.), и более удобный (один волок). Второй путь, проходивший по латышской территории, шел по реке Гауе на Псков и Новгород, но здесь торговля велась слабее. Результатом этих связей было заимствование торговой терминологии из русского языка, например: *bagāts* (богатый), *mērs* (мера), *podš* (пуд), *mūta* (мыто, пошлина) и др. В Рижской долговой книге (XIII в.) находим около 300 записей русских купцов, постоянных жителей города, владевших недвижимостью, например: Иван из Режицы, Фома из Икскюля, Андрей из Куkenойса, Яков Бобр из Полоцка и др. Местом жительства этих и других русских был так называемый Русский конец в Риге (между теперешними улицами Смилшу, Комьяуниешу и Трокшня).

О том, что русские вели торговлю с латышами свидетельствуют и материалы археологических раскопок: кресты и другие предметы киевской и византийской работы XII—XIII вв. В более позднее время русские офени, странствующие торговцы-разносчики, разносили товары по латышской территории, как это наблюдалось и среди соседних эстонцев. Отсюда, возможно, названия приводимые в словаре Стендера¹⁷⁾ — *krievu ābols* (Gurke) — русское яблоко, огурец: *lielais krievu ābols* (Kürbis) — большое русское яблоко, тыква; *krievu putraimi* (Hirsens) — русская крупа, пшено.

Культурные связи русских и латышей характеризуются введением христианства среди латышей во времена крещения Руси князем Владимиром в X в. Следы этого сохранились в религиозной терминологии, заимствованной от русских, например: *baznīca* (бозница, церковь), *gavēt* (говеть), *grēks* (грех), *kristīt* (крестить), *svēts* (святой) и др. Некоторые из этих терминов уже давно утратили свое первоначальное религиозное значение, например: *zvans* (зюнок), *klanīties* (кланяться), *nedēļa* (неделя), *kaņogs* (знамя, флаг), *svētki* (праздник) и др.

Данные топонимики на востоке и юго-востоке Латвийской территории также свидетельствуют о принятии христианства от русских, а вместе с этим и личных имен, которые сохранились в названиях населенных мест, например: город Валмиера (по имени русского судьи Володимѣра, бывшего псковского князя

¹⁷⁾ F. G. Stender. Lettisches Lexikon. Mitau. 1789, S. 117.

в XIII в.), деревни Иваново, Борисово, Егорово, Романково, Федорка, Тимофеевка, Терехи, Кузьмы, Наумки и многие другие. Кроме того, об этих связях свидетельствует и запись на так называемом Гюргиевом евангелии, написанном Гюргием лотышем.¹⁸⁾

Политические связи русских и латышей выражались в том, что полоцкие, а также псковские князья облагали данью латышей и сами со своей дружиной являлись за нею. Следы этих старых отношений сохранились в заимствованной административной и юридической терминологии, например: pagasts (погост),¹⁹⁾ sods (суд), grāva (право), гобежа (рубеж) и др. Кроме того, сохранились так называемые Двинские камни XII в. с крестами и надписью: «Господи, помози рабу своему Борису», где упоминается имя полоцкого князя Бориса Всеславича, княжившего в XII в. Эти камни встречались еще в XIX в. в течении Зап. Двины до Айзкраукле, как об этом пишет Сапунов.²⁰⁾

Далее, в Софийской первой летописи под 1242 годом имеется запись о том, что немцы уступают часть Латгалии новгородцам, которым она принадлежала раньше: «Того же лета прислаша немцы с поклоном в Новгород аркучи: что есмь зашли мечем Псков, Водь, Лугу, Лотыголу, и мы ся того всего отступаем . . .» Сохранилась и грамота 1294 года литовского князя Герденя, по которой немцы уступали Лотыголу Полоцку как его старую землю. Приводим начало грамоты: «Князь Гердень кланяеть (ся) всем тем, что видить сую грамот(у), а темь, кто на после приидеть, темь ведомо буди, как мир есмы створил(и) промежи местеря и с ратьманы рижьскими и с полочаны и видьбляны. Тако како грамот(у) написано, тако имь надо всею землю отступити, што есть лотыгольская земля. Как не вступатися на тую землю, што князь Костянтинъ дал местерю съ своею братнею съ своею грамот(ою) и съ печатью. Как боле того на ту землю не поискывати . . .»

И наконец история свидетельствует о том, что на современной Латвийской территории существовали с XI в. два русских вассальных княжества, зависимых от Полоцка: Герцике (Ерсика) и Куконос (Кокнесе).

Все эти данные указывают на интенсивные и длительные связи между русскими и латышами.

Я. М. Эндзелин в своей латышской грамматике²¹⁾ отмечает.

¹⁸⁾ См. дипломную работу В. Н. Цытович. О месте написания и писце евангелия 1270 г. 1949.

¹⁹⁾ М. Ф. Семенова. О латышском слове pagasts. Ученые записки ЛГУ. Т. XXXV. 1961.

²⁰⁾ Сапунов. Река Западная Двина. 1893.

²¹⁾ Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, 6. lpp.

что связи между русскими и латышами были ослаблены после немецкой агрессии и русское влияние усилилось только в конце XIX в. Это утверждение вызывает некоторое возражение, так как сохранилось значительное количество торговых договорных грамот, относящихся к XIII, XIV, XV и последующим столетиям, то есть ко времени немецкой агрессии и после нее, многие из которых хранятся в рижских архивах.²²⁾ О непрерывных связях свидетельствуют и летописи, указывающие на то, что новгородцы и псковичи, ведя борьбу с немцами, доходили до Къси (Цесис), а полочане — до Гольма (Саласпилс), и в их походах принимали участие и латыши.

О более поздних отношениях также имеются исторические данные. В XVI в., во время Ливонской войны, вся Ливония к северу от Зап. Двины находилась в руках русских, а по договору 1582 г. Латгалия отошла к Польше, то есть подверглась особенно сильному славянскому влиянию. После войны не только русские оставались на латышской территории как пленные, больные и др., но и из среды местного населения вывозились русскими отдельные лица. Так, например, в документе 1601 г. (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией) отмечается «девка служащая латышка Анютка», которую везут из Москвы в Холмогоры.²³⁾ В XVII в. войска русского царя Алексея Михайловича во время военных походов доходила до Риги, а в конце XVII в. отмечаются уже первые старообрядческие переселения на Латвийской территории, например, Вышки. Только в XVIII в. происходит присоединение Латгалии к России. В конце XIX в., после польского восстания 1863 г., наблюдаются переселения малоземельных псковичей в Латгалию, где они селятся на бывших польских землях. О русском населении на Латвийской территории в конце XIX в. пишет Е. Романов: «Напомню, что в уездах Витебском, Невельском, Полоцком, Себежском, Люцинском и в особенности Двинском и Режицком значительные оазисы составляют поселения великорусов-старообрядцев. Язык их представляет богатый материал для выяснения истории наших наречий, но изучением их специально никто не занимался. Из живых сношений со старообрядцами я вынес убеждение, что язык подвергся сильному влиянию белорусского. С другой стороны, вековое совместное жительство их с белорусами и латышами не могло не отразиться и на языке последних. Интересен при этом факт, что белорус в речи с старообрядцем говорит языком последнего, латыш же

²²⁾ См. Н. Д. Боголюбова и Л. И. Таубенберг. О древнерусских памятниках XIII—XIV вв. Рижского городского архива. Ученые записки ЛГУ. Т. XXXVI. Рига. 1960.

²³⁾ См. Б. А. Ларин. Парижский словарь москвитов. 1586 г. Рига, 1948, стр. 66.

усваивает русский язык в белорусском наречии первой группы: Явление объясняемое исторически. Такие оазисы с белорусским языком этой новейшей конгломеративной формации представляет Двинский уезд (за исключением 4 западных волостей) и Режицкий (за исключением 5 западных волостей)». ²⁴⁾

Это замечание Е. Романова указывает на влияние не только русского языка, но и отдельных говоров и белорусского языка на латышский язык и его говоры, что позволяет сделать сопоставление рассматриваемых языков более широким.

В XX в. около 20 лет буржуазная Латвия была оторвана от России, но на латышской территории находились старые русские поселения и пять исконно русских псковских волостей Вышгородок, Гавры, Качаново, Линово, Пурвмала, Упмала, отошедших к Латвии по договору 1920 г.

Таковы исторические взаимоотношения между русскими и латышами. Они свидетельствуют о длительных и непрерывных связях, что не могло не отразиться на литературном языке и местных говорах в виде разнообразных влияний и заимствований.

Л Е К С И К А

Сравнительное изучение лексики русского и латышского языков представляет большой интерес, так как она свидетельствует об общем древнейшем словарном запасе обоих языков, его дальнейшем развитии и изменении значений слов в каждом из сравниваемых языков, а заимствованная лексика указывает на древнейшие взаимоотношения языков между собой и на постоянный или временный характер иноязычных слов в составе заимствующего языка.

В словарном составе русского и латышского языков можно выделить несколько пластов в зависимости от происхождения слов. Это, в первую очередь, слова общие для русского и латышского языков. Сюда относятся как слова исконные, то есть общендоевропейские и славяно-балтийские, так и различные иноязычные слова, в том числе и интернациональные. Здесь отдельно следует отметить группу слов, заимствованных из русского языка в латышский, как литературных, так и диалектных, из соседних русских говоров. Заимствований из латышского языка в русский нет, за исключением единичных временных заимствований разговорно-просторечного характера, которые уже вышли или выходят из употребления, например: *цимбы* (перчатки), *рында* (очередь) и др. Часто такое словоупотребление

²⁴⁾ Е. Р. Романов. Очерки Витебской губернии. Памятная книжка, Витебской губернии. 1898.

носит индивидуальный характер. Прочно вошли только латышские этнографические названия в русский язык, например: *лиго*, *сакта* и некоторые другие.²⁶⁾ Вторую группу слов составляют слова, которые встречаются только в одном из сопоставляемых языков и могут сравниваться по объему их значений, синонимии и др. стилистическим признакам.

Общие слова русского и латышского языков могут рассматриваться не только по их происхождению, но и с точки зрения экспрессивно-стилистической. Одни из них относятся к одному и тому же стилистическому плану в русском и латышском языках, другие различаются по языкам своим стилистическим использованием. А в плане семантическом общие слова, исконные и иноязычные, могут иногда различаться и по своему значению, полностью или частично, образуя явление так называемой межъязыковой омофонии. То же самое можно сказать и о более старых заимствованиях из русского языка, в котором они в дальнейшем претерпевают новые изменения, в то время как в заимствованиях сохраняются более старые формы и значения.

Что же касается формы и звукового облика данных слов, то они редко полностью совпадают, так как в каждом из этих языков имеются свои фонетические и морфологические особенности.

Количество слов, относящихся к той или иной группе словарного состава, точно не установлено. Но по предварительным подсчетам самую большую группу составляют иноязычные слова. Исконных же слов, общих для русского и латышского языков, по словарю латышского языка К. Мюленбаха и Я. Эндзелина²⁶⁾ насчитывается около 200. Правда, по Этимологическому словарю русского языка А. Г. Преображенского²⁷⁾ их около 300, а у Р. Траутмана²⁸⁾ в его балто-славянском словаре даже 520 без разграничения слов общендоевропейских, балто-славянских и ранних заимствований. Новейший этимологический словарь русского языка М. Р. Фасмера²⁹⁾ более совершенен в этом отношении.

В статье Я. М. Эндзелина «Латышские заимствования из славянских языков»³⁰⁾, где рассматриваются заимствования из русского и других славянских языков в латышский, нет разграничения старых заимствований, более поздних но прочно вошедших в словарный запас латышского языка, и временных заимствований, так называемых слов-однодневок.

²⁶⁾ *Latviešu valodas vārdnīca*. R. 1923—1946.

²⁷⁾ М. 1958.

²⁸⁾ *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*. Göttingen, 1923.

²⁹⁾ Max Vasmer. *Russisches etymologisches Wörterbuch*. I, II, III. Heidelberg. 1950—1955.

³⁰⁾ Живая старина, 1899.

Аналогичный характер носит новейшее обширное исследование А. Зуммента³¹⁾ о славянских заимствованиях в латышском языке с древнейших времен, где рассматривается заимствованная лексика с точки зрения ее происхождения, значения, фонетического оформления и словообразования на основе опубликованных материалов.

Кроме указанной лексики, имеются еще и созвучные слова, случайно совпадающие по своему звуковому составу в русском и латышском языках, но совершенно не связанные по значению. Они образуют омофонические пары в русском и латышском языках, например: банка — banka (банк), скала — skala (шкала) и др.

Рассмотрим подробнее общую лексику русского и латышского языков. В эту группу входит, как уже отмечалось, исконная лексика и иноязычная. Исконную лексику составляют общие слова для русского и латышского языков, восходящие к индоевропейскому языку-основе. Они имеют генетически общий корень с различными звуковыми соответствиями, характерными для того или иного языка, или с различными словообразовательными элементами (приставками, суффиксами) и разными грамматическими показателями, родовыми окончаниями. В некоторых случаях эти различия только частичны, в каком-либо одном отношении. Значение этих общих слов обычно совпадает полностью или частично дифференцируется.

Приведем примеры: мать — māte. Здесь имеется фонетическое различие: русское *a* закономерно соответствует латышскому долготу *ā*. Морфологическое отличие заключается в том, что в русском слове окончание нулевое, а в латышском -e, хотя и в том и в другом случае род (женский) совпадает.

Другой пример: земля — zeme. В русском слове губной носовой с древним суффиксом *j* дал некогда рефлекс *мл*, окончание здесь -я (то есть -а после мягкого согласного), а в латышском языке окончание -e при отсутствии какого-либо суффикса, как это имеет место и в современном русском наречии — *наземь* (разг.).

Еще один пример: теленки — teļš. В русском слове словообразовательный суффикс -енок и нулевое окончание, а в латышском окончание -š при отсутствии суффикса. Правда, и в древнерусском языке тоже встречалась форма без суффикса — *теля*, но это уже было слово среднего рода, так что современное родовое соответствие здесь явление новое, случайное, а не исконное, генетически общее, если не предполагать, что и в латышском языке некогда могло произойти изменение.

³¹⁾ A. Summent. Unbeachtete slavische Lehnwörter im Lettischen. Göttingen. 1950.

К общим исконным словам русского и латышского языков относятся слова общеиндоевропейские и славяно-балтийские. Приведем примеры общеиндоевропейских слов: *мать* — *māte*, ср. нем. Mutter, лат. māter, сскр. mātār; *брат* — *brālis* (диал. brātāritis), ср. нем. Bruder, лат. frater, сскр. bhrātār — и др.

Примеры славяно-балтийских слов: *род* — *radī* (родня, родственники). Здесь нет полного смыслового соответствия в литературном языке, а диалектно и в русском языке встречается слово «рода» в значении родня, родственники, с полным смысловым соответствием. Значение же литературного слова *род* более абстрактное, позднее. Оно обозначает не конкретное лицо, родственника, а «ряд поколений, происходящих от одного предка».⁵²⁾

Второй пример: *семья* — *saime*. Русское слово обозначает коллектив кровнородственных людей, а латышское — коллектив жителей одной усадьбы, то есть хозяйскую семью и рабочих, батраков, работающих на хозяина. Последнее значение более новое, чем в русском языке. А кроме того, в словаре К. Мюленбаха и Я. Эндзелена отмечается и более близкое значение, напр. *bišu saime* — рой пчел (т. е. семья).

Такие общие исконные слова могут полностью совпадать по своему значению, например: *голова* — *galva*, *рука* — *goка*, *сердце* — *sirds* и ряд других. Но иногда слова, полностью совпадающие по значению, различаются по своему стилистическому использованию, например: *oko* и *acs*, *перст* и *pirksts* и др. Русские слова в данном случае высокого стиля, поэтические, а однокоренные латышские слова нейтральные.

Некоторые генетически общие слова различаются по значению частично или полностью. Приведем примеры частичного различия: *нос* — *nāsis* (ноздри), *нога* — *pags* (ноготь) и др. Русские слова здесь обозначают весь орган человеческого тела, а латышские части его — ноздри, ноготь. Такая дифференциация значений, понятно, не является исконной.

Полностью различаются по своему значению, например: *ива* — *īva*. Русское слово переводится на латышский язык словом *vītols*, а латышское словом черемуха. Вероятно, первоначально это было название какого-нибудь одного рода кустарника, и только позднее происходит дифференциация, причем в каждом языке по-своему. Такое изменение значения могло произойти вследствие многозначности указанных слов.

Общие слова в зависимости от смыслового значения делятся на две большие группы: слова терминологического и нетерминологического характера. Терминологическая группа включает

⁵²⁾ Словарь русского языка С. И. Ожегова. М. 1952.

слова, связанные каким-либо общим признаком. Таких терминологических групп можно отметить несколько.

1) Названия из растительного мира, например: *липа* — *liera*, *береза* — *berzs*, *ольха* — *alksnis*, *клен* — *kļava* и др.

Во всех приведенных примерах значение слов полностью совпадает в русском и латышском языках. Различие наблюдается только в грамматическом оформлении слов. Так, русские слова *береза*, *ольха* женского рода, а соответствующие латышские слова мужского рода. В других же случаях наоборот, как, например, в слове *клен*. Иногда такого расхождения не наблюдается, например, в слове *липа*.

В однокоренных словах этой группы иногда значение различается, например, как это отмечалось в слове *ива* — *ieva*.

Примером частичного различия значения может служить слово *зерно*—*zīrnis*, обозначающее в латышском языке не зерно вообще, а зерно конькового растения, гороха. Другой пример: *лук* — *loki*, где латышское слово обозначает не лук вообще, а только зеленые перья.

2) Названия из животного мира могут полностью совпадать по своему значению. Здесь можно выделить несколько смысловых подгрупп.

а) Названия диких и домашних животных, например: *зверь* — *zvērs*, *куница* — *caune* (где в русском слове имеется исторический суффикс, отсутствующий в древнерусском слове *куна* с тем же значением), *теленки* — *teļš* (ср. древнерусское *теля*), *рог* — *gags* и др. В приведенных примерах наблюдается полное соответствие в значении.

Пара слов *олень* и *alnis* различаются по своему значению: Русское слово переводится на латышский язык словом *briedis*, а латышское словом *лось*. Правда, в свое время³³⁾ довольно настойчиво предлагалось обозначать словом *alnis* оленя; а словом *briedis* лося, исходя из генетического родства первой пары слов, но такое нововведение не вошло в латышский язык.

б) Названия птиц, совпадающие по значению, например: *ворона* — *vāgna*, *дрозд* — *strazds* (с развившимся свистящим в начале слова перед глухим согласным). Латышское слово *sloka* в значении *вальдшнеп* имеет соответствие в западнорусских говорах — *слука*, а также в белорусском языке (слонка), польском (*słonka*), чешском (*sluka*) и других славянских языках. По всей вероятности, это слово славяно-балтийское.

Слова *голубь* и *gulbis* не совпадают по своему значению: *голубь* по-латышски — *balodis*, а *gulbis* по-русски — *лебедь*.

в) Названия рыб, совпадающие по своему значению в обоих языках, например: *лещ* — *līnis*, *сом* — *sams*, *лосось* — *lasis*.

³³⁾ Sk. Latviešu valodas pareizrakstības vārdnīca. R. 1944. 17.. 26. lpp.

нерест — *nārsts* и др. Относительно названий рыб надо заметить, что большинство из них являются старыми финскими заимствованиями на севернорусской и балтийской территории, то есть в непосредственном соседстве с финнами. Сюда же следует отнести и интересный случай межъязыковой омонимии: *салака* — *salaka* (корюшка), где значения русского и латышского слов разошлись.

г) Названия насекомых, полностью совпадающие по значению, например: *пчела* — *bite* (ср. древнерусское *бъчела* и укр. *бджола*; вероятно, исторически производное слово), латышское *ods* (комар) и русск. диалектное *вадёнъ* и белорусское *вадзень*, как видно также исторически производные слова с протетическим *в* в начале слова.

3) Названия частей тела, например: *рука* — *goка*, *голова* — *galva*, *сердце* — *sirds*, *зуб* — *zobs*, полностью совпадают по своему значению. Но, как уже указывалось, имеются пары слов, различные по своему стилистическому использованию, например: *перст* — *pirksts*, *око* — *acs* и др. Русское слово *уста* высокого стиля, синонимичное нейтральному — *rot*, не имеет соответствующего по значению латышского слова. В латышском языке употребляется слово *mute* с тем же значением. Но встречается и другое, однокоренное слово в русском языке — *устье*, которому полностью соответствует по значению и происхождению латышское слово *osta* (гавань, порт).

Частично различаются по значению, например, *нос* — *nāsis*, *нога* — *pags*. *Нос* по-латышски *deguns*, а *nāsis* по-русски *ноздри*, *нога* — *kāja*, а *pags* — *ноготь* (ср. литовское *pagà* — *копыто*, *pāgas* — *ноготь* с различными окончаниями и интонациями).

4) Названия родства, полностью совпадающие по значению, например: *мать* — *māte*, *брат* — *brālis* (ср. латышское диалектное *brātarītis*), *свояк* — *svainis* и др.

Частично совпадают по значению, например: *род* — *gadi* (ср. русское диалектное *рода* с тем же значением, что и латышское слово). По своему стилистическому использованию могут различаться, например: *семья* — *saime*. Русское слово нейтральное, латышское высокого стиля.

Все указанные выше четыре группы наиболее многочисленны по количеству относящихся сюда слов. Кроме того, есть еще ряд других, менее обширных групп, например:

1) названия светил, например: *солнце* — *saule*, *месяц* — *mēness*, *звезда* — *zvaigzne*,

2) названия времен года и частей суток, например: *зима* — *zieta*, *вечер* — *vakars*, *день* — *diena*, *ночь* — *nakts* и с различным значением *весна* — *vasara*. Русское слов *весна* по-латыш-

ски pavasaris (ср. древнерусское пролетье), а латышское va-saga — лето,

3) названия цветов и красок, например: *желтый* — dzeltēns, *белый* — balts, *красный* — sarkans (с метатезой в корне). С различием в значении, например: *зеленый* — zils. Зеленый по-латышски — zaļš, а zils — по-русски синий,

4) названия орудий труда, например: *лук* — loks, *лемех* — lemesis. Слово *стрела* не имеет соответствия в современном латышском языке, но встречается производное однокоренное слово strēlnieks (стрелок). Слово *коромысло* также не имеет эквивалента в латышском языке, но зато здесь встречается непрямой глагол с общим корнем и сходным значением kārt (вешать), не известный русскому языку,

5) названия построек, например: *клеть* — klēts. Это слово дается в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова с пометой обл. То же самое и со словом *рей* — rija (рига). Русское слово здесь диалектное, а латышское литературное. Латышское слово pirts (баня) не имеет прямого соответствия в современном русском литературном языке, но тот же корень встречается в производном слове *наперть* (крыльцо церкви, как преддверие очищения от грехов), а в древнерусских северных говорах Ф. П. Филин³⁴) отмечает слово *перть* с тем же значением, что и в латышском языке.

Нетерминологическая лексика представляет большую группу слов, которые нельзя объединить в какие-либо более или менее крупные смысловые группы. Эти слова могут быть сгруппированы по частям речи, грамматически.

1. Больше всего относится сюда глаголов, часто производных, например: *вить* — vīt, *лечь* — līt, *рвать* — raut, *грызть* — grauzt, *вести* — vest, *нести* — nest, *быть* — būt, *бежать* — bēgt, *блестеть* — blēt, *рыдать* — gaudāt, *бодать* — badīt, *волочить* — vilkt, *чесать* — kasīt (с чередованием начального согласного).

Некоторые слова этой группы не совпадают по своему стилистическому использованию, например: *метать* (=бросать, кидать) — mest. Русское слово высокого стиля, латышское нейтральное. Русские диалектные слова *грабить* (в значении сгребать сено) — grābīt и *орать* (в значении пахать) — arīt имеют полные эквиваленты в современном латышском литературном языке, т. е. являются общенародными. Различие может быть иногда и по интенсивности выражаемого действия, например: рыдать и gaudāt (плакать).

³⁴) Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Ученые записки Ленингр. гос. пед. института им. А. И. Герцена, том 80. Л. 1949 г., стр. 248.

С различием в значении тоже можно отметить ряд глаголов, например, *просить* — prasīt (спрашивать, требовать), *бороться* — bārties (браниться), *курить* — kurt (зажигать, растапливать), *чертить* — clrst (рубить, с чередованием начального согласного), *цедить* — šķīdināt (растворять), *брести* — brist (идти вброд) и др.

Многие слова в одном языке выступают с конкретным значением, а в другом однокоренные слова с абстрактным или более общим значением, например: *давать* и dāvāt (дарить или давать в определенном случае и с определенной целью), *драть* и dīrāt (сдирать шкуру с животного), *бродить* и bradāt (бродить по воде, грязи).

Некоторые глаголы не имеют соответствий в той же части речи, и однокоренные производные слова иногда относятся к другим частям речи, например: *витать* и vieta (место), *aust* (светать) и *утро*.

2. Имена прилагательные также образуют группу слов с общим значением, например: *милый* — mīļš, *свежий* — svaīgs (с чередованием согласного), *ветхий* — vecs и др.

Встречаются также прилагательные, стилистически различающиеся между собой. Так, например: *ветхий* и vecs (старый). Последнее стилистически нейтральное слово в современном латышском языке и с более широким объемом значений, чем русское. Латышскому литературному слову ciets (твердый) соответствует только русское диалектное — *читый* (резвый) с чередованием начального согласного и с различным значением. Тот же корень встречается и в других славянских языках, например: болг. читав; серб. читав — целый, невредимый. *Истый* — īsts (настоящий, подлинный), русское слово книжное в отличие от латышского, стилистически нейтрального.

3. Все имена числительные в основном слова общие по своему происхождению, общеиндоевропейские. Один из современных противников славяно-балтийского единства литовский языковед В. Мажюлис,³⁵⁾ исходя именно из материала имен числительных старается доказать близость славянских и балтийских языков только индоевропейской общностью. Приведем некоторые примеры однокоренных имен числительных в русском и латышском языках: *один* — viens (протетическим v), *два* — divi (и диалектное duvi, ср. с древнерусским дьва), *три* — trīs, *первый* — pirmais, *второй* — otrais, *третий* — trešais и др.

4. Местоимения с общим значением, например: *тот* — tas, *весь* — viss, *ты* — tu (особенно, если учесть, что в старых ла-

³⁵⁾ Литовские числительные и соотношения балтийских числительных с числительными других индоевропейских языков (диссертация и автореферат). М. 1955. Заметки к вопросу о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. Вильнюс. 1958.

тышских грамматиках встречается данное слово с долгим *ū*). С стилистическим различием употребляется *сей* и *šis* (этот), так как русское слово носит книжный характер, а латышское нейтральный.

5. Некоторые первичные предлоги полностью совпадают по своему значению, например: *без* — *bez*, *об* — *ap*, *по* — *pa*. Латышский предлог *iz* в сравнении с русским *из* носит характер устарелый и диалектный. С разницей в значении теперь употребляется *для* — *dēl* (ради), но в древнерусском языке было полное соответствие в этом отношении, *дѣля*, если не считать латышское слово заимствованием из русского (ср. *дѣло*).

Весь обзор общей, исконной лексики русского и латышского языков показывает, что таких общих слов имеется значительное количество. Это позволяет предположить, что предки современных русских и латышей, живя по соседству, могли понимать друг друга и несосредственно общаться между собой. Многие из этих слов сохранили и до наших дней свои общие значения или частично, а иногда даже полностью изменили его в более позднее время, в то время как данные древнерусского языка часто свидетельствуют о сохранении старого общего значения. Слова с общим корнем могут иногда только частично совпадать по значению, что указывает на различный объем значений однокоренных слов, например, *жизнь* — *dzīve* и *dzīvība*, *гinda* — ряд и очередь, *apstākļi* — обстоятельства и условия, *sapņot* — видеть во сне и мечтать (ср. *сниться*).

Кроме указанного сравнительного метода исследования лексики, была сделана и другая попытка сопоставления русской и латышской лексики с точки зрения семантического поля для выяснения, в котором из сопоставляемых языков существует больше слов для выражения тех или иных понятий. Так, В. А. Юрик в своей статье «Опыт структурного анализа семантического поля цвета в русском и латышском языках»³⁶⁾ приходит к выводу, что в русском языке соответствующих лексических единиц больше, чем в латышском языке, а в латышском, наоборот, больше слов для выражения цветовых оттенков. «Однако, — пишет В. Н. Ярцева в своей статье «О сопоставительном методе изучения языков»,³⁷⁾ — ряд работ подобного типа по существу выходит за пределы лингвистики. Когда речь идет, например, о выяснении средств выражения понятия цвета в различных языках и привлекается словарный состав этих языков, то структурные черты лексики и особенности самих лексем в том или ином языке не занимают исследователя. С другой стороны, такого

³⁶⁾ Ученые записки ЛГУ. т. XXV. Р. 1958.

³⁷⁾ Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1960, № 1, стр. 9.

рода работа малоперспективна для лингвиста. Что дает ему тот факт, что в русском языке различаются синий и голубой, а в английском языке есть только одно слово blue? Конечно, работы подобного рода вполне возможны, и материал языка как иллюстрация различного отражения понятия цвета у разных народов может быть интересен сам по себе. Не отрицая их полезности в плане культурно-исторического изучения, мы считаем тем не менее, что использование этого метода сопоставления лингвистического материала в области сопоставительного языкознания не оправдано и может быть даже опасным».

Большой интерес в сопоставительном плане представило бы сопоставление объема значений различных слов того и другого языка, например: *удобный* — ērts, izdevīgs, piemērots, *платье* — kleīta, drēbes, *площадь* — laukums, platība, *кисть* — ota, plauksta, ķekars, *стол* — galds, ēdiens, *коса* — bize, izkaptis, *рукав* — piedurkne, upes atteka, šļūtene, *сушить* — žāvēt, kaltēt, *едкий* — kodīgs, dzēlīgs или karsts — *горячий, жаркий*, vāks — *крышка, обложка*, ala — *нора, пещера*, zināms — *знакомый, известный*, kust — *таять, растворяться, плавиться*, gulēt — *спать, лежать*, mazgāt — *мыть, стирать*, arkls — *соха, плуг*, liels — *большой, крупный, великий*, slēpties — *прятаться, скрываться*, argāzt — *спрокинуть, опровергнуть*, atjaunot — *восстановить, возобновить*, jauns — *молодой, юный, новый*. Приведенные примеры показывают, что путем такого сопоставления устанавливается не только многозначность слов, но и омонимия, что особенно наглядно выступает при переводе с одного языка на другой.

Кроме того, сопоставление позволяет установить стилистические варианты некоторых слов, их синонимичность, например: darbs — *труд и работа*, ceļš — *путь и дорога*.

Наконец, возможно сопоставить слова одного языка с несвободными словосочетаниями, сложными названиями в другом языке, например: akmeņogles — *каменный уголь*, vingrot — *делать гимнастику*, iedomāties — *представить себе* или *шмель* — formas mētēlis, *распахнуть* — plaši atvērt и др.

К сфере общей лексики относится также интернациональная лексика, она появляется на определенном этапе развития языка, сравнительно поздно, в связи с определенным уровнем развития и для обозначения тех реалий, которые заимствуются у других народов. Эти слова входят или непосредственно из языка-источника, или через посредство какого-либо другого языка. Иноязычные слова в русский язык вошли в своем большинстве из французского, английского и немецкого языков, а в латышский язык через посредство русского или немецкого. Такие слова могут совпадать полностью по своему значению, например: *лампа* — lampa, *партия* — partija, *культура* — kultura, *контакт* —

kontakts (последние два с переносом ударения) и др. Иногда значение этих слов дифференцируется по языкам, расходится и теперь уже полностью не совпадает. Так, например, *реферат* — *referāts* (реферат и доклад), *конгресс* — *kongress* (конгресс и съезд), *штудировать* — *studēt* (штудировать и учиться в вузе), *станция* — *stacija* (станция и вокзал), *бант* — *bante* (бант и лента), *персона* — *persona* (персона и лицо). В приведенных примерах объем значений латышских слов шире, чем в русском языке, но значение русских слов все же входит тоже в этот круг. Иногда иноязычные слова встречаются в русском языке наряду с русскими, обычно более употребительными, в то время как в латышском эти иноязычные слова являются единственными, например: *осуществить* и *реализовать* — *realizēt*, *рукопись* и *манускрипт* — *manuskripts*, *устав* и *статут* — *statuti*, *отрывок* и *фрагмент* — *fragments*, *печать* и *пресса* — *prese* и др.³⁸⁾

Но есть и другие слова, значение которых еще более разошлось, например: *фамилия* — *familija* (семья — разговорно-просторечное). В некоторых случаях значения расходятся еще дальше, например: *клавир* — *klavieres* (рояль, пианино). И, наконец, встречаются просто случайные созвучия при заимствовании слов из различных языков, например: *банка* — *banka* (банк).

Такие иноязычные слова могут быть как склоняемыми, так и несклоняемыми. например: *депо* — *depo*, *кино* — *kiņo* и др., в обоих языках, но в латышском языке несклоняемых слов гораздо меньше, чем в русском языке, так как здесь развиваются часто суффиксы и появляются родовые окончания, например: *кофе* — *kafija*, *кафе* — *kafejnīca* и др.³⁹⁾

В состав заимствованной лексики латышского языка входят русские слова, а также слова, вошедшие через русский язык. Это непрерывный процесс с древнейших времен до наших дней. Так, Э. Блесе⁴⁰⁾ относит заимствование слова *krievi* к V—VII вв. н. э., слова *kalps* (*холоп*, устар.), *goba* (*губа*, устар.), *solīt* (*сулить*, устар., прост.), *puods* (*пуд*, устар.), *kodeļa* (*куделя*, обл.), *kažoks* (*кожух*, обл.) к VI—VII вв. слова *tulks* (*толмач*, устар.), *sods* (*суд*), *tīrgus* (*торг*, обл.), *baznīca* (*божница*, обл.), *zābaks* (*са-*

³⁸⁾ Здесь и выше примеры различных слов приводятся из сборника *Словарная работа по русскому языку и литературе в латышских школах* (Материалы педагогических чтений). Рига. 1959 и статей Г. И. Румянцева: *Лексическая работа на уроках русского языка* (Сб. Русский язык в латышской школе. Р. 1958), *Принципы отбора русских слов и выражений, предназначенных для активного усвоения на практических занятиях по русскому языку в латышских группах* (Ученые записки Латв. гос. университета. Т. XXV. Р. 1958).

³⁹⁾ Подробнее об этом см. нашу статью «Несклоняемые имена существительные в русском и латышском языках». Изв. АН Латв. ССР, 1961, № 12.

⁴⁰⁾ *Latviešu konversācijas vārdnīca. X. Krievu valodas ietekme.*

лог; ср. древнерусское *запог*), *istaba* (*изба*, ср. древнерусское *истѣба*) и др., всего около 50 слов, к IX—XI вв.

По своему значению эти слова также можно разделить на терминологическую и нетерминологическую группы.

Терминологические группы здесь можно выделить очень небольшие, за исключением тех, которые связаны с торговлей, религией, древнейшими общественными отношениями и бытом.

1) Торговая терминология, например: *gublis* (рубль), *karēika* (копейка) и др. Приведенные слова сохранились и в современном латышском литературном языке, а другие устарели уже в обоих языках, например: *bezmens* (безмен), *birkavs* (берковец), или изменили свое значение в латышском языке, например: *muīta* — пошлина (мыто, устар.), *tirgus* — рынок (торг. обл.) и др.

2) Религиозная терминология, например: *kristīt* (крестить), *grēks* (грех), *gavēt* (говеть), *baznīca* (божница) и др. Слово *pagāns* — язычник (поганый) вошло через посредство русского языка из латыни. Одни из слов этой группы сохранили свое первоначальное значение без изменения, а другие утратили частично связь с религиозной терминологией, например: *zvanīt* — (звонить), *klanīties* (кланяться), или полностью, например: *pe-dēļa* (неделя), *karogs* (хоругвь — знамя, флаг) и др.

3) Общественно-политическая лексика, например: *pulks* (полк), *prāva* (право), *tulks* (толмач), *pagasts* (погост),⁴¹⁾ *grāmata* (грамота) и др. Последнее слово вошло через посредство русского языка из греческого. Как мы видим, некоторые слова уже вышли из употребления и не встречаются в современном русском языке, другие разошлись по своему значению, например: *strādāt* (страдать) — работать, хотя и сохранилось одно-коренное имя существительное *страда* и прилагательное *страдный* (страдная пора), *kalps* (холоп) — работник, батрак и др.

4) Сравнительно большую группу составляют бытовые слова, например: *ļūda* (блюдо), *katls* (котел), *stikls* (стекло), *zābaks* (сапог), *ķīselis* (кисель), *piņāgs* (пирог) и др. Некоторые из них, как видно из приведенных примеров, встречаются и в современном русском литературном языке, а другие употребляются теперь только диалектно, например: *kažoks* (кожух) — шуба, *istaba* (истобка) — изба, комната и др. Встречаются и слова, изменившие свое первоначальное значение, например: *brāga* (брага) — барда.

Приведенные четыре группы включают наиболее древнюю заимствованную лексику. Остальные лексические группы весьма малочисленны, например: названия растений — *kāposti* (ка-

⁴¹⁾ См. нашу статью «О латышском слове *pagasts*» Ученые записки ЛГУ, т. 35, 1961.

пуста), *mētra* (мята), *gutks* (редька), *burkāns* (диалектное баркан) — морковь; названия животных, например: *zilonis* — как народная этимология (слон), *kuilis* (диалектное килун, устар. кыль) — боров, *dukurs* (древнерусское дъхорь, диал. ювр. тхорь, совр. хорек). Немногочисленность слов, относящихся к мелким группам объясняется тем, что свой, местный растительный и животный мир был богат и хорошо известен, так что имела и своя соответствующая терминология, которая только расширялась новыми заимствованиями при введении новых культур или при знакомстве с природой других стран.

К нетерминологической группе относятся слова разных частей речи, например: имена прилагательные — *bagāts* (богатый), *gatavs* (готовый), *skops* (скупой), некоторые из которых изменили свое значение, например: *prasts* (простой) — простоватый, вульгарный, *neķitrs* (нехитрый) — гнусный. По поводу последнего случая следует заметить, что один из способов образования прилагательных в русском языке: отрицание не- с прилагательным, отрицательным по своему значению, например: недурной, невре́дный (разг.), неподкупный и др., белор. няшкодны.

Большинство указанных заимствований прочно вошло в язык и сохранилось до наших дней. В словаре латышского языка К. Мюленбаха и Я. Эндзелина отмечено около 200 заимствований из русского языка, но среди них много поздних, временно вошедших слов в латышский язык, в то время как из этих поздних заимствований сохранилось до нашего времени мало слов, около 50, прочно вошедших в латышский язык. Так же недифференцированно даны заимствованные слова из русского языка в латышский и в ранней статье Я. М. Эндзелина «Латышские заимствования из славянских языков».⁴²⁾ В качестве примеров можно привести такие временные заимствования из русского языка, приводимые Я. М. Эндзелином, как *slābs* (слабый), *ganīca* (панец), *sažens* (сажень), *verste* (верста), *spičkas* (спички), *gubegda* (губерния) и др. Все эти слова утрачены вместе с изменениями в самой жизни и сохраняются только как исторические термины или в просторечном употреблении. Время заимствований из русского языка в латышский, по мнению Я. М. Эндзелина, относится к периоду до XIII в., а затем в основном ко второй половине XIX в., с чем не всегда возможно согласиться.

В наше время также имеются заимствования из русского языка в латышский, но их очень незначительное количество. Целikom заимствованных слов всего лишь несколько, например: *kolhozs* (колхоз), *sovhozs* (совхоз), *boļševiks* (большевик), хотя до присоединения Латвии к СССР в 1940 г. употреблялся дру-

⁴²⁾ Живая старина, 1899.

гой, латышский термин *lielinieks*, неточная калька, который был вытеснен как политически ошибочный русским заимствованием, *partorgs* (парторг). Последнее русское сложносокращенное слово воспринимается в латышском языке как непроеизводное, и от него в свою очередь образуются новое слово женского рода — *partordze*. То же самое можно сказать о словах *proforgs* (профорг) и *komsorgs* (комсорг). Как непроеизводное заимствованное слово воспринимается и аббревиатура *dzots* (дзот). Слово *kulaks* (кулак) как общественно-политический термин употреблялось некоторое время наряду с латышским термином *budzis*, но теперь оно уже вышло из употребления. Вот, пожалуй, и все современные заимствования из русского языка в латышский.

Но этого нельзя сказать о фразеологии. Здесь можно отметить целый ряд калек, буквальных переводов с русского языка, с некоторыми из которых боролись уже давно, но безуспешно,⁴³⁾ например: *pa lielākai daļai* (по большей части), *dot vārdu* (предоставлять слово), *neskatoties uz* (несмотря на), *pārvaldīt valodu* (владеть языком), *sastāvēt no* (состоять из), *slēgt mieru* (заклывать мир), *vest sarunas* (вести переговоры) и др., о чем свидетельствует наличие их в новейшем наиболее полном русско-латышском словаре.⁴⁴⁾ Большое количество новых фразеологизмов создано по русскому образцу также при переводе произведений классиков марксизма-ленинизма на латышский язык: *Ļeņina iesaukums* (ленинский призыв), *kollektīva vadība* (коллективное руководство) и др. Новые сложные технические термины развились под русским влиянием в связи с интенсивным развитием науки и техники. Но это вопрос еще почти совсем не изученный и ждет своего разрешения.

На производстве в качестве профессиональных жаргонизмов гораздо чаще употребляются заимствования из русского языка. Они выступают как синонимы к соответствующим латышским терминам, менее употребительным в данной ситуации, например: *samosvals* (самосвал) — *pašizgāzējs*, *motovozs* (мотовоз) — *pašvilcējs*, *grohots* (грохот) — *sijātājs*, *putjovka* (путьевка) — *ceļa zīme* и др.⁴⁵⁾

Вторую группу современных заимствований составляют различные интернациональные слова, входящие через русский язык в связи с развитием культуры и техники, например: *ekskavators* (экскаватор), *kombains* (комбайн), *agrobioloģija* (агробиология), *hidroelektrostacija* (гидроэлектростанция) и др.

⁴³⁾ J. Endzelīns. *Dažas valodas kļūdas*. R. 1928.

P. Ozoliņš. *Valodas prakses jautājumi*. R. 1935.

⁴⁴⁾ Русско-латышский словарь (в 2-х томах). Рига. 1959.

⁴⁵⁾ См. дипломную работу С. А. Палцмане. «Русские заимствования в лат. яз.». 1958.

Сюда же можно отнести и употребление некоторых интернациональных и старых латышских слов с новым значением, развившимся под влиянием русского языка, например: *piņieģi* (пионеры — дети), *brigade* (сельскохозяйственная бригада), *partija* (коммунистическая партия), *mobilizēt* (мобилизовать силы), *rosms* (пионерское звено); *padome* (сельский совет), *pils* (дворец пионеров), *sardze* (стража мира) и др. Под влиянием русского языка создаются кальки в латышском языке, например: *pašdarbība* (самодеятельность), *vissavienības* (всесоюзный), *komjaunatne* (комсомол), последнее — частичная калька, и др.

Особенно многочисленны заимствования из русского литературного языка и соседних русских говоров в латышских говорах Латгале, так называемых глубоких верхнелатышских говорах. Здесь можно отметить заимствования различных слов, как знаменательных, так и служебных. Приведем примеры по отдельным частям речи.

Имена существительные, например: *tvorogs* (творог), *klevers* (клевер), *stoks* (стор), *krysa* (крыса), *šūška* (шишка), *gošča* (роща), и с изменением ударения, в соответствии с нормами латышского языка например: *čardaks* (диал. чардак), *rauks* (паук), *duga* (дуга) и др.

Имена прилагательные, например: *pozņys* (поздний), *bedņys* (бедный), *tups* (тупой), *velikis* (великий) — с изменением ударения, и др.

Глаголы, например: *guļot* (гулять), *sasvotot* (сосватать), *ženētis* (жениться) и др.

Наречия, например: *časta* (часто), *dolga* (долго), *naprasna* (напрасно) — с переносом ударения, *čut* (чуть), *toļka* (только) и др.

Частицы, например: *že* (же) и др.

Союзы, например: *i* (и), *a* (а) и др.

Сюда же можно отнести и некоторые кальки, часто фразеологического характера, например: *sviesta nedēļa* (масленица), *kaļva maiss* (кузнечные мехи), *vīglinis* (легкие), *vysleidz* (все равно), *pi-zam* (из-под) и др.

Встречаются также в латышских говорах заимствования некоторых словообразовательных элементов русского языка, например, глагольных приставок *про-*, *роз-* (*раз-*), *под-*: *probrauca* (проехал), *rozpleisa* (разбил), *rodīt* (подойти) и др.; суффиксов существительных *-ушк-*, *-от-*: *meituška* (девушка), *plykota* (босота) и др.; суффикса прилагательных *-еньк-*: *jaunīnks* (молоденький), *mozeņks* (маленький) и др.

Кроме вышеуказанных заимствований из русского литературного языка, встречаются также заимствования из соседних

русских говоров, например: руца (пуня=сарай для сена), гиџиникс (ручник=полотенце), буџбис (бульба=картофель), торба (торба=мешок), себрс (сябр=сосед, друг), засинс (засинь=тень) и др. Иногда такие заимствования выступают как синонимы к исконно латышским словам, например: пуотра/џугалка (жигалка=крапива), е||а//алејс (олей=масло), с'āбрыс//sus'ес (сябр, сусед=сосед) и др.⁴⁶⁾ Огромное количество заимствований лексического порядка, а также фонетических и грамматических заставляют задуматься над тем, не было ли здесь переходных славяно-балтийских говоров и не являются ли некоторые языковые явления древними, сохранившимися в латышских говорах на данной территории.

Кроме того, изучение диалектных заимствований является источником для установления происхождения русских на латышской территории.

По вопросу о русских заимствованиях в некоторых латышских говорах имеется интересное исследование К. Дравиня, вышедшее недавно за границей. Это статья, помещенная в журнале *Skando-Slavia* (т. 2) под названием *Beobachtungen über das Eindringen spätrussischer Lehnwörter in einige nordkurländische Mundarten*.

Здесь речь идет о поздних русских заимствованиях XIX—XX вв. в некоторых латышских говорах Курземе на основе наблюдений автора до Великой Отечественной войны, причем это — слова, заимствованные впервые или вторично заимствованные старые, уже забытые русские слова.

Классификация слов проводится автором по их значениям и распределяется по следующим смысловым группам: военная лексика, административно-судебная, названия мер, пищи, предметов домашнего быта, одежды и обуви, лиц, общественных отношений и др.

Имеются и некоторые попытки стилистической классификации, но они сводятся лишь к установлению отрицательного значения заимствований и положительного исконно латышских слов, например: *k|jīēba — maīze, šmatrētiēs — meklētiēs*. Но область стилистического использования заимствованной лексики, как показывает приведенный К. Дравинем материал, может быть значительно расширена, если выделить слова общие и для современного латышского литературного языка, устанавливая нейтральную лексику, например: *šinelis, gubulis, kapikis, milicis, balalaika, baškiēris, kazaks* и др. в том числе и историзмы, например: *žaīndafms, meļlā sotņa, aīšina, puds, verste, katorga,*

⁴⁶⁾ Все латышские диалектные примеры даны на основе материалов диалектологических экспедиций ЛГУ и материалов сектора фольклора Инст. яз. и лит. АН Латв. ССР.

stražņiks, pristavs, senāts, miērtiēšnesis, tiēsu palāta и др., и разговорно-просторечную, например: pačalniēks, zalogs, močalka, duraks, abižāt и др.

Морфологические замечания по поводу заимствованной лексики сводятся лишь к утверждению, что большинство слов — это имена существительные. Необходимо также отметить еще различия в роде, например: kļiēba, braka, aššina, paika и др., и некоторые особенности словообразования, например: žerebiņš (жребий) pačalniēks (начальник). Здесь следует отметить ошибочное утверждение, что в слове *паек* суффикс -ек уменьшительный и это слово может быть сопоставлено со словом *пай*, в то время как эти слова в современном русском языке имеют различное значение и не могут сопоставляться.

Из области фонетики отмечается, что в новых заимствованиях сохраняется русский звуковой состав и ударение. Но кроме того, интересно было бы отметить те русские фонетические черты, которые не имеют места в современном русском литературном языке, а указывают на особенности повлиявшего диалекта, представители которого общались с местным латышским населением и оказали влияние на его речь, например: смешение шипящих с свистящими — šmatrēt, štaņcija, šlidv āters, atštauķa, jāiči, наличие неслогового *и* на месте *v* — atštauķa, сохранение полногласия в некоторых случаях — žerebiņš и др.

Рассмотрение русской и латышской лексики в сопоставительном плане показывает, что, кроме исконно-общей лексики, довольно обширной группы слов, имеется еще много новых общих слов, как интернациональных, так и заимствований из русского языка и через русский язык в латышский. Все это свидетельствует о большой близости изучаемых языков и о непрерывных связях между носителями этих языков. Но в каждом языке имеется свой большой словарный запас, специфичный, сложившийся путем длительного исторического развития и продолжающий развиваться и дальше.

ФОНЕТИКА

Гласные

Сравнение звукового состава русского и латышского языков позволяет установить общее, сходное и специфичное в языках, а также освобождает от ложного представления о том, что близкие на слух звуки сравниваемых языков тождественны по своей артикуляции. Такое частичное сходство ведет к неправильному взгляду на фонетический строй языка и языковые взаимоотношения, если не показать то частичное несоответствие, которое в данном случае имеет место. Общие же особенности указы-

вают на генетическую общность языков, а различия на особенности, специфику каждого из сравниваемых языков и самостоятельный путь развития.⁴⁷⁾

Количество гласных в русском и латышском языках не совпадает. В русском языке их шесть — *и, э, ы, а, о, у*, а в латышском языке на первый взгляд кажется, что их только пять — *ī, e, a, u, o*. В действительности их значительно больше — 12, так как сюда необходимо отнести еще долгие гласные — *ī, ē, ā, ū, o* и открытые краткое *ē* и долгое *ē̄*, которые на письме не имеют особого обозначения.⁴⁸⁾ Следовательно, латышскому литературному языку не известен совершенно только гласный *ы*, но этот же звук встречается в латышских говорах Латгале и является, возможно, либо исконно общим гласным русского и латышского языков из общеиндоевропейского *ī* долгого, либо заимствованием с древнейших времен на соседних территориях. А современному русскому языку неизвестны долгие гласные, в то время как в древнерусском таким долгим гласным был *ять*, на что указывают диалектные формы типа *лѣс* и заимствования, например, *grēks* (грѣх) и др.

Количество букв для обозначения на письме соответствующих гласных тоже не совпадает в русском и латышском языках. Так, в латышском языке количество гласных звуков и букв почти совпадает, за исключением открытого гласного *ē*, краткого и долгого, и дифтонга *uo*, что свидетельствует о большой распространенности фонетического принципа в латышском языке. В русском же языке букв для обозначения больше, чем звуков, так как буквы *е, я, ё, ю* обозначают или соответствующие гласные после мягкого согласного, или йотированные гласные, то есть сочетания йота с последующим гласным. Последнее указывает на слоговой принцип обозначения гласных в русском языке.

Графика русская и латышская полностью не совпадают в целом и при обозначении гласных в частности, так как в латышском языке применяется так называемая латиница, а в русском латинизированная кириллица. Полностью совпадают только *а, о*; частично различается *е*, так как в русском эта буква обозначает не только *е* после мягкого согласного, но и йотированный гласный. Ни звука, ни тем более соответствующего знака для обозначения не имеет *ы*. Буква *и* в каждом из срав-

⁴⁷⁾ См. наши статьи: *Fonētikas jautājumi skolā. Padomju Latvijas skola*, 1951, Nr. 8. Работа над русскими согласными в латышской школе. «Русский язык в национальной школе». 1957. № 3. Вопросы русской фонетики в латышской школе. Сб. Русский язык в латышской школе. Rīga, 1958.

⁴⁸⁾ Здесь и в дальнейшем см. A. Laua. *Mūsdienu latviešu literārās valodas fonētikas jautājumi*. R. 1961.

ниваемых языков обозначает другой звук: в русском — это гласный переднего ряда верхнего подъема, а в латышском заднего ряда верхнего подъема. Буква *y* в латышском алфавите не употребляется, она используется только при фонетическом транскрибировании звука *ы*, встречающегося в некоторых латышских говорах. Совершенно неизвестны в латышской графике буквы *э, я, ё, ю*. Кроме того, различие заключается еще и в том, что русские буквы могут быть многозначны, в зависимости от положения они обозначают различные звуки или даже сочетания звуков, что в латышском языке наблюдается сравнительно редко. Объясняется это тем, что в русском письме применяется гораздо шире исторический принцип, чем в латышском. Приведем примеры с ударяемыми гласными:

и — 'и, ы, .ји (пить, шить, воробы),
е — 'е, э, .је (петь, кашне, есть),
а — 'а, а (чай, пар),
я — 'а, ја (пять, яма),
у — 'у, у (чужой, буря),
ю — 'у, ју (нюхать, пью),
о — о, јо (он, почтальон),
ё — 'о, јо (везёт, поёт).

В латышском же языке такие варианты написания дают только *e, ē; ē ē* и *o*, так как *e, ē* обозначают на письме открытый и закрытый переднеязычный гласный среднего подъема, а *o* — гласный *o* (в иноязычных словах) и дифтонг *uo*, например: *nesu* — *nesu*, *ēdu* — *ēdu*, *politika* — *loti*.

В безударном положении в русском языке имеются другие соответствия, но о них будет сказано ниже.

Что же касается произношения гласных в целом, то здесь можно отметить некоторые закономерности, характерные для русского и латышского языков в отдельности. Так, раствор рта при произношении гласных у латышей очень узкий, а у русских значительно шире, но напряжение органов речи слабее. Все латышские гласные произносятся одинаково отчетливо во всех положениях, независимо от ударения, например: *dEva, priedEs, dabūtAis, revolūcIja*, а в русском языке гласные наиболее четко произносятся под ударением, например: *дам — даю, стол — столы, пить — пила, небо — небеса*. Наибольшей редукции достигает гласный во втором предударном слоге и в заударном положении, например: *вѣдoвoз, стѣрнiнi, безoпiснѣсть* (ср. латышское *oregācija*). Поэтому русские, недостаточно владеющие латышским языком, а иногда даже и сравнительно хорошо владеющие, разговаривая по-латышски реду-

цируют безударные гласные по законам своего родного языка, в то время как латыши, разговаривая по-русски, слишком отчетливо произносят гласные. Следовательно, по-латышски следует читать так, как написано, а по-русски НЕ так, как написано. А именно, в русском языке в безударном положении гораздо меньше гласных, чем в ударяемом. Здесь нет гласных *e*, *o*, так как на месте *e* произносится краткое *и*, а на месте *o* — краткое *а*, говоря несколько упрощенно. Точнее было бы: гласный *o* в первом предударном слоге произносится как краткое *а*, а во всех остальных безударных положениях произносится как редуцированный гласный, средний между *а* и *ы*, обозначаемый в фонетической транскрипции знаком *ъ*, а гласный *e* во всех безударных положениях произносится как звук средний между *e* — *и*. Но здесь следует сослаться на Л. В. Щербу, который очень правильно указывает: «Я считают красивое произношение, расплывающееся в полутонах и полуинтонациях, с педагогической точки зрения безусловно вредным».⁴⁹⁾

Необходимо еще кратко остановиться здесь на вопросе об ударении в русском и латышском языках. В русском языке ударение свободное, как известно, и переменное. Следовательно, оно может иметь смыслоразличительное (лексическое) и форморазличительное (грамматическое) значение, например: ср. омографы — *зámók*, *кóзлы*, *стрéлки*; *нóги*, *крýгом*, *насы́пь*, *до-рóга*, *во́лос* и др., и омофоны — *леса*, *лиса*; *частота*, *чистота*; *веселье*, *веселья* и др. Ударение может играть также и стилистическую роль, например: *дéвица*, *мóлодец* и др. В связи с указанной особенностью русского языка необходимо рассматривать вопросы ударения конкретно, при каждой части речи в отдельности. В латышском же языке ударение постоянное, обычно на первом слоге, более позднее по своему происхождению, развившееся некогда под влиянием соседних финских языков на месте более старого, свободного, характерного для балтийских языков и сохранившегося до нашего времени в литовском языке.

С ударением в русском языке связано некоторое удлинение гласных, приблизительно до полудолготы латышских долгих, особенно в открытом слоге, хотя в целом все русские гласные краткие, и долгие здесь не встречаются, например: дом — *дóма*, был — *бы́ло*, мал — *мáло*, дуб — *дúба*. В этой связи можно отметить также правильную мысль М. И. Быковского, который говорит: «В открытых ударных слогах русские гласные могут произноситься более протяжно, чем соответствующие им крат-

⁴⁹⁾ Академик Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М. 1957, стр. 25.

кие гласные в родном языке учащихся.⁵⁰⁾ Но нельзя согласиться с тем же автором, когда он приравнивает русские ударные гласные закрытого слога к кратким латышским, которые несомненно короче всякого русского ударяемого гласного.

В общеславянском и древнерусском языке так же; как и в современном латышском, были долгие гласные, но что указывают и древнейшие заимствования из русского языка в латышский, например: žēl (жаль), cienīt (ценить) — оба со старым ятем.

В латышском языке долгота и краткость имеют смысло- и форморазличительное значение, но это не связано с ударением, причем долгота обозначается на письме особым диакритическим знаком, например: kazas (козы) — kāzas (свадьба), mati (волосы) — māti (мать), ņemu (беру) — ņēmu (брал), sarga (сторожа) — sargā (сторожит).

Что касается краткости в русском языке, то здесь следует отметить некоторые особые случаи сверхкраткости. Так, безударные гласные произносятся кратко, редуцированно, а в отдельных случаях эта редукция достигает такой степени, что гласный совершенно утрачивается, например: проволОка, судорОги, новОго, основЫвать, сЕЙчас, пожалУЙста, ИванОВич, ПаВлОВич и др.⁵¹⁾

Соотношение ударных и безударных гласных в русском языке можно выразить, как предлагал А. А. Потебня, а вслед за ним и А. А. Шахматов⁵²⁾ следующим соотношением 2 : 3, например: ру-ка́, а в трехсложных словах со вторым предударным слогом — 1:2:3, например: во-до-во́з. Исаченко⁵³⁾ предлагает другое соотношение, например: ру-ка́ (2 : 4), ве-ре-те-но́ (1 : 1 : 2 : 4), ко-то́-ро-му (2 : 4 : 1 : 1), а при дополнительном ударении, например: пё-ред то-бо́й (3 : 1 : 2 : 4), что кажется вполне убедительным. В латышском же языке в таком случае это могло бы иметь приблизительно такой вид — 2 : 2, например: ma-la, и 6 : 2, например: kā-ja.

Кроме того, следует еще отметить особенность в произношении русских конечных безударных гласных, произношение которых сопровождается повышением тона, например:

БурЯ мглоЮ небо кроЕт . . ;
Мой дядЯ самыХ честныХ правИл . . . ;
СтудентЫ поехалИ в деревню.

⁵⁰⁾ М. И. Быковский. Русские гласные и некоторые приемы их изучения в лат. школе. Ученые записки Даугавпилсского пед. института. II. Д. 1959, стр. 265.

⁵¹⁾ Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М. 1954, § 19.

⁵²⁾ Очерк современного русского литературного языка. М. 1941, стр. 117.

⁵³⁾ А. В. Исаченко. Fonetika spisovnej ruštiny. Bratislava. 1947.

В латышском же языке окончания произносятся обычно без особого понижения тона, то есть повышение тона совпадает с ударением, а поэтому в русской речи латышей наблюдается некоторая нечеткость в произношении конечных слогов, что создает так называемый нерусский «акцент» речи.

Кроме основного ударения, в обоих языках наблюдается еще так называемое побочное ударение, которое особенно распространено в латышском языке и встречается на долгих безударных слогах, например: labĪba, meitenĪte, gavilĒdams, strādĀt и др.

В русском же языке такое побочное, или добавочное, ударение встречается редко в сложных и многосложных словах, например: сорокАлѣтие, машИннотрАкторный и др.

Некоторые замечания можно сделать и по поводу произношения отдельных ударяемых гласных.

Гласный *и* в русском языке имеет более переднюю артикуляцию, чем в латышском языке. С этим связано то, что этот гласный обыкновенно находится в положении после мягких согласных, например: *вить* — *вили*. Латышское *i* занимает более заднее положение, это средний звук между русскими *и* — *ы*, как, например, *и* в украинском языке. Мягкость предшествующего согласного в латышском языке настолько незначительна, что она устанавливается только экспериментально и почти не воспринимается на слух. Ср. русское *вить* и латышское *vīt*. Такая же сильная палатализация, как в русском языке, наблюдается в латышских говорах Латгале, например: *m'iži*, *l'ira* (ср. лат. литер. *mīeži*, *liera* — ячмень, липа).

Гласный *е* в русском языке имеет более заднюю артикуляцию и употребляется после мягких и твердых согласных, например: *белый*, *целый*. В латышском же языке мягкость предшествующего согласного, как и перед *i*, на слух слабо воспринимается, а устанавливается экспериментальным путем. Правда, в верхнелатышских говорах мягкость значительно сильнее, чем в литературном латышском языке, например: *dar'eja*, *vajadz'eja* (ср. литер. *darīja*, *vajadzēja* — делал, нужно было).

Гласный *е* может произноситься более узко в положении между мягкими согласными в русском языке (например, *пели*) и шире перед твердым согласным (например, *пел*), но это не имеет смысловозначительного значения. В латышском же языке, наоборот, широкое и узкое *е* имеет фонематический характер, например: *ņesu*—*nesu* (несу — нес), *dēli* — *dēli* — *dēli* (пиявку — сыновья — доску) и др. Это зависит от качества последующего гласного, то есть от других причин, чем в русском языке. В верхнелатышских говорах в некоторых случаях имеется настолько широкое *е*, что оно изменяется в *a* передне-

язычное, например *zem'a* (земля), *mot'a* (мать) и др., что напоминает русское диалектное явление — яканье, встречающееся и на соседней территории.

Гласный *a* имеет тоже более заднюю артикуляцию в русском языке. Ср. например: *vata* — *vate*, *tak* — *taka* (тропа), *banja* — *bangā* (волна), *nas* — *nasta* (ноша) и др. Этот гласный выступает как после твердых, так и после мягких согласных в обоих языках, например: *mat'ь* — *mat'ь*, *lauť* (позволять) — *labs* (хороший), *naudēt* (мякать) — *pav* (нет). Но латыши, говоря порусски, вместо *a* после мягкого согласного (особенно такого, которого нет в латышском языке), часто произносят очень широкое, открытое *e*. Это обычно наблюдается в том случае, где некогда был юс малый, например: *пятый*, *взять* и др.

Гласный *o* — это открытый звук в русском языке более широкий и более лабиализованный, чем в латышском языке. В латышском же языке *o* очень закрытый гласный и встречается только в иноязычных словах и по говорам, например: ср. *поле*, *конь* и *politika* (политика), *kombains* (комбайн), *foto* (фото); *lobs* (хороший), *vokors* (вечер), *kod* (когда) и др. Гласный *o* встречается как после мягких, так и после твердых согласных. например: *вол* — *vёл*, а в латышском языке только после твердых, например: *роета* (поэма) и др.

Гласный *ы*⁵⁴) встречается только в русском языке и только в положении после твердых согласных. Он никогда не выступает изолированно и в начале слова, кроме случаев, обусловленных законами междусловной фонетики, например: *брат—идёт* и др. В верхнелатышских говорах этот звук известен, например: *zugš* (лошадь), *zupats* (известный) и др.

Особенности артикуляции гласного *ы* заключаются в следующем: язык оттягивается назад, но меньше, чем при *у*. Спинка языка приближается к границе твердого и мягкого неба, кончик языка оттянут от нижних зубов и опущен, как при *a*. Губы пассивны. Место артикуляции совпадает с согласным *x* (ср. произношение сочетания *хы*). Произношение гласного *ы* можно еще сопоставить с *у*, но без лабиализации последнего, так как гласный *у* не имеет никаких других особенностей в артикуляции, кроме большей лабиализации в обоих языках. Ср. например: *лук* — *lūkas* (лыко).

Приведем схему артикуляции гласных по дипломной работе студ. З. Вещозол в русском и латышском языках.⁵⁵)

⁵⁴) См. М. И. Быковский. Звук *ы* и приемы его изучения в латышской школе. Ученые записки Рижского пед. института. II. Рига, 1956.

⁵⁵) Ударяемые гласные в русском и латышском языках. 1957.

И	i	Ы	и	У
	е			О
	Э			о
		А		
		а		
	е			

Как видно из приведенной схемы в русском языке (заглавные буквы) более задняя артикуляция, кроме И, чем в латышском языке (строчные буквы) и более высокий подъем. Кроме того, при произношении русских гласных наблюдается более сильное мускульное напряжение языка. В отличие от русской артикуляционной базы в латышском языке более напряжен весь речевой аппарат.

Несколько иначе трактует М. И. Быковский артикуляцию русских гласных по отношению к латышским. Так, русский гласный *а* он считает более передним, чем русский.⁵⁶⁾

Гласные как в русском, так и в латышском языках могут чередоваться в определенных условиях, но это чередование как историческое изменение различается по языкам, так как наблюдается несоответствие в количестве и качестве гласных. Основные ряды русских чередований гласных следующие:

е — о — нуль звука — и, например: беру, сбор, братъ, собирать;

о — у — нуль звука — ы, например: сохнуть, сухой, засыхать; посол, послать, посылать;

о — а, например: смотреть, рассматривать и др.

Из приведенных рядов ни один полностью не встречается в латышском языке, поскольку в исконно латышских словах нет гласного о. Но так как в латышском языке имеются долгие и краткие гласные, то они и входят в чередующиеся ряды, основные из которых следующие:

е — ē — а — ā — і — ī, например: sveru — svēru — svars — svīra (взвешиваю, взвешивал, вес, рычаг);

а — au — u — ū, например: lauzt — lūzt, kausēt — kūst (ломать — ломаться, топить — таять);

а — ā, например: zaļš — zāle (зеленый — трава).

Нуль звука при чередовании, то есть нулевая ступень, в латышском языке не может быть, так как никаких беглых гласных здесь не наблюдается. Последнее объясняется различными

⁵⁶⁾ См. указ. статью.

историческими путями развития фонетической системы русского и латышского языков.

В связи с тем, что русский и латышский — генетически близкородственные языки, то здесь имеются определенные звуковые соответствия, из которых видно, что каждый из сравниваемых языков вполне самостоятелен и имеет свой собственный, особый путь развития.

Приведем все русские гласные и латышские соответствия к ним, иллюстрируя их примерами как исконно латышскими, так и заимствованными из русского языка.

и — *ī, ie, ei*:

жив — *dzīvs*, идти — *iet*, вид — *veids*; пирог — *pirāgs*;
кривичи — *krievi*;

е (из старого е) — *e*: мед — *medus*; безмен — *bezmens*;

е (из редуцированного ъ) — *i*: весь — *viss*, зерно — *zīrnis*;
крестить — *kristīt*;

е (из старого ятя) — *ē, ie*: семя — *sēkla*, снег — *sniegs*; не-
деля — *nedēļa*, ценить — *ciņīt*;

о (из старого о) — *a*: ось — *ass*; холоп — *kalps*, говеть —
gavēt;

о (из редуцированного ъ) — *u*: блоха — *blusa*; полк —
pulks;

ы — *ū, ui*: быть — *būt*; мыто — *muīta*;

а — *ā, uo*: мать — *māte*, дать — *dot*; грамота — *grāmata*,
право — *prāva*;

'а (из старого носового, юса малого) — *e, ie*: пять — *pieci*;
святки — *svētki*, рядить — *ierēdnis* (чиновник);

у (из старого носового, юса большого) — *uo*: зуб — *zobs*;
суд — *sods*, пуд — *Pods*.

Дифтонги

Дифтонги встречаются только в латышском языке, причем один из них — *uo* — не имеет даже своего особого обозначения на письме, и для обозначения его используется тот же знак, что и для гласного заднего ряда среднего подъема, то есть выступает как графический омоним. В латышском языке можно отметить всего десять дифтоногов: *ie, uo, ai, au, ei, eu, oi, ou, ui, iu*. Все они имеют фонематическое значение. Ср. например: *lauzt — lūzt* (ломать — ломаться), *liet — līt* (лить) и др.

В русском же языке никаких дифтонгов нет, но в быстрой речи выступают дифтонгические сочетания типа гласный плюс *й*, напоминающие латышские дифтонги с *i*, например: *новый*, *сарай* и др. Поэтому остальные латышские дифтонги при транс-

литерации воспринимаются русскими как гетеросиллабические сочетания, особенно в различных собственных именах, что отражается и на произношении соответствующих слов, например: Ли-е-па-я, За-су-ла-ук и др.

В русской же речи латышей слышится дифтонг на месте старого ятя и о (под старой восходящей интонацией). Это может объясняться тем, что современные гласные е и о являются дифтонгоидами, то есть имеют начальный призвук и или у. Кроме того, в древнерусском языке на месте ятя произносился дифтонг *ие*, что отразилось и в соответствующих заимствованиях из русского языка (см. стр. 187) и до сих пор имеет место в некоторых русских говорах, где выступают дифтонги *ие* и *ю*, например: хл'иеп, вуол'а и др. В связи с вышесказанным возникает проблема, требующая экспериментального исследования для установления, насколько сохранился дифтонгический элемент в данном случае в современном русском литературном произношении, так как натренированное, чуткое латышское ухо улавливает здесь дифтонг.

Примерами для таких сопоставлений могут быть, например: *белый, хлеб, цвет, река, цена, дети и небо, сердце, цистерна; боб, вздор, воля, мог, работа и пот, после, проглотишь, ток, холм, что.*

В этой связи интересно привести мнение преподавателей русского языка нерусским, которые отмечают, что «качественной неоднородностью характеризуются почти все русские гласные под ударением: вызвано это тем, что во время артикуляции гласного язык не остается в одном и том же положении, а «скользит», причем обычно от более высокого подъема к более низкому. В результате этого «скольжения» большинство гласных получает дифтонгодную окраску».⁵⁷⁾ В данном случае также, исходя из норм родного произношения, фиксируются те особенности русского произношения которые при изолированном рассмотрении не привлекают особого внимания.

Согласные

Система согласных в русском и латышском языках очень обширна в количественном отношении. В русском языке 35 согласных — б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, ј, б', в', г', д', з', к', л', м', н', п', р', с', т', ф', х'. В латышском всего согласных 26 — b, c, č, d, dz, dž, f, g, ģ, h, j, k, ķ, l, ļ, m, n, ņ, p, r, s, š, t, v, z, ž.

⁵⁷⁾ М. Петер, Г. Кирсанова. Лингвистические основы обучения русскому литературному произношению. Русский язык в национальной школе. 1960, № 3.

Но написание и произношение согласных не всегда совпадает. Так, в русском языке имеется только 20 букв для обозначения согласных на письме, потому что нет особого знака для йота и для мягких согласных, которые имеют слоговое обозначение при помощи соответствующих гласных — *и, е, я, ю, ё*. Кроме того, для мягкости еще используется *ь*, а иногда это явление совсем не обозначается при написании. Буква же *щ* не обозначает особого звука — это или долгое мягкое *ш*, или, как теперь все чаще слышится, сочетание мягких согласных *ш* и *ч*.

В латышском же языке, где письмо более фонетическое, все-таки полного соответствия тоже нет. Для обозначения 26 звуков имеется 24 буквы, так как звуки *dz* и *dž* обозначаются сочетанием двух букв. Такой способ, использование лигатуры, известен был и в истории русского письма (ср. древнерусское написание *ы* и *щ*).

По своему написанию и произношению в обоих языках совпадают *К к, Д, М и Т* печатное. Только по написанию соответствуют *В в, Р р, С с, Н, н, ч, т* прописное. Особенность в обозначении латышских согласных заключается в том, что здесь в XX веке введены по образцу чешской графики диакритические надстрочные знаки для обозначения шипящих *č, ž, š*, и имеются еще подстрочные знаки для обозначения мягкости *ģ, ķ, ļ, ņ*.

В произношении согласных наблюдается ряд общих закономерностей, но имеются и отличия. Так, и в русском, и в латышском языке выступают пары звонких и глухих согласных:

б—п, в—ф, г—к, д—т, ж—ш, з—с;
b—p, v—f, g—k, d—t, z—s, ž—š,

то есть в обоих языках таких пар шесть. Но некоторое своеобразие составляет в этом отношении латышский язык, где пара *s—z* произносится с более сильным свистящим элементом, чем в русском языке. Кроме того, в латышском языке имеются еще пары там, где их нет в русском языке, это — *c—dz, č—dž*, в то время как в русском языке *ц* и *ч* выступают только как глухие согласные.

В русском языке *х* так же, как и в латышском *h*, является только глухим и не имеет соответствующей звонкой пары. Общими звонкими, не имеющими глухой пары в обоих языках, являются сонорные *л, м, н, р* и *l, m, n, r*.

Для обоих языков характерно позиционное изменение согласных, так наз. явление оглушения и озвончения, то есть ассимиляция по глухости или звонкости. Оглушение наблюдается обычно в середине слова перед следующим глухим согласным, например: *лодка, ножка, подписывать, logs* (окно), *mazs* (маленький), *izstrādāt* (выработать) и др. Но только для русского

языка характерно оглушение в абсолютном конце слова, например: *год, луг, груб, воз* и др., чего в латышском языке не наблюдается, ср. например: *tad* (тогда), *grib* (хочет), *driž* (скоро), *rag* (подожди) и др. Такое оглушение ведет в русском языке к образованию омофонов, например: *мог — мок, луг — лук, роз — рос, груздь — грусть, молод — молот* и др. В латышском же языке такие пары слов очень четко различаются не только на письме, но и в произношении, ср: *maz* (мало) — *mās* (сестра); *peld* (плавает) — *pelt* (порицать); *māt* (мать) — *Mād* (личное имя, зват. форма). Но такие омофоны вполне возможны в латышском языке при оглушении в середине слова, например: *augsts* — *auksts* (высокий и холодный), и в русском языке, например, *везти* и *вести* и др.

Что касается явления озвончения, то оно наблюдается в обоих языках в середине слова и является результатом ассимиляции перед любым звонким, кроме сонорных, например: *сделать, молотьба, свадьба* (от слова *сватать*), причем в последнем случае озвончение проникло и в написание и в латышском языке, например: *atbilde* (ответ), *apgāzt* (опрокинуть) и др.

Явление долготы и краткости согласных наблюдается также в обоих рассматриваемых языках. Разница заключается только в способе обозначения долготы на письме. Так, в русском языке долгота обозначается написанием двух одинаковых согласных, например: *ванна, восстановить*, или на стыке морфем разными согласными при их ассимиляции в произношении, например: *отделить, подтянуть, расшитый, сжечь, отчего, переплетчик* и др., а также в корне слова, например: *дождя*,⁵⁸⁾ *приезжай*,⁵⁹⁾ *отца, колодца, двадцать* и др. То же самое можно отметить и в латышском языке, например: *vanna, izzust, brilles; atdot, izsist, izšūt, izžāvēt* (ванна, исчезнуть, очки, отдать, выбить, вышить, высушить) и др. Не наблюдается только третьего случая в латышском языке.

Но в каждом из рассматриваемых языков имеются и более существенные отличия. Так, только в русском языке двойное обозначение согласного может не являться признаком долготы в произношении, например: *русский, класс, перрон, комиссия* и др. И, во-вторых, сочетание согласных *тс, дс* может давать аффрикату *ц*, часто долгую, например: *смеяться, смеется, советский, соседский* и др. В латышском же языке в конце слова иногда тоже наблюдается подобное явление, например: *sirds, mats* (сердце, волос) и др.

Только для латышского языка характерно долгое произно-

⁵⁸⁾ Раньше единственным орфоэпическим произношением было долгое мягкое ж', а теперь параллельно выступает и новое, сочетание ж' д'.

⁵⁹⁾ Раньше произносилось только долгое мягкое ж', а теперь и долгое твердое ж.

шение глухого согласного между краткими гласными, что на письме не имеет особого обозначения, например: *lara, taka, mati, laša, klase* (лист, тропа, волос, лосося, класс) и др. (Ср. русское *lána, káша, váта* и др.). Последнее связано и с наличием особого типа закрытого слога в латышском языке, например: *lap-ra*.

Сюда же с некоторой оговоркой можно отнести русские слова, которые пишутся через букву щ. Данная буква раньше обозначала долгий мягкий шипящий ш, а теперь наряду со старым произношением все чаще выступает новое и широко-распространенное сочетание ш' ч', например: *ищу, щи* и др.

В русском и латышском языках имеются твердые и мягкие согласные. Мягкость, как известно, связана с продвижением артикуляции вперед, к среднему небу, то есть мягкие согласные, кроме основной артикуляции, имеют еще дополнительную, средняяязычную, йотовую артикуляцию. Таких согласных в латышском языке мало, их всего лишь четыре: *ğ, ķ, ļ, ņ*, но наличие их необоснованно отрицает М. И. Быковский.⁶⁰⁾ Правда, еще недавно отмечался в латышском языке пятый мягкий согласный — *ŗ*, но теперь это уже является признаком устарелого или даже диалектного произношения. Кроме того, надо отметить еще, что некоторые языковеды, например, Я. В. Лоя,⁶¹⁾ считают, что заднеязычные *ķ* и *ğ* не мягкие соответствия *k* и *g*, а качественно другие согласные, мягкие зубные *t* и *d*. Но это утверждение не соответствует действительности, так как заднеязычные при дополнительной йотовой артикуляции не изменяют своей основной артикуляции и при произношении их кончик языка опущен к нижним зубам, а при произношении зубных кончих языка поднят к верхним зубам, ср. например, русское *кисель* и латышское *ķiselis*.

Пары *l* и *ļ* не совсем соответствуют обычному соотношению твердых и мягких согласных, так как в латышском языке нет твердого, велярного *l*, а только так называемое среднее, европейское.

В русском же языке имеется большое количество мягких согласных, так что образуется 15 пар по твердости и мягкости: *б—б', в—в', г—г', д—д', з—з', к—к', л—л', м—м', н—н', п—п', р—р', с—с', т—т', ф—ф', х—х'*.

Таким образом только твердыми в русском языке бывают *ж, ш, ц*. При их произношении спинка языка слегка отодвинута

⁶⁰⁾ Некоторые приемы изучения согласных звуков русского языка в латышской школе. Ученые записки Даугавпилсского пед. института. 1958.

⁶¹⁾ Учет особенностей родного языка при изучении русского языка латышскими студентами. «Вопросы методики преподавания русского языка нерусским». IV. М. 1956.

назад, веляризована даже и в иноязычных словах, например: *брошюра, жюри* и др. Если сравнить *ж, ш* с латышскими шипящими *ž* и *š*, то видно, что, хотя они также являются твердыми, но артикуляция последних несколько отличная, как и в литовском языке,⁶²) что и производит впечатление некоторой мягкости данных согласных по сравнению с русскими. Ср. например: *шить, жить* и *šūt, šāds, šodien, žūt, žagata, žoklis* (шить, такой, сегодня, сохнуть, сорока, челюсть). Кроме того, русские твердые согласные слегка лабилизированы, то есть при их произношении участвуют губы, особенно при шипящих, что производит впечатление особой твердости и более глубокой артикуляции. Если же еще учесть и то, что средняя часть спинки языка при этом опущена, твердая окраска становится вполне понятной в русской речи.

Следовательно, в русском языке твердых согласных, не имеющих мягкой пары только три, а в латышском всего 17: *b, c, č, d, dz, dž, f, h, m, p, r, s, š, t, v, z, ž*.

Только мягкими в обоих языках является йот, а в русском языке еще, кроме того, *ч*. Для русского языка очень характерны мягкие зубные, особенно трудно произносить их в конце слова, например: *цепь, семь, голубь, кровь* и др., что непоследовательно соблюдается в разговорной речи иногда даже самих русских. Поэтому латыши пытаются заменить в середине слова мягкость йотацией, широко распространенной в латышском языке после губных, особенно в таких, например, словах, как: *семя, мясо, ребята, пятый, Федор* и др.

В русском алфавите имеется особая буква для обозначения мягкости на письме — это *ь*, но она употребляется традиционно и там, где нет мягкости, например: *мышь, ложь* и др. Кроме того, как уже указывалось, мягкость может обозначаться и по слоговому принципу гласными буквами *и, е, я, ю, ё*, например: *сила, сел, сяду, сюда, сёла*. В латышском же языке для этой цели служат только особые диактрические подстрочные знаки.

Некоторые особенности в произношении отдельных согласных можно отметить и в русском, и в латышском языках. Так, согласный *в* в русском языке имеет очень точную губно-зубную артикуляцию, чего нет в латышском языке, где иногда этот звук слышится четко, например: *vakaŗs, vilks* (вечер, волк), в других случаях заменяется через *и* неслоговое, например: *savs, tavs* (свой, твой), или даже совсем утрачивается, например: *tēvs, dievs* (отец, бог). Особую трудность представляет произношение мягкого *в*, которое латышам не известно, а потому подменяется

⁶²) См. A. Laua. *Mūsdienu latviešu literārās valodas fonētikas jautājumi*. R. 1961; И. И. Цукерман. Языкознание и школа. ВЯ 1955, № 5.

иногда йотом, например, в таких словах, как: *твердый, свекла, сверток, связка, свет, свежий* и др. Слова же с начальным сочетанием *вс-* и *вк-* тоже представляют трудность, так как таких слов в латышском языке вообще нет. При произношении их наблюдается метатеза с йотацией или утратой согласного, например, в следующих словах: *всё, вкусный, всякий, всюду, всходя, вступить, встречать* и др.

Надо отметить здесь еще одну особенность русского языка в произношении *з*, а именно: этот звук произносится в отдельной морфеме, в родительном падеже единственного числа прилагательных, местоимений и порядковых числительных в мужском и среднем роде, а также в производном наречии *сегодня*. на месте орфографического *з*, чего в латышском языке нет, то есть здесь имеет место грамматикализованное фонетическое явление. Последнее объясняется влиянием диалектного языкового процесса на литературный язык в определенный исторический период, например: *большого, кого, такого, первого* и др.

Вторая особенность в произношении русских согласных заключается в том, что велярный согласный *л* отличается своей артикуляцией: кончик и передняя часть языка плотно прижаты к верхним зубам, задняя часть спинки языка поднята несколько к мягкому небу, а средняя часть вогнута. При такой артикуляции следует произносить отчетливое *о*, но без лабиализации. А. В. Исаченко предлагает другой метод артикулирования данного звука: сперва загибается кончик языка назад и артикулирует нижняя сторона языка. Таким образом достигается опускание средней части языка, после чего можно уже переходить к нормальной артикуляции. Такой прием кажется не вполне целесообразным и слишком сложным. Велярный звук известен и верхнелатышским говорам, например: *dāls* (сын), *vylks* (волк) и др.

Согласный *н* в русском языке в любом положении — это зубной носовой, не подвергающийся никакому изменению, например: *нос, банк, звонкий* и др. В латышском же языке в определенном положении, перед заднеязычными согласными *н* становится заднеязычным, то есть ассимилируется последующему *к* или *г*, например: *банка* (банк), *гунга* (дубина) и др. Такого позиционного варианта не наблюдается и в латышских говорах Латгале.

Согласный *х* в русском языке в конце слова обычно бывает твердым, напр., *этих, их, новых, воздух, смех, мох* и др. Этот звук не известен в исконно латышских словах. Он встречается только в различных иноязычных словах. Поэтому в русском литературном произношении латыши заменяют твердое *х* в конце слова через мягкое, как это наблюдается в наиболее знакомом им из всех иностранных языков, в немецком. А по говорам

заменяют его заднеязычным взрывным *k*, например, в Латгале петук вм. петух, калкос вм. колхоз и др., а также в диалектных заимствованиях из русского языка, например: *okuota* (охота), *gluks* (глух), *kopis* (хомут), и др. Эту же особенность можно отметить и в литовском языке.⁶³) Изменение *k* в *x* встречается и в старых заимствованиях из русского языка, например: *grëks* (грех), *kalps* (холоп) и др.

Можно еще отметить некоторые лексикализованные фонетические явления: произношение *ш* на месте орфографического *ч* (как результат распада аффикаты и утраты взрывного элемента по говорам) в словах *что*, *чтобы*, *конечно*. Сюда же можно отнести и произношение *х* на месте орфографического *г* в словах *легкий*, *мягкий* как результат ассимиляции по глухости и диссимляции по способу артикуляции взрывных согласных.

Такие явления не отмечаются в латышском языке и, следовательно, являются специфически русскими.

Необходимо также указать на утрату интервокального йота, полную, например: *читает* (ч'ита́йт), или замену неслоговым и, например: *большая*, *знаю*, *края*, хотя Исаченко всюду отмечает одинаковое произношение с зиянием.

Согласные в обоих рассматриваемых языках подвергаются историческим изменениям, чередованию. И в этом отношении в русском и латышском языках много сходного и даже общего. Так, полностью совпадает чередование свистящих с шипящими *с—ш*, *з—ж*, и *s—š*, *z—ž*, например: *писать* — *пишу*, *возить* — *вожу* и *lasis* (лосось) — *laša*, *pazis* (нож) — *paža*.

Частично совпадает чередование переднеязычных. Так, полностью соответствует чередованию звонких *д—ж* и *d—ž*, например: *ходить* — *хожу* и *brīdis* (олень) — *brīža*. Но в латышском языке не может быть третьего чередующегося элемента *жд* (например, *хождение*), который имеет место в русском языке как фонетический старославянизм. И полностью различается чередование глухих переднеязычных *т—ч—щ* и *t—š*, например: *свет—свеча* — *освещение* и *zutis* (угорь) — *zuša*.

Что касается чередования заднеязычных, то здесь еще меньше общего. Так, чередований заднеязычного *х—ш*, например, *уха—уши* в латышском языке вообще быть не может, так как звук *h* иноязычного происхождения и в исконно латышских словах, где наблюдается чередование согласных, не встречается. Чередование глухих заднеязычных *к—ч—ц* (например, *рыбак—рыбачить—рыбацкий*) имеет соответствие в латышском языке очень редко, почти единично во всех трех случаях *k—c—č* (например, *lauks* (белолобый) — *laucis—lauči*), обычно же оно выступает в последней паре *c—č* например: *lācis* (медведь)

⁶³) И. И. Цукерман. Языкознание и школа. ВЯ, 1955, № 5.

īaši. И звонкий *г—ж—з*: *друг, дружба, друзья*, а в латышском совершенно другое соответствие *g—dz*: *lūgt* (просить) — *lūdzu*.

Как известно, чередование согласных возникло исторически в результате йотации, поэтому в некоторых случаях, в латышском языке там, где нет чередования, как в русском языке, сохраняется эта йотация губных согласных. Ср. русские чередования *б—бл, п—пл, в—вл, ф—фл, м—мл*, например: *любить — люблю, терпеть — терплю, ловить — ловлю, графить — графлю, ломить — ломлю*, и латышские *bj, pj, vj, mj*, например: *gulbis* (лебедь) — *gulbja*, *durvis* (дверь) — *durvju*, *gūpes* (забота) — *gūrju*, *kurmis* (крот) — *kurmjā*. Чередований с согласным *f* в латышском языке нет, поскольку это звук новый, иноязычный по своему происхождению, ср. например: *kaņafe* (графин) — *kaņafu*.

В русском языке имеются еще так называемые непроизносимые согласные, так как русское письмо в большой степени основано на морфологическом принципе, а не на фонетическом. Такое произношение могло развиться при стечении группы согласных после падения редуцированных. Непроизносимыми согласными обычно являются *д, т, л, в*, например: *праздник, лестница, сердце, поздний, солнце, здравствуй, чувство, местный, счастливый* и др. В латышском языке обычно явление непроизносимых согласных не отмечается, но нечто сходное можно наблюдать и здесь, когда в производном слове корневой согласный не только не произносится, но и не пишется, например: *pakšņiņa* от *pakts* (ночь), *sirsņiņa* от *sirds* (сердце) и др. В истории русского языка такая утрата согласного имеет место при образовании нового слова из старых двух, например: *есть ли — если*.

В заключение обзора согласных отметим звуковые соответствия русских и латышских согласных, указывающие на генетическое родство русского и латышского языков. В основном все согласные полностью совпадают в обоих рассматриваемых языках, за очень немногими исключениями, объясняемыми более поздними изменениями в каждом из данных языков. Так, во-первых, русскому *х* соответствует латышское *s*, например, *уха* — *auss*. Такое соответствие объясняется тем, что в славянских языках, как известно, произошло изменение первичного *с* в *х* перед *и, у, к, р*. В заимствованиях же из русского в латышский на месте русского *х* имеется *к*, например: *грех* — *grēks*.

Во-вторых, русскому *ж* соответствует латышское *dz*, например: *жить* — *dzīvot*. В обоих языках это более поздние звуки, возникшие из общеиндоевропейского *g* палатального. Другие новые звуки тоже не показывают последовательности в соответствиях, например: *ш, ч* из *с, к*. Ср. *шить, четыре* — *šūt, četri*, но *сетурtais, сей* — *šis*.

Относительно соответствия *ф* — *f* мы вообще не можем говорить, так как что звук иноязычный в латышском языке, хотя примеры интернациональных слов не показывают в этом отношении никакого расхождения, например: форма — forma.

В остальных соответствиях расхождений нет:

б — b: брат — brālis,
п — p: спать — sapnis,
м — m: мать — māte,
в — v: весь — viss,
д — d: дым — dūmi,
т — t: ты — tu,
з — z: зима — ziema,
с — s: сидеть — sēdēt,
л — l: липа — liepa,
н — n: день — diena,
р — r: брат — brālis,
j — j: юный — jauns,
г — g: мгла — migla,
к — k: кто — kas.

Итак, в результате обзора звуков в русском и латышском языках можно сделать следующие выводы. В русском и латышском языках наиболее древней, устойчивой и общей является система согласных, консонантизм. Отличия наблюдаются главным образом в вокализме, что указывает на специфику системы гласных в обоих языках с древнейших времен. Частичные различия в области артикуляционной базы обоих языков указывают на особенности норм литературного произношения в наше время, которые сложились исторически в каждом языке в отдельности.

В. А. Юрик

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКАХ

Категория числа существительных в сопоставляемых языках является одной из центральных грамматических категорий для этих имен.

Реальными основаниями категории числа служит количество считаемых предметов, которые обозначаются именами существительными, содержащими, как правило, те или иные морфологические показатели их числового значения. Исключения в этом отношении представляют лишь несклоняемые существительные, которые эту категорию выражают иными, неморфологическими средствами.

Необходимо, однако, отметить, что склоняемые имена существительные как в русском, так и в латышском языках представляют собой обширные группы слов, среди которых далеко не все имена обозначают предметы, поддающиеся счету, и, следовательно, далеко не все существительные отражают количественные отношения. Так, например, в русском языке «беготня», «человечество» и в латышском — «skraidīšana», «cilvēce» не могут мыслиться в каких-либо количественных отношениях, однако формально они подводятся под категорию единственного числа подобно русским «капля», «село», и латышским «skola» (школа), «pele» (мышь). Это объясняется тем, что и русский и латышский языки относятся к группе флективных, для которых характерна многозначность флексий, так что, например, флексии падежей одновременно обладают и родовой и числовой значимостью и, таким образом, все склоняемые существительные априори обладают и родовыми и числовыми формами. Наоборот, несклоняемые существительные, хотя и могут иметь значения рода и числа, не имеют морфологических средств выражения этих значений. Так, лишены морфологических форм рода и числа такие существительные, как «шимпанзе», «пианино» в русском языке и «laso» (лассо), «taksi» (такси) в латышском, хотя предметы, обозначенные этими существительными,

вполне считаемы и относятся к различным родовым группам в сопоставляемых языках.

Необходимо также отметить, что, говоря о морфологических формах вообще, нельзя упускать из виду основного существенного признака последних, а именно: системного характера этих форм, заключающегося в способности слов образовывать морфологические парадигмы их изменения и противопоставления по данному значению. Так, например, существительное русского языка «пальто» представляется лишенным морфологических форм падежа и числа именно в силу отсутствия способности морфологически изменяться по падежам и числам, образовать падежную или числовую парадигму хотя бы с двумя морфологически различающимися членами. Таким образом, говорить о наличии категории числа у того или иного существительного можно лишь в том случае, если оно обладает способностью склоняться по числам и имеет внешние, морфологические показатели числовых значений. Поэтому представляется неверным положение Грамматики современного латышского литературного языка, где, например, пишется следующее:

«Существительное в единственном числе обозначает или отдельные предметы (напр., *brālis, bezdelīga. koks*), или понятия, которые необходимо воспринимать как целые — абстрактные понятия (напр., *sīrsnība, iešana, skaistums*), вещества (напр., *piens, sudrabs*), известные единства (напр., *tauta, kolektīvs*)».¹)

Здесь, как видно из цитаты, говорится о категории числа, в то время как ряд существительных, обозначающих абстрактные, вещественные или собирательные понятия, числовых парадигм не образует, ибо эти существительные не могут быть противопоставлены по числовым значениям.

подавляющее большинство существительных в обоих сопоставляемых языках, обозначая считаемые предметы, имеет и формы, и значения числа, например, в русском «дом» — «дома», «коса» — «косы», в латышском «*pāms*» — «*pami*», «*bize*» — «*bizes*». Однако в отношении морфологических показателей числовых значений русский и латышский языки различаются весьма значительно, и из особенностей морфологических форм числа можно отметить следующие.

И в русском, и в латышском языках категория числа существительных выражается с помощью флексий, что представляет основным способом выражения разных числовых значений этих имен. Однако в латышском языке система окончаний множественного числа, во-первых, весьма четко связана с родовыми

¹ *Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika*, I. Rīga, 1959., 382. lpp.

группами имен существительных, в то время как система падежных окончаний множественного числа для русских имен существительных почти не зависит от их родовой принадлежности. Во-вторых, окончания множественного числа латышских существительных более или менее дифференцированы и по склонениям, тогда как в русском языке склонения существительных различаются, как известно, только в единственном числе.

В самом деле, для латышских имен существительных женского рода характер системы падежных окончаний отличается от мужского. Здесь *nominatīvs*, *akuzatīvs* и *datīvs*, *instrumentālis* попарно имеют идентичные окончания, а *lokātīvs* отличается от первой пары лишь долгим гласным на месте краткого того же качества, например, в парадигме склонения существительного «skolas»: N. *skolas*, G. *skolu*, D. *skolām*, A. *skolas*, I. ar *skolām*, L. *skolās*; существительного «bizes»: N. *bizes*, G. *bižu*, D. *bizēm*, A. *bizes*, I. ar *bizēm*, L. *bizēs*; существительного «sirdis» (сердцá): N. *sirdis*, G. *siržu*, D. *sirdīm*, A. *sirdis*, I. ar *sirdīm*, L. *sirdīs*, это соответствие падежей видно достаточно отчетливо. Для существительных же мужского рода соответствия распределены иначе: *nominatīvs*, *akuzatīvs*, *genitīvs* и *lokātīvs* вообще не соотносены между собой, и внешне совпадают лишь *datīvs* и *instrumentālis*, например, в парадигме склонения существительного «galdi» (столы): N. *galdi*, G. *galdu*, D. *galdiem*, A. *galdus*, I. ar *galdiem*, L. *galdos*.

Кроме того, как видно из склонения существительных женского рода, последние различаются вокализмом окончаний и в зависимости от принадлежности к той или иной группе склонения: 1) *-as*, *-ām*, *-ās*, 2) *-es*, *-ēm*, *ēs*, 3) *-īs*, *-īm*, *-īs*.

В русском языке система падежных окончаний во множественном числе в значительной степени унифицирована. Так, дательный, творительный и предложный падежи представлены окончаниями «-ам (-ям)», «-ами (-ями)», «-ах (-ях)», общими всем именам существительным, за очень редкими исключениями. Винительный падеж соотносится в зависимости от одушевленности или неодушевленности существительных или с родительным, или с именительным падежом, что очень важно для существительных типа «мышь», «сестра», не имеющих выражения одушевленности в ед. числе, а что касается последних, то, даже несмотря на относительное многообразие их флексий, они почти не связаны ни с родом, ни с группой склонения существительных.

Именительный падеж множественного числа располагает несколькими характерными окончаниями: *-á* (-я́), *-a* (-я), *-ы* (-й), *-ы* (-и), *-e*. Ударенное *-a* характерно для существительных мужского рода, например, «провода», «тона» и др., но оно же встре

чается и у существительных среднего рода, например, «облака», безударное -а характерно для существительных среднего рода, но встречается и у существительных мужского рода, например, «телята» и женского — «гроздь». Окончания ударное и безударное -ы имеются как у существительных женского, так и у существительных мужского и среднего рода, например, «школы», «заборы», «уши». Прочно связанным с мужским родом существительных оказывается, таким образом, лишь один именительный падеж на -е, например, «крестьяне», «дворяне» и др., однако, как отмечал уже К. С. Аксаков в своем *Опыте русской грамматики*:

«Самое множество отчасти поглощает личность, а, с другой стороны, отчасти устраняет родовое значение единственного». ²⁾

Об этом же пишет академик В. В. Виноградов в книге «Русский язык»:

«... ср. отпадение личностного суффикса единичности -ин во множественном числе: *гражданин — граждане*...» ³⁾

Правда, окончание -е не свойственно существительным других родов, но ослабление родового значения здесь ясно ощущается.

Родительный падеж имеет нулевое окончание, характерное для женского и среднего рода, например, «песен», «сёл», но не чуждое и мужскому, например, «сапог», «глаз», «солдат», окончание -ей, в одинаковой мере свойственное существительным всех трех родов, например, «коней», «коленей», «печей»; и окончание -ов (-ев), характерное для существительных мужского и среднего рода, например, «городов», «звеньев», «облаков», для женского рода оно не характерно (ср., впрочем, «гроздь — гроздьев»). Таким образом, окончания этих двух падежей во множественном числе не служат показателями каких-либо родовых значений.

Русский язык в отличие от латышского располагает и целым рядом других морфологических средств для выражения значения множественности, помимо флексий. В некоторых случаях основы имен существительных в форме множественного числа имеют специфические суффиксы, которые тоже могут служить для распознавания форм множественности. Например, группа существительных «сын», «кум», «зять», «брат», «друг», «дядя» во множественном числе осложняют свои основы суффиксами -овј- или -ј-. Суффикс -ј- имеет место и в основах форм множественного числа существительных «кол», «прут», «обод», «камень» и др., например, «колья», «прутья», «каменя» (с оттен-

²⁾ К. С. Аксаков. *Опыт русской грамматики*. «Полное собрание сочинений. Сочинения филологические», т. III, М., 1880 г., ч. II, стр. 110.

³⁾ В. В. Виноградов. *Русский язык*, М., 1947 г., стр. 147.

ком собирательности) и др., то же у существительных типа «звено», «крыло» — «звенья», «крылья» и др. Имеются и отдельные непродуктивные суффиксы, например, «чудо» — «чудеса» и нек. др.

Кроме того, иногда основа словоформ множественного числа упрощается путем исключения суффикса, имевшегося в формах единственного числа, например, «гражданин» — «граждане», «мещанин» — «мещане», «судно» — «суда» и др.

Наконец, некоторым существительным русского языка свойственна замена суффиксов при склонении по числам. Так, существительные, обозначающие детёнышей, типа «телёнок», «тигрёнок», во множественном числе заменяют суффикс -енок (ёнок) на другой суффикс -ат-(-ят-): «телята», «тигрята», или часть суффикса: «чертёнок» — «чертенята», «бесёнок» — «бесенята».

В латышском языке ничего похожего не наблюдается. Правда, немногочисленные существительные женского рода на -e и с основой на губные и губно-зубные согласные b, p, v, f в родительном падеже множественного числа осложняют основу добавочным звуком -j-, например, *dobe* — *dobju* (грядка — грядок), *ure* — *urju* (река — рек), но для некоторых из них такое осложнение факультативно, например, *kafe* — *kafatu* и *kafej* (графин — графинов).

И в русском, и в латышском языке имеются случаи, когда основа множественного числа отличается от основы единственного чередуясь (непозиционно) звуками. В русском языке это чередование нерегулярно, например, в слове «друг» — «друзья», зато в латышском языке оно представлено гораздо шире и регулярней. Так, звуки s, t, d, z, n, l, dz чередуются соответственно со звуками š, š, ž, ž, ņ, l, dž в родительном падеже множественного числа существительных женского рода на -e, например, *arpe* — *aršu* (осина — осин), *māte* — *māšu* (мать — матерей), *lode* — *ložu* (пуля — пуль), *roze* — *gožu* (роза — роз), *celtne* — *celtņu* (здание — зданий), *spole* — *spoļu* (катушка — катушек), *odze* — *odžu* (гадюка — гадюк). Такое же чередование наблюдается и у существительных женского рода на -s, например, *ass* — *ašu* (ось — осей), *cilts* — *cilšu* (племя — племён), *sirds* — *siržu* (сердце — сердец), *dzelzs* — *dzelžu* (железо — железный), *uguns* — *uguņu* (огонь — огней), *sāls* — *sāļu* (соль — солей), и у существительных мужского рода на согласную основы, у которых во всех падежах множественного числа происходит чередование согласных в исходах основ, например: *mēness* — *mēneši* (месяц — месяцы), *zibens* — *zibeņi* (молния — молнии) и др. Хотя подобное чередование отчасти является факультативным и не принимается за норму для не-

которых слов в литературном языке, оно по охвату языкового материала, несомненно, шире и систематичнее, чем чередование в русском языке.

В отличие от латышского языка русский располагает еще одним достаточно эффективным средством выражения грамматических значений — подвижным ударением. Оно переходит на окончание во всех формах множественного числа у существительных мужского рода типа «дуб», «суп», «таз» и др., существительных среднего рода типа «место», «море» и др., существительных женского рода типа «кисть», «весть» (за исключением именительного падежа), так что фонетический строй основы уже позволяет судить об определенном грамматическом значении всей словоформы. Ударение может переходить и с окончания на основу во всех падежах множественного числа у существительных женского рода типа «беда», «пчела», существительных среднего рода типа «бревно», «ведро», что также может служить признаком множественного числа.

В отдельных случаях в обоих языках наблюдается выражение значений множественного числа лексическими средствами, или супплетивными формами. Здесь и русский, и латышский языки в одинаковой мере бедны и имеют лишь две параллельные пары супплетивных образований: «человек» — «люди», *silvēks* — *ļaudis*. Необходимо отметить, что формы множественного числа русского «человек» в русском языке изолированно не встречаются и возможны только в сочетаниях с именами числительными, например, «пятью человеками». В латышском же языке формы *silvēki* и *ļaudis* встречаются параллельно, однако с числительными употребляется форма *silvēki*, которая, как кажется, имеет менее собирательное значение, нежели форма *ļaudis*.

Противопоставление форм единственного и множественного числа, как уже было отмечено выше, характерно не для всех существительных. И в русском, и в латышском языках имеются имена существительные, которые лишены парадигм склонения по числам и представлены либо в формах только единственного, либо только множественного числа.

Эти имена существительные в основном тех же семантических разрядов в обоих языках, однако конкретное их распределение по классам *singularia* и *pluralia tantum* представляется специфическим для каждого языка и поэтому нуждается в особом рассмотрении.

Имена существительные в формах только единственного или только множественного числа в обоих языках имеют общую семантику. Это, прежде всего, отвлеченные существительные, типа «хлопоты», «красота» в русском и типа *rūpes*, *skāistums* — в

латышском. Здесь нужно отметить отсутствие каких-либо регулярных соответствий между языками, так как имеются и совпадения и расхождения в числовых формах адекватных лексических единиц. Например, совпадают по форме единственного числа существительные русские «красота», «белизна», «беготня» и латышские *skaistums*, *baltums*, *skraidīšana*; по форме множественного числа русские «выборы», «похороны», «дебаты» и латышские *vēlēšanas*, *bēres*, *debātes*; но различаются русские «сумерки», «сутки» и латышские *krēsla*, *diennakts*, а также русские «смех», «тоска» и латышские *smieklī*, *skumjas*. Вообще нужно заметить, что в латышском языке в формах множественного числа представлено больше абстрактных существительных, чем в русском, ср., *melī* (ложь), *plāras* (болтовня), *briesmas* (ужас), *beigas* (конец), *bailes* (страх), *bēdas* (беда), *dusmas* (гнев), *gaviles* (ликование), *sāpes* (боль), *šaubas* (сомнение) и т. д.

Не имеют числовой парадигмы и существительные вещественные, которые в сопоставляемых языках также не имеют регулярных соответствий. Например, совпадают в формах единственного числа существительные русские «молоко», «масло», «золото», «железо» и латышские *piens*, *sviests*, *zelts*, *dzelzs*; в формах множественного числа — русские «духи», «консервы», «обои» и латышские *smaržas*, *konservi*, *tapetes*; но различаются русские «чернила», «дрова», «дрожжи» и латышские *tinte*, *malka*, *gaugs*, а также русские «лён», «пух», «чеснок» и латышские *lini*, *pūkas*, *ķiploki*.

Не изменяются по числам и собирательные существительные, о которых можно сказать то же, что и о предыдущих группах. Так, совпадают в формах единственного числа существительные русские «человечество», «молодёжь», «крестьянство», «ельник» и латышские *cilvēce*, *jaunatne*, *zemniecība*, *eglājs*, в формах множественного числа — существительные русские «брюки», «финансы», «оковы» и латышские *bikses*, *finanses*, *važas*; но различаются русские «ножны», «шахматы», «часы» и латышские *maksts*, *šahs*, *pulkstenis*; а также русские «зелень», «дробь», «родня» и латышские *zaļumi*, *skrotis*, *radi*.

Что касается имен собственных, то они и в том, и в другом языке употребляются как в формах единственного, так и множественного числа в зависимости от традиции, например, русские *Петр*, *Волга*, *Холмогоры*, *Альпы* и латышские *Pēteris*, *Volga*, *Cēsis*, *Karpati*. Нужно отметить, что названия местностей, городов и поселков в формах множественного числа широко распространены.

Можно также указать на некоторые особенности в семантике существительных *singularia* и *pluralia tantum*, присущие груп-

нам слов в том и другом языке. Так, названия различных сельскохозяйственных культур, массы вещества, стран света, времени приема пищи в латышском языке, как правило, будут в форме множественного числа, а в русском — единственного, например: *dūmi* (дым), *sodreji* (сажа), *kvēri* (копоть), *putekļi* (пыль), *mēsli* (навоз), *gruveši* (мусор), *dubļi* (грязь), *putas* (пена), *putraimi* (крупа), *sviedri* (пот), *milti* (мука), *pelni* (пепел, зола), *salmi* (солома), *lūžņi* (лом), *tauki* (жир), *ziepes* (мыло), *sārņi* (шлак) и т. д.

В русском языке в отличие от латышского некоторые составные предметы считаются парами и употребляются в форме множественного числа, тогда как в латышском такого счета не применяют. Например, «пара брюк», «пара ножниц» и др.

В заключение обзора категории числа существительных по сопоставляемым языкам следует остановиться еще на одном очень важном моменте — лексикализации форм числа. Этот процесс является, собственно, словообразовательным и прямого отношения к грамматике не имеет, однако поскольку источником лексикализации являются определенные грамматические формы, нельзя не коснуться тех особенностей, которые присущи каждому из сопоставляемых языков в области лексикализации.

В русском языке лексикализация форм множественного числа распространена довольно широко и связана, вероятно, с большим разнообразием морфологических средств выражения множественности, чем в латышском. Нередки случаи, когда в зависимости от лексического значения форм единственного числа форма множественности получает различные морфологические варианты, закрепленные за определенными лексическими значениями первой. Например, «зуб» — «зубы» и «зубья», «хлеб» — «хлебы» и «хлеба», «мех» — мехи и «меха» «тон» — «тоны» и «тона» и под. В латышском языке лексикализация форм множественного числа распространена менее широко, однако и здесь можно отметить ряд существительных, отличающихся по своему лексическому значению от соответствующих форм единственного числа. Обычно в таких случаях существительные в формах единственного числа обозначают какое-либо абстрактное понятие, которое, приобретая способность образовать числовую парадигму, немедленно лексикализуется в форме множественного числа путем конкретизации этого отвлеченного понятия, например, *saldums* (сладость) — *saldumi* (сласти), *ātrums* (скорость) — *ātrumi* (скорости, напр., у автомобиля), *stikls* (стекло) — *stikli* (места, где имеется стекло, стекла) и под. Такое же явление можно отметить и в русском языке, когда конкретизация вещественного или абстрактного понятия приводит к возможности образования

формы множественного числа, отличающейся некоторым лексическим нюансом от соответствующих форм единственного числа, однако латышский язык не знает такого разнообразия морфологических лексикализованных форм, как русский (ср. «колени» — «колени», «колена», «коленья»).

Таковы особенности категории числа существительных в русском и в латышском языках.

формы множественного числа существительных и глагольных форм единственного и множественного числа. В русском языке существительные и глаголы имеют формы множественного числа, которые отличаются от форм единственного числа. Например, существительные имеют формы множественного числа, которые отличаются от форм единственного числа. Глаголы имеют формы множественного числа, которые отличаются от форм единственного числа.

В русском языке существительные и глаголы имеют формы множественного числа, которые отличаются от форм единственного числа. Например, существительные имеют формы множественного числа, которые отличаются от форм единственного числа. Глаголы имеют формы множественного числа, которые отличаются от форм единственного числа.

В русском языке существительные и глаголы имеют формы множественного числа, которые отличаются от форм единственного числа. Например, существительные имеют формы множественного числа, которые отличаются от форм единственного числа. Глаголы имеют формы множественного числа, которые отличаются от форм единственного числа.

В русском языке существительные и глаголы имеют формы множественного числа, которые отличаются от форм единственного числа. Например, существительные имеют формы множественного числа, которые отличаются от форм единственного числа. Глаголы имеют формы множественного числа, которые отличаются от форм единственного числа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакционной коллегии	5
Н. Д. Боголюбова и Л. И. Таубенберг. Наблюдения над языком новгородских грамот XIII—XIV вв. Рижского государственного городского архива	7
Е. С. Смирнова. Морфологические заметки о новгородских грамотах XIII—XIV вв., хранящихся в Рижском государственном городском архиве	27
М. А. Соколова. Чужая лексика в «Домострое» (заимствования из греческого языка)	43
А. В. Суперанская. Русские названия верхней одежды	59
Н. А. Донец. Фразеологические сочетания в роли простого глагольного сказуемого	75
Е. М. Целма. К вопросу о соотношении предложений с деепричастными оборотами и синонимических конструкций	99
Т. И. Пабауская. Иноязычная лексика и фразеология в языке А. П. Чехова	113
Т. И. Пабауская. Место просторечной лексики в произведениях А. П. Чехова	125
М. Ф. Семенова. Сопоставительная грамматика русского и латышского языков (введение, лексика, фонетика)	153
В. А. Юрик. Категория числа имен существительных в русском и латышском языках	197

ZINATNISKIE RAKSTI

43. SĒJUMS

Parakstiis iespiešanai 1961. gada 8. decembrī. Papīra formāts 60×92/16. 13 fiz. iespiedloksnes; 13 uzskaites iespiedloksnes.
Metiens 550 eks. JT 09715.
Maksā 91 kap.

PĒTERA STUCKAS LATVIJAS VALSTS
UNIVERSITĀTE

Iespiests Latvijas PSR Kultūras ministrijas
Poligrāfiskās rūpniecības pārvaldes 1. tipogrāfijā «Cīņa» Rīgā, Blaumaņa ielā 38/40.
Pasūn. Nr. 2887-n.

427823

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0510066563

1.5

91 kap.

87

WV

DT-75

43